

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛДЬЕ

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Есть тайны,
которые
невозможно
облечь в слова...
Но отчего порой
мы готовы умереть
ради того, чтобы
скрыть их?

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Франк Тилъе
Головокружение

Посвящается Валери и нашим детям

*Здравствуй, тьма, мой старый друг,
Я снова пришел поговорить с тобой.*

Саймон и Гарфункель

Мы существуем, только когда нас фотографируют.

Хорхе Луис Борхес

Frank Thilliez

VERTIGE

Published originally under the title “VERTIGE”

Copyright © 2011, Fleuve Noir, Département d’Univers Poche

© О. Егорова, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Восхождение Франка Тилье к славе началось с «Комнаты мертвых» (2005). Роман мгновенно стал бестселлером, завоевал читательскую премию «Набережная детектива» (2006), премию за лучший французский детектив компании «SNCF» (2007), по нему снят фильм с Мелани Лоран, Эриком Каравака, Жилем Лелушем и Жонатаном Заккаи в главных ролях. Триллеры Тилье переведены на десяток языков, за шестизначную сумму куплены американским издательством «Пингвин», ведутся переговоры об их экранизации в Голливуде.

«Головокружение» Тилье – это руководство по выживанию на враждебной территории, рецепт, приправленный соусом глубинных потаенных страхов.

Ночью во время бессонницы я открыл лежащую на тумбочке книгу незнакомого автора. Это оказался роман Тилье «Головокружение». Что вам сказать?! Заснуть мне так и не удалось. Я не мог остановиться, пока не перевернул последнюю страницу. Леденящий ужас и невероятное удовольствие!

Разгадка кода замка, открывающего путь к жизни героев нового романа Франка Тилье, проста, как детская считалка: ВОП, ЛЖЕЦ, УБИЙЦА. Но пойдя пойми, кто есть кто, ведь каждый из троих, угодивших в ледяную ловушку, уверен, что ни в чем не виновен.

AMAZON. Отзывы читателей. Случайная подборка

Франк Тилье, как Стивен Кинг и Жан-Кристоф Гранже, обожаемые им авторы, любит помещать своих героев в экстремальные ситуации, которые углубляют проблемы их собственной психики.

Маша Сери. LE MONDE DES LIVRES

В этом завораживающем повествовании обнажена человеческая душа. Читатель захвачен переживаниями героев до такой степени, что ему кажется, что все это происходит наяву с ним самим.

Actualité, 28.12 2011

1

Безумие не отозвалось бы так гулко. Хорошенько запомните этот металлический звон. Пока он будет звучать у вас в голове, он будет доказывать, что вы не сошли с ума.

Тьма

Тьма повсюду.

Минут десять я пытаюсь пошевелиться, но не могу. Дома я всегда слышал шум машин за окном нашей спальни. А тут – ничего. Ни звука мотора, ни голосов. Хотя нет, откуда-то доносился свист. Ветер... Где-то стонал ветер.

Где я?

Надо постараться восстановить события, включить память. Вчера вечером я сидел в больнице у Франсуазы. Помню, что в палате было очень жарко и я почувствовал себя плохо. Потом... потом я съел какую-то мерзкую бурду и оставался в палате у жены, пока не кончилось время посещения. Когда я вышел, меня подташнивало. Возвращение домой в Анниси. Поздно. Перед тем как в одиночестве улечься в нашу просторную и теплую кровать, я оторвал листок календаря.

25 февраля 2010 года. Самый разгар зимы.

А проснулся я на чем-то жестком, то ли окоченевший, то ли парализованный.

Шевельнулся большой палец на правой руке. Согнулся, потом разогнулся. Теперь пальцы на ногах. Вроде и связки начали сокращаться одна за другой, и мышцы. Дрогнули веки. На радостях я принялся моргать без остановки. Открыть, закрыть, открыть, закрыть... Похоже, я оживаю. Через пару минут мне, наверное, удастся оторвать от земли свои семьдесят кило и разобраться, что происходит.

Но внезапно я снова замираю от нового звука. От позвякивания, сопровождающего каждое движение моего запястья. Вслепую, преодолевая приступы дурноты, я приподнимаюсь и щупаю.

Правая кисть перехвачена шершавым кольцом.

Как бы нелепо и нереально это ни выглядело, но, похоже, я закован.

2

Знаешь, мама, я никогда в жизни не видел такого страшного места, как это. ^[1] *Представь себе унылое плато, которое все время дуют ледяные ветра, и температура там может понизиться до минус шестидесяти. Оно занимает широкую расщелину между склонами Лхоцзе и Эвереста. Его восточная оконечность нависает на высоте две тысячи метров над спускающимся к Тибету Кангчунгом, а западная на высоте тысяча двести метров переходит в ущелье. Здесь только скалы и льды, даже снега нет, потому что его сдувает ветер. Сейчас ветер бьется в стенку моей палатки. Скоро я погашу фонарик и стану думать о тебе.*

Видишь, свобода существует на свете. Она кажется нам недостижимой, и именно это делает ее такой драгоценной. А я сейчас вдыхаю ее полной грудью. Завтра выходим на вершину. У меня с собой вымпел.

Во всяком случае, если на нашей старушке Земле и есть место менее гостеприимное, чем это, я надеюсь туда никогда не попасть.

Письмо Жонатана Тувье к матери от 13 мая 1986 года.

Четвертый лагерь на высоте 7925, южная стена Эвереста

Каска... Шланг... Баллон...

Большой палец скользнул по колесу зажигалки, и вот уже желтый язычок пламени заплясал перед металлическим рожком. Тихое шипение – и газ загорелся. Пламя разрослось и погелубело.

Вот и свет.

У меня на голове каска, и от встроенного в нее отражателя к стенке красной палатки тянется золотистый конус. Во рту мерзко, язык не шевелится. Наверное, прежде, чем привезти сюда и приковать, меня накачали какой-то дрянью. Пока я спал, мне на голову надели налобный фонарь с рефлектором, каким пользуются спелеологи. Рядом лежал баллончик с ацетиленом, соединенный шлангом с каской. На мне была шерстяная рубашка в клетку, штаны на теплой подкладке, пуловер, пуховик, толстые зеленые носки и походные ботинки. Не в силах поверить во все это, щиплю себя. Позвякивание цепи напоминает мне, насколько все реально.

Среди всякой всячины, разбросанной в полном беспорядке по моему полотняному узилищу, я обнаружил две пары старых нейлоновых рукавиц, два потрепанных спальника, два махровых полотенца – то ли белых, то ли желтых, при искусственном освещении не разберешь, – и металлический ящик с висячим замком, который открывался комбинацией из шести цифр. Тут сработал рефлекс бывалого бойца, и я попытался найти воду или еду, но безуспешно. Тогда глаза мои снова уставились на спальники. Почему их два? И почему две пары рукавиц?

– Франсуаза! Клэр!

Да нет, нет. Моя дочь Клэр где-то в Турции, на практике от школы макияжа и спецэффектов. Франсуаза лежит в больнице. Пока мысли о них проносились в моей голове, снаружи на мое временное пристанище начало что-то медленно капать. Похоже, дождь.

Я подышал в ладони, стараясь их согреть, и с ужасом заметил, что исчезло серебряное обручальное кольцо. Глаза мои заметались по синему коремату^[2] на дне палатки. Кольцо вот уже восемнадцать лет не покидало пальца даже в самые трудные моменты, и проще было отрезать мне руку, чем отнять его. А сейчас кто-то осмелился украсть у меня кольцо? По какому праву?

На правой руке болталась цепь из массивных звеньев, запястье охватывал железный браслет с огромным замком. Я ухватился за замок и дернул изо всех сил. Никакого эффекта. Постепенно мое пятидесятилетнее тело вновь обрело чувствительность. Снизу, под плотной пенкой, угадывалась неровная и жесткая поверхность. Сзади, в углу палатки, стоял проигрыватель с двумя пластинками. На сорок пять оборотов, насколько я заметил.

Я с трудом поднялся на четвереньки, все тело болело. Фонарь у меня на каске освещал только то место, куда я поворачивал голову. Страшный сон продолжался. Названия на конвертах пластинок: «Птицы вашего сада. 24 записи» и «Wonderful World» Луи Армстронга.

Я ничего не понимал. Что до проигрывателя, то это был, скорее, электрофон, из тех, на котором в детстве я слушал сказки Перро и братьев Гримм. Рядом лежал ушной^[3] термометр и старый поляроид. Пять кадров из шести были уже использованы, оставалось только щелкнуть последний. Ерунда какая-то, бессмыслица. Все эти предметы не вязались друг с другом, и цепь у меня на руке с ними не вязалась, да и вся ситуация сама по себе ни с чем не вязалась.

Стало так холодно, что пришлось сунуть руки в серые рукавицы. Я

встал на ноги – в этом кошмаре вскочишь, – поднял ацетиленовый баллон и застегнул молнию. Резкий металлический звук всколыхнул множество воспоминаний. Проснуться дикарем, под случайным кровом... Головокружение от неизвестности... Высоко в горах... Все это было так давно.

Я выбрался из палатки в ожидании, что увижу какое-то новое место, совсем чужое, но живое. Но снаружи вообще ничего не было. Ни границ, ни оттенков, ни переднего плана, ни заднего. Одна тьма. Единственным источником света был мой налобник. В голове у меня сразу возник образ погруженного в океанскую пучину батискафа, с его слабыми желтыми огнями. Я огляделся, но не увидел ничего, кроме скалы, палатки со старыми креплениями и какого-то темного пятна между камнями.

Я осторожно двинулся с места. Темное пятно обрело резкость. С того места, где *оно* находилось, ритмично поднимались облачка пара.

Оно было живое.

3

Человеческий организм на шестьдесят-семьдесят процентов состоит из воды. При ежедневном рационе в 3500 калорий необходимо выпивать 3,5 литра воды, и только тогда вода составит резерв организма.

Выживание при любых условиях. Книга, написанная Максом Бекон, партнером по восхождениям и другом Жонатана Тувье

Я ускорил шаг. Внутри все замерло и напряглось.

Левое ухо порвано, сухая костистая голова, ножничный прикус... Ну конечно, это он, Покхара. Я нагнулся и прижал его к себе. Мой пес жив.

– Все в порядке, Пок, все в порядке...

Я догадывался, как ему страшно. Чехословацкие овчарки вообще не любят новой обстановки. Я ласково его погладил, стараясь успокоить. У него изо рта шла пена, – видимо, его тоже чем-то накачали. Выпрямившись, я испытал постыдное облегчение: мой пес со мной, я не один.

Я решил двигаться по звеньям своей цепи. Почва под ногами черная и мокрая. Вроде бы идешь вперед, а на самом деле соскальзываешь назад. Покхара постепенно исчезал из виду: света было мало. Ведь собака – живой гимн свободе. Зачем же было его тащить сюда вместе со мной?

Метров десять я прошел по твердой гладкой поверхности. Потом ступать стало мягче. У подножия высокой скалы похрустывала заледеневшая грязь. Справа от меня конус света сразу уперся в отвесную стену. Я поднял голову, и налобник осветил ледяные и известковые сталактиты, висящие на высоте метров семи. Таких огромных сталактитов мне видеть еще не приходилось. Ну и местечко... Словно разинутая пасть какого-нибудь монстра из фантастического романа.

Я быстро прикинул, что если под ногами грязь, значит лед обтекает вниз. А если лед обтекает или падает, значит есть вода. Хорошая новость... Как говорится, приговоренному объявили, что его казнят не завтра, а послезавтра.

Ну вот я добрался до конца цепи, точнее, до ее начала. Цепь намертво закреплена колом, вбитым в скалу, и выдернуть ее невозможно. Я попытался постучать по камню: вдруг кусочек отколется? Звук вышел

громкий, но ничего не откололось. Скалу обработали со знанием дела, можно сказать, хирургически. С ней справится разве что отбойный молоток.

У ацетиленового баллона имелись серые ремешки, я закрепил его на спине и двинулся вдоль стены направо. Мой взгляд, моя жизнь – все сейчас сосредоточилось в этом пучке янтарного света от налобного фонаря. Слух чутко реагировал на каждый шорох, на каждую упавшую каплю. Нос вдыхал сырость и специфический запах мокрого известняка.

Цепь, скорее всего, была длиной метров двадцать. Я опустил голову и осторожно пошел дальше. Впереди проступали пласты округлых минералов – «почек», прозрачного растрескавшегося льда и обломков кварца и полевого шпата. Этот «декор» мог бы смотреться красиво, не будь он таким кошмарным.

Наверное, я бредил, потому что прямо перед собой вдруг увидел отвесную стену из чистого льда. Она поднималась, словно исполинская волна, готовая вот-вот обрушиться и поглотить тебя, точно челюсти. Наверное, она тысячелетиями нарастала от влаги, холода и конденсата. Фонарь просвечивал ее вглубь, и она отливала дивной синевой. Подземные ледники образуются на большой глубине, не меньше тридцати-сорока метров. Там, куда никогда не проникают и не смогут проникнуть солнечные лучи.

– Довольно! Хватит, в конце концов! Выпустите меня!

Я сделал полукруг и снова оказался возле красной палатки. Где-то завывал ветер. Покхара не двигался. В груди у него что-то похрустывало. Я долго смотрел на него и соображал, что если воду я нашел – ледяные куски так или иначе можно растопить, – то пищи нигде не обнаружил. Покхара – чехословацкий влчак,^[4] и он скорее волк, чем собака, после того как четыре года назад его сильно избили. Я его знаю как самого себя. Первое, что он сделает, очнувшись, – это примется искать еду.

Снова оставив его, я отправился в другую сторону и, подняв голову, различил в вышине камин,^[5] который уходил в никуда и терялся в темноте. На высоте пяти-шести метров проход был прямым и широким и постепенно сужался до размеров кошачьей лазейки.

– Эй! На помощь! На помощь!

Мои слова гулко раскатились во все стороны. Здесь все резонировало, да еще каждый звук усиливался. Желудок свело, и я согнулся пополам, – думал, меня вот-вот вывернет наизнанку. Но все обошлось. Я снова пошел вперед, цепь натянулась до предела, и мои ступни оказались перед

нарисованной на земле красной линией. Краска давно высохла... Линия шла вправо-влево и изгибалась, очерчивая круг. Очевидно, это граница моей территории. Тюрьма в тюрьме. Я сосредоточился. Нарисованная линия, термометр, фотоаппарат, виниловые пластинки... На первый взгляд никакой логики... Я двинулся влево. Мои ноги ступали в сантиметре от красной линии, но пересечь ее я не мог. Впереди виднелись еще стены, а прямо передо мной в скале зияла дыра. Ход, напоминавший просторную галерею, которая сразу же сворачивала в сторону. Может, там разгадка моей несвободы? Может, за этим неприступным лазом лежит простая и прямая дорога наверх?

Почти бегом бросился я обследовать оставшийся участок и оказался перед глубокой шахтой. Я осторожно наклонился над ней и почувствовал струю воздуха. Ледяной воздушный поток устремлялся вниз, наводя на мысль, что где-то в глубине имеется еще одно огромное подземелье. Я оцепенел. Луч света из фонаря не достигал дна, огонь в горелке потрескивал и дрожал на воющем ветру. Наверное, эта поющая о смерти пасть не имеет конца и уходит к самому сердцу планеты.

С носа у меня стекла капля. Холод усиливался. Я снова двинулся вперед, и световой круг снова высветил нечто невообразимое. Я поморгал десять, пятнадцать, двадцать раз.

Оно по-прежнему было там.

Совершенно подавленный, я принялся потихоньку подкрадываться. По ту сторону красной линии, возле скалы, неподвижно лежал человек, слабо шевелился только его застывший от холода большой палец. У ног незнакомца виднелся конверт.

Цепи на человеке не было.

Но его голову и лицо целиком скрывала черная металлическая маска.

4

Я старался вести счет дням. Я пытался также вспомнить из всего, что раньше читал, сколько времени человек может выдержать без еды и питья. От жары меня одолевали головные боли, часто охватывало самое мрачное отчаяние, и я смотрел на нас как на шестерых осужденных, идущих на неизбежную смерть. Каждое утро, когда просыпался, одна и та же мысль приходила в голову: чья очередь?^[6]

Славомир Равич. Форсированным маршем (1956). Этот фрагмент текста Жонатан Тувье подчеркнул много лет назад

В день смерти моего компаньона по восхождению Макса Бека я нашел на биваке его фотоаппарат, «лейку» в черно-сером корпусе. Мне никогда не приходило в голову проявить пленку, она все время со мной, надежно спрятанная в шкатулке с замками-застежками. Иногда я уединяюсь на чердаке, достаю ее и просто смотрю. Она рассказывает о последних годах наших восхождений с тем, кто долго был моим лучшим другом. Порой сила воображения дает больше, чем долгие описания или зарисовки.

И она, несомненно, бесконечно более разрушительна.

Вот и теперь мгновенно запечатленный образ распостертого на дне пропасти существа в маске вполне мог бы пополнить мою воображаемую коллекцию ужасов. Его можно было бы поместить рядом с Франсуазой на больничной койке, с ее окончательно облысевшей головой.

Человек в желтом круге света с трудом приподнялся и потрогал маску. Кончики пальцев нащупали огромный замок, висящий на затылке. Он напрягся, потом разозлился и быстро отполз на локтях к самой стене.

– Вы кто? Что это со мной сделали? Где я?

Я понял, что мой налобник его слепит, и чуть отвернул голову, не теряя незнакомца из виду.

– Я Жонатан Тувье. Где мы, я не знаю. Но похоже, в какой-то пропасти. Я очнулся тут, так же как и вы, без движения. Сколько времени прошло, я тоже не знаю. Наверное, нам вкололи снотворное или какой-то наркотик.

– Снотворное? В пропасти? Но... но...

Голос у него был странный, искаженный, в маске он звучал гулко, словно человек говорил в тубу. Он снова повалился на землю, пытаюсь

стащить с головы похожую на шлем маску.

– Успокойтесь, ладно? Давайте разберемся по порядку. Вы видели того, кто вас сюда притащил?

– Нет.

– Скажите, кто вы.

Он поднялся, но тут же снова чуть не упал. Видимо, он тоже получил изрядную дозу. Ростом он выше меня и на вид гораздо крепче. И одежда на нем походила на мою, вот только эта жуткая маска и голос...

– Меня зовут Мишель Маркиз.

Его имя мне незнакомо. На безымянном пальце у него обручальное кольцо, тоненький золотой обруч. На другой руке не хватало нескольких пальцев.

– Вы живете в Аннеси?

– Нет, в Альбервиле.

Альбервиль? Неблизкий конец от моего дома. Незнакомец повертел головой, оглядываясь вокруг, и направился к шахте:

– Наверное, нам ввели что-то прямо в кровь?

Стараясь не пересечь красную линию – он находился за ней, вне моей досягаемости, – он протянул мне большой пустой шприц. Я стал его внимательно осматривать, держа в рукавицах:

– Возможно.

– А что за штука у меня на лице?

– Что-то... вроде маски, железной маски.

– Железной маски? А ее можно снять?

Я засунул шприц в карман.

– Не похоже... Она охватывает всю вашу голову. Волосы, уши... Все...

– Но... зачем? Зачем ее на меня напялили?

– У меня такое впечатление, что от нас чего-то ждут.

Я указал на конверт, лежащий неподалеку от того места, где я обнаружил человека в маске.

– Там конверт... Сходите за ним.

Он как-то странно на меня взглянул. В дрожащем свете налобника его маска меня пугала. Она была сварена из болтов и металлических пластинок, для глаз, носа и рта прорезаны узкие щелки, а уши закрыты полностью. Наверное, она весила немало. Мишель повернулся спиной, и у меня снова перехватило дыхание.

– У вас на спине...

Он остановился и снова на меня посмотрел:

– Что – на спине?

– К вашей куртке пришит лоскуток белой ткани, и на нем написано: «Кто будет вором?»

Он стащил с себя куртку и убедился, что я не вру. Тут у меня зародилось подозрение. Я быстро снял куртку. И на моей тоже красовался лоскуток белой ткани с надписью.

– «Кто будет лжецом?»

Это произнес Мишель, сжав кулаки.

– Что означают эти фразы?

Он не двигался с места, но наконец, видя, что я не отвечаю, пошел за конвертом. Стараясь не приближаться, Мишель издал мне его протянул:

– Держите, у вас свет.

Я вскрыл конверт и достал письмо:

– Напечатано на компьютере. Итак: *«На одном из вас железная маска с замком. Под этой металлической конструкцией, как раз над черепом, находится...»*

Я остановился и грустно взглянул на Мишеля. Потом откашлялся и продолжил:

– *«...находится заряд взрывчатки, снабженный механизмом, который приведет ее в действие в случае, если вы отойдете дальше чем на пятьдесят метров от ваших...»*

Пораженный, я снова умолк и огляделся. Черт возьми, сколько же нас здесь? Мишель отшатнулся, схватившись руками за голову. Я не видел его лица, но думаю, на нем сейчас было выражение, как у человека, окруженного стаей волков.

– Продолжайте...

– *«...дальше чем на пятьдесят метров от ВАШИХ спутников, прикованных цепями. Заряд крошечный, всего несколько граммов, но его хватит, чтобы продырявить вам череп.*

Так что отныне вы объединены опасностью. Кроме меня, никто не знает, где вы, а я оттуда, где нахожусь, не смогу оказать вам никакой помощи. Поверьте мне, вас никогда не найдут. Примите как данность, что вы все умрете. Все дело в том, сколько вы сможете продержаться. И во имя чего».

Вы все умрете. В моем мозгу тут же всплыло воспоминание о глубочайшем ужасе, какой мне довелось пережить когда-нибудь в жизни. Меня засыпало лавиной, я задыхался и постепенно угасал. Это состояние называют медленной смертью. Похоже, мы крупно влипли. Я сложил письмо. Внутри была пустота. Мишель сидел сгорбившись, зажав руки

коленями. Я пристально на него взглянул:

– Это письмо вам о чем-нибудь говорит? Для вас есть в нем хоть какой-то смысл?

После каждого слова изо рта вылетало облачко пара, тут же растворяясь в пустоте, и это было отвратительно.

– Говорит ли оно мне о чем-нибудь? Пожалуй, говорит... У меня бомба на башке, так ведь там сказано?

Неожиданно громкий воющий лай заставил нас вздрогнуть. Он раздавался словно отовсюду. Я обернулся и бросился к палатке, в голосе моего пса послышались угрожающие нотки. Узнаю его стиль: это сигнал о неизбежном нападении.

– Покхара! Пок!

Я подлетел к палатке, скребя цепью по земле. Собаки не было. Снова рычание: оно слышится отовсюду и одновременно ниоткуда. Мишель не отставал от меня, но резко замер, когда я обернулся и сделал ему предостерегающий жест рукой.

– Оставайтесь там!

– Один, в темноте? Ну уж нет! Я с вами. Только не говорите, что здесь еще и собака!

– Это моя собака.

В свете фонаря Покхара резко вскочил. Мне уже приходилось его видеть в таком состоянии: шерсть дыбом, весь во власти дикого инстинкта. Я одним прыжком подлетел к нему и навалился сверху. Он коротко дернул носом, явно меня узнав, но остался в том же напряжении. Тогда я, вслед за ним, поднял глаза.

Еще один. И он нас видит. С двухметровой высоты на нас таращились маленькие круглые глаза. Еще один клон, одетый, как и мы. Железной маски на нем не было, зато на правой лодыжке такая же цепь, как у меня. Он сидел на карнизе, которого я не заметил при первом осмотре территории.

Когда он повернулся, чтобы слезть, я увидел у него на спине тот же клочок белой ткани с надписью:

«Кто будет убийцей?»

5

Несомненно, мечта о блинчике – это всего лишь мечта, а не блинчик. А вот мечта о путешествии – это всегда путешествие.

Высказывание Марека Хальтера, которое Жонатан Тувье любил повторять, сидя в палатке в экспедиции

Мишель и мы с Поком подошли к палатке. Я был вынужден держать пса и все время его успокаивать, потому что он все норовил броситься на парня, который гремел цепью. Пок воспринимал это как угрозу. В обычной обстановке Пок довольно миролюбив. Фарид – Фарид Умад, так звали парня, – пытался разбить цепь о каменную стену. Я думаю, это наилучший способ справиться с ситуацией. Неистовство, рефлексия, гнев... А результат один: мы все оказались здесь, в подземелье, в плену, с нацепленными на спину жуткими надписями.

У меня за спиной послышался звук расстегиваемой молнии. Мишель, согнувшись, полез в палатку. Из нас троих он был самым высоким и массивным.

– Можете посветить? Ни черта не видно.

– Секундочку...

Я выпустил Пока и подошел к Фариду. Внешне он чем-то походил на меня. Вжавшись лицом в скалу, он казался скалолазом на маршруте свободного лазания: заостренные скулы, подбородок опирается о карниз, запавшие глаза глядят пристально, не мигая. Фарид Умад... Я готов был отдать руку на отсечение, что ему не больше двадцати. Интересно, смещение каких кровей дало такие прекрасные голубые глаза? Ведь у арабов это большая редкость.

– Пойдем в палатку. Попробуем хотя бы разобраться, что происходит.

– Что происходит? А я вам скажу, что происходит. Нас похоронили заживо. Вы ведь это мне только что прочли?

Я потрогал письмо у себя в кармане:

– Насчет цепи я уже все перепробовал. Бесполезно. Ладно, пошли.

– А ваш пес? Чего он на меня рычит? Не любит арабов?

– Он тебе ничего не сделает.

– Хорошо бы... Только не это... – Фарид подошел, вызывающе

коснувшись Пока.

Пес заворчал, но не пошевелился. Фарид нырнул в палатку. Этот паренек, хоть и невелик ростом – не выше 165 сантиметров – и явно в весе пера, но энергии ему не занимать. Я испугался, как бы он не наэлектризовал нашу компанию.

Я приказал Поку лежать и тоже вошел в палатку. Она была просторная, метра четыре в длину и два в ширину. Как и наши цепи, ее колышки были вбиты в скалу.

Фарид замахал руками у меня перед носом:

– А перчатки? Где мои перчатки?

– Сожалею, но здесь только две пары.

– Только две? Но нас ведь трое?

Мишель ничего не сказал, только натянул на руки рукавицы и забрал себе спальник, сунув его под мышку. Фарид схватил металлический ящик с кодовым замком и встряхнул:

– А что там?

– Посмотри сам.

Я, естественно, говорил ему «ты», ведь он годился мне в сыновья. Я тоже потряс ящик. Он явно тяжелее, чем если бы был пустым, и какой-то предмет внутри его ударялся обо что-то мягкое. Что же до замка... Пожалуй, через некоторое время я размочу его камнем... В худшем случае нам останется подобрать комбинацию цифр. Их шесть... Значит, миллион вариантов... Невозможно.

– Понятия не имею, что там.

Он выхватил ящик у меня из рук, вышел из палатки и принялся швырять его о скалу. Два раза, три... На сейфе даже царапины не появилось.

Фарид вернулся в палатку и властно шелкнул пальцами:

– Письмо... Прочтите-ка мне это чертово письмо.

Я протянул ему письмо, стараясь угадать в его взгляде хоть искру, которая подсказала бы мне, что я знаю этого неведомого мне паренька. Прошло несколько секунд, и он прижимает письмо к моей груди:

– Что вы такое сделали, чтобы я здесь оказался?

Я осторожно положил шприц возле стенки палатки.

– Сдается мне, ты меня невзлюбил. Почему?

– Почему? У вас фонарь, перчатки, у вас цепь длиннее, чем у меня, и у вас собака. Вот почему!

Подошел Мишель. Он так и не расстался со спальником, и у меня возникло подозрение, что он вообще собрался надеть его на себя и в нем

ходить.

– Это верно. Зачем здесь собака? У меня тоже дома собака. Почему только у вас такая привилегия?

– Вы называете это привилегией?

– В такой дыре – конечно да.

– Прежде чем разобраться с этим, нам надо понять, что с нами произошло. И поразмыслить над тем, что написано на наших спинах.

Фарид не сводил с меня глаз. Уже по тому, как он стискивал зубы, я догадался, что парень он вспыльчивый, и такой характер выковался, скорее всего, на улице. Этих ребят из пригородов, с вечно свирепым лицом, я видел на телеэкране. У меня создалось впечатление, что парень на все горазд. Гетто, всяческие рискованные кульбиты, сожженные автомобили... Он подышал на руки, все так же пристально глядя на меня:

– А в чем ваше-то преступление?

– Преступление? Я не совершал никакого преступления. Может, ты? Это ведь у тебя на спине самая ужасная надпись.

Фарид пожал плечами и присвистнул:

– Не катит...

Он отвернулся и уселся в углу палатки.

Мишель решил предложить свой комментарий:

– «Кто будет убийцей, кто будет лжецом, кто будет вором...» Почему не написать прямо: «Кто убийца?» Все эти деяния еще предстоит совершить, так, что ли?

– Или предстоит разоблачить... А это, так сказать, определяет будущее ампула. Так что на всякий случай: есть ли среди нас убийца?

Я оценивающе уставился на обоих. Фарид обернулся. Он завладел вторым спальником, глянул на пластинки и подпер подбородок кулаками.

– А что это за музыка? Пение птиц... И вот это... «Wonderful World». На фиг это здесь нужно?

Он пошарил вокруг себя, заметил фотоаппарат и повертел его в руках.

– Над нами что, издеваются, что ли?

– Думаю, там остался всего один кадр.

– Ага, фотку щелкнуть, ладно... А мне вот нужна сигаретка, и побыстрее. Вообще-то, я предпочитаю «Голуаз», но согласен на что угодно. Даже на самокрутку. Есть у вас закурить? Что, ни у кого?

Я устроился в центре палатки и положил белую каску у ног, так чтобы свет распространялся равномерно. Ацетиленовый баллон я с себя снял. Холодная сырость леденила лицо, из носа капало, и я вытер его рукавом куртки.

– Предлагаю представиться друг другу. Возможно... у нас есть что-то общее.

– Блестящая идея, – заметил Фарид, – потрепемся, вместо того чтобы попытаться отсюда выбраться. У меня нет ничего общего с тобой и еще меньше – с тем, другим.

Он тоже перешел на «ты» и все время отчаянно тер руки. А он мерзляк, без сомнения. А пещеры мерзляков ох как не любят.

– Приступим, я начну. Меня зовут Жонатан Тувье, мне пятьдесят лет. Жена Франсуаза, девятнадцатилетняя дочь Клэр. В молодости занимался альпинизмом, работал в журнале об экстремальных видах спорта «Внешний мир». Теперь живу в Аннеси, работаю в конторе, которая называется «Досуг с Пьером Женье». Ее организовал один из моих друзей. Разные походы, каноэ, рафтинг – в общем, приманка для туристов.

– Так ты из тех, кто спит в спальниках? То есть тебя это не напрягает? Ты в своей стихии, парень, а мне непривычно.

Я не обратил внимания на реплику Фариды и кивнул в сторону Мишеля:

– Теперь вы.

Человек с закованным лицом нервно теребил рукавицы.

– Меня зовут Мишель Маркиз, мне сорок семь лет... исполнится... двадцать седьмого февраля, через два дня. Дома намечалось небольшое торжество, и вот... – Он вздохнул. – У меня жена Эмили... детей нет. Три года я жил в Бретани, в Планкоэте, в деревне, занимался свиньями. – Он стащил рукавицу и показал руку без двух пальцев. – Я хотел сказать, убоим скота. Ну да, механизмы иногда барахлят... Теперь живу в собственном доме возле Альбервиля и снова занимаюсь свиноводством. Что еще? Ненавижу снег, сырость и туманы.

– А почему Альбервиль, если вы ненавидите снег?

– Да все из-за Эмили. Ее специальность – спортивная обувь. Дизайн, всякие там чертовски сложные штуки. Ее перевели туда по службе, у нас не было выбора.

– Да, Альбервиль – не лучший выбор, там даже купаться негде.

– Ну, это кому как.

Я повернулся к Фариду. Он сразу выпалил:

– Фарид Умад, ты это уже знаешь. Двадцать лет. Живу при богадельне на севере Франции. Детей нет, жены тоже. И никаких неприятностей.

– Ты учишься? Или работаешь?

– Да так, перебиваюсь случайной работой, то тут, то там...

– А еще? Что-то ты не особенно словоохотлив.

– Все, что мне хочется, так это выбраться отсюда, и поскорей.

– Вот в этом, я думаю, мы все заодно.

Я сдвинул рукав пуховика, чтобы посмотреть на часы. Забыл...

– У меня украли часы. А у вас?

Мишель согласно кивнул. Фарид не пошевелился. Он засунул руки под куртку и свернулся, как маленькая гусеница.

– А я часов не ношу. Не люблю.

У нас и время украли. Вся эта тщательность, это внимание к деталям ставили меня в тупик и явно говорили о том, что наша ситуация просто так не разрешится, несколькими часами дело не обойдется. Я все больше опасался худшего. «Вы все умрете». Мне надо выиграть время. Я подошел к Мишелю и начал внимательно изучать маску, особенно замок:

– Ничего не сделать. Надо бы дать вам в челюсть и посмотреть, сдвинется ли маска хоть на несколько сантиметров.

– Нет уж, как-нибудь обойдусь.

– Ладно... Предлагаю обследовать пропасть. Мы с Фаридом ограничены в передвижении, зато вы, так сказать, более свободны. Позади палатки есть галерея. Дойдите-ка до нее и скажите, не ведет ли она наверх.

– Я бы с радостью, да у меня на голове штуковина, которая может взорваться, если я правильно понял.

– Вы правильно поняли. Но судя по тому, что написано в письме, вы имеете право отойти от нас на пятьдесят метров.

Он пожал плечами:

– Не знаю. А если письмо врет? И она взорвется через пять или десять метров?

Фарид, будучи парнем нервным, развлекался тем, что выдувал облачка пара.

– А может, она и вовсе не взорвется? Если все это блеф? И у тебя на башке нет никакой бомбы? Ты можешь свободно передвигаться, и это неспроста! Иначе тебя бы тоже приковали цепью, соображаешь? А потому пойди-ка в галерею и посмотри, можно ли через нее выбраться.

Мишель кивнул:

– Ладно, попробую.

Я поднял баллон с ацетиленом:

– Отлично. Вперед.

– Погодите, я вот что подумал, – сказал Фарид. – Если эта штука может взорваться, отдалившись от нас, значит где-то на нас должен быть взрыватель, так? Надо проверить. Давайте обшарим свою одежду.

Мы обследовали все: карманы, подкладку...

– Хорошо бы совсем раздеться, похититель мог прилепить его скотчем

прямо к нашей коже.

Я сжал зубы и сухо бросил:

– Это потом, позже.

– Почему позже? Почему не сейчас?

– Потому что не хочу раздеваться догола перед типами, которых не знаю.

– Ты не хочешь или тебе есть что скрывать?

6

Выживание разрушает границы сознания. Все, что ты считал глубоко запрятым, подавленным, вдруг вырывается наружу с десятикратной необузданностью.

Доктор Патрик Пармантье, психиатр. Объяснение, данное комиссии экспертов в ходе судебного процесса над человеком, обвиняемым в убийстве

Фарид и Мишель шли впереди меня, Покхара трусил сзади. После безуспешных попыток разбить наши цепи мы, теперь уже втроем, отправились обследовать территорию. Размером наше подземелье было примерно с два теннисных корта и представляло собой скорее овальную, чем прямоугольную, площадку. Мы обогнули расположенную на двухметровой высоте нишу, где сидел юный араб. Кол, к которому крепилась его цепь, находился примерно на уровне моей груди. Почему Фарида поместили так высоко? Изучив зарубки от ледоруба, с помощью которого тело поднимали наверх, я убедился, что, какими бы несуразными ни казались эти подробности, тут все неспроста, все имеет смысл.

Мы добрались до камина, отходившего от потолка метрах в семи вверх. От потока воздуха задрожало пламя горелки в фонаре. Мишель подошел и, сложив ладони рупором, крикнул:

– На помощь! На помощь!

При этом он подпрыгивал на месте, и мы начали подпрыгивать вслед за ним. Я успокоился первым, за мной Фарид. А Мишель продолжал надрываться, пока не охрип. Ему нужна была уверенность, что он сделал все возможное. Не сомневаюсь, что под маской он был на грани срыва. Фарид ходил взад-вперед, скрестив на груди руки:

– Мне двадцать лет, и я вовсе не хочу подыхать. Мы умрем от жажды или от холода. Здесь настоящий ад.

– От холода мы не умрем. У нас есть теплая одежда и вполне приличные спальники, они хорошо держат те...

– Ну да, два спальника. И две пары рукавиц, которые я даже не знаю, как выглядят, поскольку ими сразу завладел наш R2D2.^[7] У меня уже руки и ноги заоченели, и я скоро стану похож на рождественскую елку. Это ты

учел или нет?

– ...держат тепло. С водой тоже нет проблем. Там, чуть подалее, есть грязь, значит вода сочится из-под ледника.

– Ледник... И он так обыденно произносит «ледник», словно это совершенно нормально и само собой разумеется. Лично я видел ледники, только когда ездил летом на море.

Мишель поднял голову, и нос его маски нацелился прямо на камин.

– Может, это какой-нибудь научный эксперимент. Или реалити-шоу. Ну, знаете, такие штуки с секретами? Я их люблю смотреть по телику. Участников запирают, и у каждого своя тайна.

Голос у Мишеля надтреснутый, потому что он наорался. Фарид не упустил случая его поддеть:

– А у тебя какая, парень? Ты врун, вор или убийца?

Не обращая на него внимания, Мишель принялся внимательно изучать каменный хаос потолка у нас над головой:

– Не исключено, что они спрятали инфракрасные камеры наверху, за этими сталагмитами, и за нами наблюдают. Может, мы и правда объекты научного эксперимента.

– Это называется сталактиты, а не сталагмиты. И в каком словаре ты вычитал слово «инфракрасные»? Ты что, думаешь, что откуда ни возьмись явится волшебник и отвезет нас домой? Слушай, если ты перестанешь ныть, то очень поможешь нам сосредоточиться.

Я снял с себя баллон с ацетиленом и закрепил его на спине у Мишеля, а потом протянул ему каску. Но она на него не налезла.

– Пойдите-ка осмотрите галерею. Мы с Фаридом не можем зайти за красную линию. Но главное, самое главное: старайтесь не повредить шланг подачи газа. Этот фонарь работает, как зажигалка. Никаких резких движений головой – иначе он погаснет. В этом случае поверните колесико пьезоподжига за отражателем – и пламя снова загорится. Вы можете регулировать подачу газа с помощью краника. Понятно?

Прошло время, прежде чем Мишель ответил:

– Ладно. Но я сделаю не больше тридцати шагов. Хочу напомнить, что...

– Знаем, знаем, – перебил его Фарид. – Бабах!

Мы подошли к границе нашей территории. Несмотря на то что цепь у Фариды была короче, мы оба оказались у красной черты. Я в последний раз предупредил Мишеля:

– Без света нам конец, ясно? Этот фонарь – наш единственный маяк на пути к выживанию. Не наделайте глупостей.

Он кивнул. В воздухе стояли облачка нашего дыхания, и я заметил, что на касках и куртках появились мелкие капельки влаги.

– Раз... два... три...

Считая шаги, Мишель стал удаляться от нас.

– Ну, прямо как Форест Гамп, – пробормотал Фарид. – Какой же это свет?

Я ощущал смолистые испарения, столь неотделимые от любой органической жизни, угадывал укромные уголки, освещенные слабеющим лучом рефлектора. Я вцепился пальцами в ткань своих штанов. Обернувшись, я увидел, как по мере того, как Мишель удалялся, постепенно исчезает из виду наша палатка. И сразу проявились звуки. Стало слышно, как падают капли, и у каждой своя частота, свой голос, словно кто-то тихонько наигрывает на ксилофоне.

– А тебя похитили, когда ты спал? – спросил я.

– Ага... Я ночевал у матери. Понятия не имею, как они пробрались в дом... А проснулся уже здесь. Никто из моих знакомых не мог бы выкинуть такую штуку. Наверное, это какой-то псих ненормальный. Надеюсь, он ничего не сделал с моей семьей, иначе я его убью.

Семья... Франсуаза в больнице, она ничего не боится. Моя дочь Клэр пробудет в Турции еще пятнадцать дней. Она путешествует и делает муляжи из латекса для киностудии. Мама доживает свои дни в доме престарелых, а отец умер. Фарид прошептал еще тише:

– Слышишь, как шумит? Что это – вода, ветер? Эта проклятая пропасть словно поет.

Черт возьми, а ведь он прав!

– И темнота такая странная. Тебе приходилось спускаться в шахту? Я в одной был, на севере, как раз перед тем, как их позакрывали. Там тоже было темно, но повсюду чувствовалась жизнь, присутствие человека. А дед мне рассказывал, что были слышны удары кирки, голоса шахтеров, чей-то кашель... Эти звуки напоминали, что наверху, несмотря на всю жуть их работы, у людей будет завтра. А здесь... где оно, завтра, а?

Где завтра?.. Я думал о Франсуазе и даже боялся представить себе, как она сейчас беспокоится. Наверное, послала мне на мобильный тонны сообщений. По моим подсчетам, сегодня среда. Именно сейчас мы должны были встретиться с донором костного мозга. Мы ждали его почти два года, и теперь через несколько дней ему предстояло подарить моей жене жизнь. Благодаря работе в больнице и своим связям Франсуазе удалось узнать имя донора. Ей хотелось познакомиться со своим спасителем и поблагодарить его. Он согласился принять нас. Мы строили столько планов! Лейкемия, в

своей беспощадной жестокости, открыла нам глаза.

Застонав от ярости, я дернул цепь, потянул на себя и с грохотом швырнул об землю.

– Эй, дедуля! Не сходи с ума, ты нам нужен. Иди сюда, если не хочешь, чтобы этот мешок с гвоздями разлетелся в клочья.

Я схватил его за воротник:

– Никогда не называй меня дедулей, понял?

Он не знал, кто я, и понятия не имел, что в шестнадцать лет я не гонял, как он, по улицам, а уже проходил скальные стенки на руках, без всяких приспособлений. Я оттолкнул его, и тут меня вдруг поразила чудовищная мысль: а ведь это правда, письмо не врало, нас никто не будет искать. *Вы все умрете.* Сейчас самая середина зимы, а мы под землей, на такой глубине, где нет даже насекомых, чтобы сожрать наши трупы. Мне приходилось бывать в серьезных переплетах и пережить моменты, когда смерть так близко, что чувствуешь ее зловонное дыхание. Но это было очень давно... Теперь у меня жена, у меня растет дочь, и я ее люблю. Я больше не хочу приключений, я выдохся. Но все это слова, а хороший альпинист – альпинист и в жизни.

Далеко впереди погас последний отсвет фонаря. Затих голос, отмеряющий шаги, да и сами шаги... Теперь ничего не видно и не слышно. Только капли, дуновение воздуха да наше сиплое дыхание.

– Мишель, как дела?

Мой голос эхом отдался вдалеке и тоже затих. Мишель должен был меня услышать и ответить. Я выждал несколько мгновений и снова позвал:

– Мишель?

– Мишель, мать твою!..

И вдруг – какое облегчение! Вдалеке по камням запрыгал луч света. Я покрепче взял Пока за ошейник: пес хоть и не зарычал, но весь подобрался. К Фариду вернулось остроумие.

– Слушай, ты, доходяга, у тебя что, глотка лопнет ответить, когда тебя зовут?

Фонарь приближался, круг света разрастался, вот он уже лизнул наши ботинки.

– Мы спасены. Похоже, там полно всякой всячины для выживания.

7

Первое, что мне пришло в голову, – это полностью изолироваться от изменений окружающей нас среды, то есть от тех факторов, которые обуславливают поведение человека с момента его рождения. Изолироваться так, чтобы можно было выявить основной механизм наших «собственных» часов, наш физиологический ритм и частоту первичных элементарных процессов... Очень важно установить, сможет ли человек в изменившихся условиях сохранить прежний ритм, до сих пор определявший всю его жизнь, – бодрствование, сон, работу, – или этот ритм нарушится?^[8]

Мишель Сифр. Один в глубинах Земли (1963)

Два апельсина, две бутылки водки, две пачки «Голуаз», зажигалка, кастрюля, две тарелки, две пластиковые вилки, два прозрачных стакана, пять баллончиков пропана и газовая горелка Колеман с ниппелем.

Скудный итог трех походов Мишеля в галерею. Фарид набросился на сигареты и не сразу смог открыть пачку, так дрожали у него пальцы. Наконец он с наслаждением затянулся. Я пристально посмотрел на Мишеля:

– По-вашему, это называется «полно всякой всячины для выживания»? Вы уверены, что там больше ничего нет?

– Во всяком случае у края галереи – ничего. Но там поворот, а за него я не заглядывал. Пойду гляну. Я просто хотел вам принести... ну, все это.

Я кивнул подбородком в сторону Фариды:

– Любопытно, с этими «Голуаз»... Ведь ты именно про «Голуаз» говорил в палатке?

После эйфории первых затяжек Фарид снова забрюзжал:

– Ну и что с того?

– А откуда наш мучитель был в курсе?

– А я почему знаю? Я вот что заметил: тут все для двоих. Как по-твоему, кто из нас лишний? Ты, житель гор, он, этот доходяга, или я, араб? Потрясная троица!

Покхара украдкой обнюхал каждый предмет, а Мишель взял один из баллончиков и встряхнул:

– Здесь их пять штук, и все полные. Это говорит о том, что мы останемся тут надолго. Так или не так?

Я внимательно разглядел баллончик:

– Это и вправду неплохой запас. Такие баллончики служат два часа при полном режиме и от восьми до девяти при экономном. Можно продержаться несколько дней, даже недель, если расходовать с умом.

– Столько газа, а сварить нечего. На что он тогда нужен?

Глупый вопрос, но он остался без ответа. Мишель, понуриив голову, снова поплелся в галерею. Прошло минуты две, и вдруг, задыхаясь, падая и вновь поднимаясь, он рванул обратно. Добежав до нас, он остановился, бросил каску под ноги, заколотил руками по своей маске, сваренной из болтов и гаек, и заорал:

– Да что же это такое? За что?!

Резко выпрямившись, он выдернул шланг, шедший от баллончика к каске, и сдвинул его на бок, не загасив при этом огня. Я в ярости рванулся на цепи:

– Эй, поосторожнее со светом! Черт возьми!

Но он меня не слышал, нервно вышагивая взад и вперед.

– Ну, выкладывайте, что вы там увидели?

– Там кто-то... Там кто-то есть, за поворотом...

Мы с Фаридом переглянулись. У меня внутри зашевелилась тень надежды.

– Только не говорите, что он тоже прикован.

Он помотал головой:

– Нет, нет... Не прикован... Он... он мертв.

8

Я сомневаюсь, что жизнь на большой высоте может кому-то нравиться. Там невозможно курить; еда тут же вызывает приступ рвоты; повсюду пролитое масло от сардин, лужи сгущенки и каши. За исключением нескольких очень коротких мгновений, любоваться не на что, кроме как на мрачную неразбериху в палатке да на бородатую физиономию напарника по восхождению, с которой клочьями лезет обожженная солнцем кожа. Еще слава богу, если вой ветра заглушает сопение его заложенного носа. Но самое худшее – это ощущение полной беспомощности и неспособности противостоять любой неожиданной опасности...

Эрик Шиптон. На этой горе (1943). Знаменитого альпиниста Эрика Шиптона очень почитал Жонатан Тувье

Зрелище, которое нам открылось, было до невероятия ужасающим. Прямо перед нами, у входа на галерею, Мишель тащил за ноги мертвеца, на живот которого он положил налобник. Ужас, будто пещерный человек, возвращающийся с добычей к своему голодному племени.

Прищурившись, я разглядел, что за беловатой массой трупа тянется широкий красный след, и след этот оставляет череп. Руки мертвеца были сложены. Мишель тяжело дышал, от него валил пар. В холоде и сырости любое усилие сжигает множество калорий.

Фарид подошел и опустился на колени, а я остался стоять, удерживая Пока за шкуру. Я словно прирос к месту, глядя на надпись на спине Фариды: «Кто будет убийцей?»

Потом взгляд мой снова вернулся к трупу. Странно, но на нем не было ни ботинок, ни даже носков. На самом деле он был совершенно голый. Вокруг бедра тянулась татуировка в виде орла. Фарид склонился к тому, что когда-то было лицом, а теперь полностью исчезло. Кровь запеклась темным, почти черным, пятном. Незнакомец был лысый, крепко сбитый, но не такой, как Мишель. Точно упавшее дерево, от которого под прямым углом к тазу отходили ноги. Мне приходилось слышать о трупном окоченении, и похоже было, что здесь оно уже полное. Я спросил Фариду:

– Ты его знаешь?

Тот вытер нос тыльной стороной ладони, не сводя с трупа глаз:

– Ему черепушку разнесло. Даже будь это мой отец, я бы его и то не узнал. Нет, не знаю. А ты?

– Я тоже. Эта... физиономия, этот лысый череп никого мне не напоминают. Он неузнаваем.

Стиснув зубы, Фарид приподнял голову мертвеца и осмотрел огромную дыру в затылке. Я тоже не удержался и взглянул: черепная кость абсолютно раздроблена.

– Пуля тридцать восьмого или сорок пятого калибра, выстрел в упор, огромные повреждения. А где пушка?

Мишель насторожился:

– Какая пушка?

Фарид выпустил из рук окоченевшую голову, и она со странным, пустым стуком грохнулась на землю.

– Какая пушка, какая пушка... Да та, что ты нашел рядом с покойничком. Погляди на его правую руку.

Он потрогал руку трупа и поднес кончики пальцев к носу:

– Порох... Его никто не убивал, он сам себе башку продырявил. И там где-нибудь поблизости обязательно должно валяться оружие. Отдай пушку. Я не хочу, чтобы она оставалась в твоих здоровенных граблях, дебил.

Мишель затряс металлической головой и отступил назад, зайдя за красную линию. Там он был вне пределов нашей досягаемости.

– Нет, оставлю себе. И я вовсе не дебил.

Мы с Фаридом переглянулись. Я оставил Пока на месте и подошел к границе:

– Расскажите нам в деталях обо всем, что вы обнаружили в галерее.

Мишель явно тянул с ответом и все более недоверчиво отступал назад. Он прекрасно усвоил, что красная линия делает из нас львов в клетке, зато он – свободный электрон.

– Человек сидел, прислонившись к скале, голый, с простреленной головой. У него... в правой руке был зажат револьвер. Пальцы были как судорогой сведены вокруг ручки... Когда я оттащил труп, то увидел на стене след от пули. Она разлетелась на кучу блестящих кусочков.

Он вытащил револьвер из заднего кармана брюк. Фарид присвистнул и выказал завидные познания в предмете:

– MR – семьдесят три. Бывшее оружие полицейских. Из такой игрушки промахнуться трудно. Ты барабан открывал, чтобы посмотреть?

MR-73, барабан, порох на руках... Похоже, Фарид в этом разобрался.

– Барабан? – (Молчание.) – Нет пока.

– Ну так открой. Чего ты ждешь?

– Я... А я не знаю, как его...

– Дай покажу.

Мишель не двинулся с места, снял перчатки и, повозившись, открыл барабан, встряхнул револьвер сверху вниз и показал нам ладонь:

– Осталась одна пуля.

9

На высоте больше всего раздражает то, что надо все делать быстро. Ты не можешь долго оставаться выше 7000 метров. Вилка слишком узка. Ты словно находишься на краю «Голубой Бездны» или, еще точнее, играешь партию в шахматы. Собираешься с силами, двигаешь вперед пешки. Занимаешь лучшую позицию. Но при этом ты знаешь, что малейшая неточность, малейший промах – и гора нанесет тебе неожиданный удар. И партия проиграна.

Жан Кристоф Лафай. Интервью, данное в 2003 году журналу «Внешний мир», который Жонатан Тувье выписывал после того, как отошел от дел

Орудие смерти, которое держал в руке Мишель, блеснуло в свете налобника.

– Кто будет убийцей? – произнес Фарид. – Похоже, это обрело смысл, а? Я хочу сказать, у нас есть и оружие, и пуля. И мы все – потенциальные убийцы.

Я в изумлении глядел на труп и ничего не понимал. Даже порывшись в самых далеких уголках памяти, я не вспомнил этого человека. И среди моих знакомых не было никого, кто мог быть способен на такие штуки. С тех пор как у Франсуазы обнаружили лейкемию, я словно перестал существовать, я на все смотрел сквозь призму больничной койки. Фарид подошел к окоченевшему мертвецу, точнее, к тому, что от него осталось, и изо всех сил пнул его ногой в бок. Потом еще и еще раз... Я подскочил к нему и обхватил сзади:

– Эй, прекрати! Что на тебя нашло?

Он все еще дергался и вырывался. Настоящий клубок нервов. Покоскалился.

– Это он, засранец, заточил нас сюда!

– Ну, об этом ничего не известно. Оставь его в покое.

Мишель, как всегда невозмутимый и неподвижный, тоже поделился соображением:

– Вот чего я не понимаю, так это почему он голый.

Фарид ткнул пальцем в направлении палатки, которая с трудом

различалась в темноте:

– Пошевели мозгами две-три минуты. Этот тип приволок нас туда, где никто не будет нас искать. Он принял меры, чтобы мы не выкарабкались, и приковал нас цепями. Потом разделся догола и сбросил всю свою одежду в пропасть. И знаешь почему? Этот хитрый черт боялся, что кто-нибудь найдет его шмотки, документы или еще не знаю что... Он не хотел, чтобы это досталось нам. Даже трусов не оставил. Тот еще извращенец.

Он повернулся ко мне:

– Прочти мне конец письма.

Я вынул листок из кармана и протянул ему:

– Держи...

– Нет, ты прочти.

– Ты что, читать не умеешь?

Наступила долгая пауза.

– Умею. Я просто плохо вижу, вот и все. Этот гад обо всем позаботился, вот только очки мне не вернул.

Была у этого парня неодолимая тяга к вранью, и мне это не нравилось. Я начал читать, и Фарид подошел поближе.

Кроме меня, никто не знает, где вы, а я оттуда, где нахожусь, не смогу оказать вам никакой помощи. Поверьте мне, вас никогда не найдут. Примите как данность, что вы все умрете. Все дело в том, сколько вы сможете продержаться. И во имя чего.

Я сложил письмо и сунул его в карман. Фарид злобно произнес:

– Ну вот, что тут непонятного: «...а я оттуда, где нахожусь, не смогу оказать вам никакой помощи». Что хотел сказать, то и сказал. Он мертв и ждет, что мы тоже подохнем.

Я должен был признать, что рассуждал он здраво. Парень явно далеко не дурак. И логика, и наблюдения указывали на самоубийство. Письмо с инструкцией, незнакомец, залезший в это логово, чтобы покончить с собой, и порох у него на правой руке... Однако я возражаю:

– А где второй? Тот, кто помог затащить нас сюда? Он-то где?

В задумчивости Мишель приблизился к нам, оставив револьвер и пулю на земле, примерно в метре от красной линии.

– Второй?

– Да. Не думаю, что он смог бы проделать все в одиночку. Во время туристских походов мне приходилось нести одного-двух клиентов со сломанными лодыжками. С таким грузом на плечах долго не выдержишь. Ведь этого типа кто-то должен был сюда принести, живого или мертвого. А

потом разыграть самоубийство.

Фарид поднес ко рту руку с сигаретой и закурил. И никому не предложил.

– Разыграть самоубийство... Согласен. Чтобы сбить легавых с толку, так, что ли? Ты мне не объяснишь, зачем в здешних местах маскировать убийство под самоубийство? Никакого второго нет. Так или иначе, а этому парню удалось нас сюда приволочь, причем как раз тем путем, который обнаружил Мишель. И теперь, когда он мертв, никто не знает, что мы здесь.

Покхара ускользнул из-под моего контроля и принялся кружить вокруг Фариды и принюхиваться.

– Пок! Ко мне!

Он не послушался, и это было на него не похоже. Я повторил команду, и снова безрезультатно. Я бросился к нему, схватил за холку и пригнул ему голову к земле. Глядя псу прямо в глаза, я сильно его придавил, пока он не заскулил.

– Ты будешь слушаться?

Фарид ухмыльнулся:

– Голос плоти, закон тела, называй как хочешь. Это сильнее всего, чему ты его учил. Твой зверь больше похож на волка, чем на собаку. Думаешь, он долго продержится, имея под носом такой лакомый кусок?

Я предпочел об этом не думать. Снова взглядевшись в скрюченный труп, я вдруг обратил внимание на его левую руку. Поморщившись, я нагнулся и приподнял ее:

– У него тоже было обручальное кольцо, вон, от него еще след остался. Можете думать, что я это нарочно говорю, но, если он действительно хотел с собой покончить, зачем ему было снимать обручальное кольцо?

Фарид в последний раз ошупал покойника, а Мишель вообще никак не отреагировал. Парень разжал раздробленные челюсти мертвеца:

– Ты задал кучу вопросов... А я вот вижу, что у него ухоженные зубы. По крайней мере то, что от них осталось. Ногти хоть и грязные, но видите, как аккуратно подстрижены. И на ногах тоже. Он брил торс и ноги... Несомненно, это спортсмен. И татуировка симпатичная. Орел – символ силы, ведь так? Этот парень за собой следил. Он поднялся. – Пока не застрелился по причине, которую нам еще предстоит понять... Так что будем делать?

Мишель расстегнул молнию на пуховике и что-то вытащил из-за пазухи:

– А если открыть вот это? Было зажато у него между колен.

Он держал в руке толстый коричневый конверт. Я стиснул зубы:

– А почему вы об этом сказали только сейчас?

– Да просто забыл. Вы что думаете, я каждый день оказываюсь нос к носу с трупами? Я каждый день гляжу на мертвых свиней, но это совсем другое дело. Свиньи – животные и животными остаются.

Я выхватил конверт у него из рук:

– В следующий раз постарайтесь не забыть.

Не надевая перчаток, я надорвал конверт и раздвинул его края. Если бы Фарид мог нырнуть внутрь конверта, он бы, наверное, нырнул. Он словно приклеился ко мне:

– Ну что?

Я с тревогой поднял глаза:

– Там фото. Точнее, три увеличенных снимка. Сдается мне, что по одному для каждого из нас.

10

Суть... экстремального альпинизма вот в чем: если что-то идет не так, надо бороться до конца. Если вы достаточно подготовлены, вы выживете, если нет – что ж, надо заплатить природе за проигрыш.^[9]

Дэвид Робертс. Моменты сомнений (1986)

Мы все жались на одном квадратном метре возле красной линии. Оружие лежало на земле по ту сторону линии, вне нашей с Фаридом досягаемости. Я попросил Мишеля поместить фонарь в центр нашего живого круга и вынул из конверта все три фотографии, каждая двадцать на тридцать. Первая из них мне ни о чем не говорила, зато Мишеля поразила в самое сердце. Грудь его дрогнула, и он поднес руку к маске. Я с самого начала чувствовал, что он на грани, но теперь он явно не выдержал. Прижав фотографию к груди, он насупился и отошел в сторону. Фарид насмешливо пожал плечами.

Мне было страшно взглянуть на второй снимок. Осторожно, кончиками пальцев, я взял прямоугольник глянцевой бумаги. Когда я увидел изображение, вокруг все потемнело. Эмоции захлестнули, я выронил конверт и отшатнулся, ошеломленный и подавленный. На глаза навернулись слезы, но я сдержался. Не раскис перед ними.

Я держал в руках недавнюю фотографию моей дочери Клэр. Она была сделана возле магазина в Аннеси, нарядно украшенного к Рождеству. На обратной стороне надпись: «Угадай, что я с ней сделал».

Я схватился за голову. Нет, не может быть. Мы совсем недавно переписывались с Клэр по электронной почте, и она рассказывала о Турции, об учебе в Школе кинематографии... Она говорила... что все идет прекрасно и что скоро она еще напишет.

Вокруг меня все вдруг закружилось. Я подумал, что, может быть, кто-то чужой воспользовался ее компьютером. Тот, кто затеял игру со мной и постепенно плел свою паутину. Чтобы так все подстроить, надо было долго готовиться и иметь серьезный мотив. Но зачем? Для чего? Чуть не плача, я подошел к Фариду:

– А у тебя?

Тогда я в глубине души хотел, чтобы он тоже страдал, чтобы и ему

было так же больно, как мне. Мне хотелось уяснить для себя, зачем здесь эти двое, хотелось выбраться отсюда и увидеть семью. Фарид выронил снимок, и тот упал на конверт. Я поднял его дрожащими пальцами. На фото была изображена внутренность багажника пикапа. Рядом с большой поперечной пилой угадывался завернутый в синее одеяло объемистый предмет, по виду напоминавший силуэт человека. Фарид поджал губы:

– С этим снимком я не имею ничего общего. И он меня не касается. Возьми его.

Я набросился на него и схватил за горло. Мы покатались по земле.

– Что ты натворил? Кто завернут в одеяло?

Фарид отбивался, лишенный возможности говорить. Чьи-то сильные руки оторвали меня от земли и отбросили в сторону. Надо мной стоял Мишель.

– Перестаньте сейчас же. Нехорошо это.

Я поднялся, слегка оглушенный. Силой Мишель обладал недюжинной. Отбежав к тропе, ведущей в галерею, я крикнул:

– Что тебе от нас надо, подонок? Выпусти нас отсюда!

Я метался, схватившись за голову. В мозгу возникали картины, одна страшнее другой, мне слышались крики Клэр. Я представлял себе ее ужас перед издевающимся над ней похитителем с чулком на голове. Где она? Жива ли она еще? А вдруг ее тоже заточили в какой-нибудь пропасти? И мучат там? Я подумал о жене, о ее беде. У меня словно помутился рассудок, все было как в тумане. Я повернулся к Фариду. На его счастье, дорогу мне преградил Мишель. Я угрожающе ткнул пальцем в сторону Фариды:

– Говори, кто завернут в одеяло? И почему там пила? Что ты сделал с моей дочерью?

– Да ничего я не делал. Ты полный псих!

Вне себя, я обернулся и выхватил из рук Мишеля его снимок. Там был изображен какой-то магазинчик, судя по всему, лавка бижутерии. Из него выходили мужчина и женщина. Мужчина по комплекции напоминал Мишеля. Высокий черноглазый брюнет с угловатым лицом. На обратной стороне была та же надпись, что и на моем фото: «Угадай, что я с ней сделал». Мишель стоял прямо, все еще сжимая кулаки. Вдруг он одним прыжком перепрыгнул линию, поднял с земли револьвер, вложил пулю в барабан, подбежал к трупу и навел на него дуло. Осечка, еще осечка... Барабан поворачивался вхолостую. Фарид подскочил и придавил ему руку к земле:

– Прекрати! Остановись! Последнюю пулю потратишь!

Пальцы Мишеля разжались и выпустили оружие, а сам он так и замер на четвереньках, неподвижный и задыхающийся. Быстрым движением Фарид схватил револьвер и поднялся. Не выпуская оружия из рук, он пристально на меня уставился. Я с вызовом выдержал его взгляд:

– Ну что, хочешь выстрелить?

Он помотал головой, открыл барабан, достал пулю и положил ее в карман:

– Успокойся, приятель, ладно? Я знаю, что это тяжело. Но это для всех тяжело.

Он отправил револьвер в задний карман брюк и, поморщившись, снова подул на руки. Мишель наконец вошел в круг света, подошел ко мне, опустился на колени и одну за другой выложил на землю все три фотографии. Мне показалось, что из-под маски он пристально меня разглядывает.

– Это ваша дочь? – спросил он.

Я, стиснув зубы, молча кивнул. Фарид тоже подошел. Мишель указал на свою фотографию и принялся объяснять:

– Это я и моя жена Эмили...

Я никогда не видел этих людей и не был с ними знаком. Фарид придвинулся еще ближе, но никакой реакции не выказал. Мишель указал пальцем на женщину:

– Она хотела сделать мне подарок ко дню рождения заранее. Вот всегда так, не могла дождаться. Подарила мне украшение: золотую букву «С» с двумя аметистами на концах. «С» – значит Седрик, так звали нашего единственного сына. Он... он умер три года назад. Проклятая болезнь...

Наступившее молчание больно ранило всех нас.

– Это украшение было сделано специально по ее заказу. И припоминаю... на обратной стороне был номер... очень мелкие цифры...

Сердце у меня забило.

– Цифры? Ну-ка, ну-ка... Шесть цифр, как на замке ящика?

– Вполне возможно. Но не смогу сказать, что это были за цифры. Я тогда не придал этому значения.

Я стиснул зубы:

– Наверное, потому наш палач и забрал у вас часы.

Он поднял руки к маске:

– Это были не часы, а серьга.

Фарид снова заметался взад-вперед, что-то бормоча и время от времени пиная труп. А я разглядывал проклятушую маску Мишеля. Ушей не было видно за металлическим корпусом. Мишель повернулся к мертвецу и

указал на него пальцем:

– Может, он использовал номер на серьге для кодового замка ящика. Наверное, следил за нами, за женой и за мной. Но я не понимаю, зачем ему это было надо, с какой стати он вовлек нас в свою игру. Не вижу в этом смысла.

Он схватил меня за воротник:

– Что он сделал с моей женой?

Потом сполз вниз, оперся руками о землю, посмотрел на третье фото, с открытым багажником, и повернулся к Фариду:

– Теперь ты говори, твоя очередь.

Фарид, словно защищаясь, захрустел пальцами:

– Ну да, знаю я этот пикап, и что с того? Это пикап моего брата, и он каждый месяц его разбивает в пух и прах. И пила тоже его, он ею пилит дрова. Мой брат живет в деревне. А эта штука в синей тряпке, наверное, какая-нибудь дичь, может, кабан. Мой брат охотник.

– На кабана не похоже, больше напоминает человеческое тело.

– Ты так говоришь, потому что тебе хочется, чтобы это обязательно было человеческое тело... Почему этот снимок предназначался мне, я понятия не имею. Ну, ты доволен? Добился чего-нибудь?

– Охотник, говоришь? – не унимался я. – А где он охотится? И на кого?

– Не знаю. Отстань.

– Врешь. Я ведь вижу, что врешь.

Фарид постучал по виску:

– А мне плевать, веришь ты мне или нет.

– Я заметил, с каким интересом ты осматривал труп, когда Мишель его притащил. Ты словно ожидал чего-нибудь подобного...

– А ты что, без интереса смотрел? Это ведь нормально... Или нет? Первое, что...

Тут вмешался поднявшийся с колен Мишель:

– Хватит! Вы же видите, что от ругани толку никакого! Если мы хотим отсюда выбраться, придется говорить правду. Неужели это так сложно?

– В таком случае давайте говорить правду, – сказал Фарид, сверля меня взглядом. – Похоже, тот, кто с нами проделал эту штуку, прекрасно знает всех троих. И судя по фотографиям, он напал и на членов наших семей: на моего брата, на твою дочь и на жену Мишеля... Ты альпинист, единственный из нас, кто знаком со всем этим барахлом, ну, с палатками и прочим... И мне вот кажется, что это ты во всем виноват. Может, ты причинил кому-нибудь зло? Ну, если начистоту, какая у тебя жизнь?

– Да ничего особенного в моей жизни нет. Уже восемнадцать лет я

женат на Франсуазе. И все это время она работала в больнице в Аннеси. У меня спокойная, крепкая семья, вся жизнь как на ладони, и я никому не делал зла. Я и сам без конца себя спрашиваю: что за псих все это устроил? А ты как думаешь?

Мишель ушел, прижимая к себе фотографию. Его силуэт быстро исчез в темноте. Послышался звук рывком застегнутой молнии, а потом всхлипывания. Он плакал.

Фарид бросился за ним, но я его удержал за рукав куртки:

– Оставь его в покое. Я думаю, ему надо побыть одному.

Парень покрепче затянул завязки капюшона.

– Ты прав. И не только ему, все нам.

Мы помолчали.

– А ты не ошибся, я действительно не умею читать. У меня такая штука, называется алексия. Какая-то извилина в мозгу повернута не в ту сторону. У меня это врожденное. Все равно что иметь голубые глаза, будучи арабом. Ничего не поделаешь. Когда ты и так чужак, да еще имеешь такую хворь, трудно пристроиться в жизни, знаешь? Ну что, теперь доволен?

И он отошел туда, где начиналась его цепь. А я остался возле фонаря, освещавшего нашу неприветливую территорию. Я не знал, что с нами будет, не знал, до каких пределов нас доведут, но точно знал, что выживу. И буду жить столько, сколько позволит мой организм. Я найду того, кто угрожает нашим семьям и играет нашими жизнями. Я хочу понять.

Свернув в трубочку фото, я сунул его в карман и поискал глазами Пока. Так я и думал... Он кружил вокруг трупа, обнюхивая его. Я бросился к псу и схватил его за холку. Он рыкнул и принялся вырываться. У него и раньше бывали такие проявления агрессии. Крепко его удерживая, я посмотрел ему прямо в глаза. И Пок вдруг снова превратился в милого плюшевого мишку. Он ласково лизнул меня в лицо, и такая нежность была очень приятна.

Но я кое-что заметил в его взгляде. И от этого холодного блеска мне стало страшно.

Уходя, я в последний раз обернулся и с сомнением посмотрел на массу мертвой плоти. Сбросить труп в пропасть или закопать возле ледника? Или, как Фарид, бить его ногами за все ужасы, которые он заставляет нас пережить?

Пок явно не задавал себе лишних вопросов. Но я не сомневался, что через пару дней в нем проснутся охотничьи инстинкты и он начнет поедать труп.

11

Еще задолго до того, как в волчонке забрезжило сознание, он то и дело подползал к выходу из пещеры. Сестры и братья не отставали от него. И в эту пору их жизни никто из них не забирался в темные углы у задней стены. Свет привлекал их к себе, как будто они были растениями; химический процесс, называющийся жизнью, требовал света; свет был необходимым условием их существования, и крохотные щенячьи тельца тянулись к нему, точно усики виноградной лозы, не размышляя, повинуюсь только инстинкту. [\[10\]](#)

Джек Лондон. Белый Клык (1906), одна из любимых книг Жонатана Тувье

Первый раз мне хотелось умереть, когда Макс Бек, мой лучший друг, сорвался и погиб в горах. Потом – два года назад, когда у Франсуазы обнаружилась лейкемия. Я считал, что, несмотря на то, чем она для меня была и сколько счастья мне принесла, жизнь моя все-таки являла собой череду катастроф. Джек Лондон утверждает, что самые прекрасные истории всегда начинаются с катастроф, но я глубоко убежден, что и самые скверные тоже.

На этот раз мы все попали в мастерски подстроенную катастрофу. Мы втроем расположились в палатке, среди скудного скарба, которым располагали. Два крупных апельсина переполнял сок, я был в этом уверен. Взяв один, я с видом ценителя погладил его. Меня так и подмывало нарисовать на нем глаза, нос и рот, чтобы он мне улыбался, вот только ручки не было.

В нашем логове все молчали и никто не испытывал желания заговорить. Ткань палатки колебалась, словно чьи-то невидимые руки гладили ее. Из-под маски Мишель наблюдал за шедшими по палатке волнами.

Снаружи, в темноте, запела пропасть. Она звучала, как церковный орган, и это было страшно. Ей подпевали наши пустые животы. Наверное, в эту минуту каждый осознал, что нас действительно могут не найти.

И тут в углу палатки я уловил какое-то движение. Заинтригованный, я улегся перпендикулярно своим компаньонам и соорудил заслон из стакана.

В ловушку попался паук, настоящий паук, и я быстро накрыл его сверху. Он был черно-коричневый, с желтоватой полоской на брюшке и с изысканно тонкими лапками. Меня поразило, что здесь существует жизнь, кто-то выживает за счет невероятного феномена приспособляемости.

– Шикарная закуска, – вяло подал голос Фарид, который растянулся, опершись на локти.

– Это хороший знак. Может быть, есть и другая живность, где-то прячутся насекомые или кто покрупнее. Значит, будет у нас пропитание.

– Скажешь тоже. Тут нет ничего, кроме скал.

Я задвинул прозрачный стаканчик в угол.

– Во всяком случае, этот паучок существует. Я бы его назвал Желанный Гость. Когда мы отсюда выберемся, возьмем его с собой. Надо во что бы то ни стало сохранить ему жизнь, согласны? Он будет нашим талисманом. Пока он жив, живы и мы.

Я долго разглядывал паука. Мишель, Фарид, Пок, я и теперь еще Желанный Гость. Наше подземное семейство увеличилось, и мы все такие разные... Фарид, загадочный араб с глазами цвета океанской волны, Мишель, гигант с печальным сердцем, Желанный Гость, маленькое таинственное существо, старый битый Пок, ну и я до кучи...

Я сидел не шевелясь, отстранившись от всех. Мне доводилось бывать в местах самых негостеприимных, куда меня посылал «Внешний мир», в ситуациях, когда все происходит очень быстро. Я видел, как парни, здоровенные как быки, умирали от сильного кашля минут за пять. А другие бредили, истекали кровью, хлынувшей из носа, хотя за четверть часа до того спокойно и с наслаждением слушали радио, наконец поймав волну. Погибнуть может любой. Не важно когда, не важно как. Быстро или в долгих мучениях.

Я рассеянно оценивал наш примитивный инвентарь, включая скудный запас пищи. В нормальную погоду мы могли бы продержаться дней двадцать, даже тридцать без еды, если бы правильно пили. Но в таком холоде и сырости все сроки сокращаются раз в пять. Мы очень быстро ослабнем, и тогда...

Я взял кастрюлю и поднялся с земли:

– Кто-нибудь со мной пойдет? Я иду наколоть льда.

Фарид вставил сигарету в уже начавшие трескаться губы.

– Оставь тут свет, ладно?

– Если положить каску между палаткой и ледником, света всем хватит.

И не кури, пожалуйста, в палатке.

– Не курить в палатке? Но здесь так хорошо. Или ты видел на ней

вывеску «Ресторан»?

Он прикурил и глубоко затянулся. Это уже третья или четвертая сигарета. Пальцы у него сильно дрожали. Он очень замерз и неестественно часто моргал. Дефицит визуальных ориентиров, темнота, сырость...

– Я останусь здесь. Неохота мне ничего колоть. Можно сказать, я сдался, признал свое поражение.

– Если ничего не делать – точно сдашься.

Тут вмешался Мишель:

– Прошу прощения, но... по-моему, не надо ничего делать, надо дожидаться, пока нас не найдут.

Он положил свою фотографию рядом с моей. Фарид спросил сквозь облако дыма:

– Может, заберешь с собой своего пса?

Выйдя в сопровождении Пока, я положил каску с баллоном метрах в пяти-шести от палатки и повернул рефлектором наверх. Я шел к леднику, а из нашего убежища до меня долетали человеческие голоса. Скорее, не голоса, а какой-то шепот. Я подозревал, что они говорили обо мне и задавали друг другу те же вопросы, какие задавал себе я.

Теперь я ориентировался на громадную ледяную волну, которая отливала синевой, напоминая, что где-то еще существует цвет. Я терпеть не могу ледников: они время от времени выплевывают тела незадачливых альпинистов, угодивших в трещины, и свидетельствуют о том, что природа убийственна для людей.

Ударяя по леднику цепью, мне удалось наколоть довольно чистого льда. Никогда бы не подумал, что придется снова вот так врубаться в лед или снег. Эта пропасть, несомненно, одно из самых враждебных человеку мест, однако здесь имелось то, что жизненно необходимо: вода. Я не раз видел, как обезвоживание разрушает человеческий организм. Можно обойтись без всего, но без воды – никогда.

Разбив лед на маленькие кусочки, я сложил его в кастрюлю и снова принялся колоть, стараясь не очень намочить рукавицы. Даже если их согреть над огнем, они уже никогда не высохнут, а мокрые потом все равно замерзнут.

У меня ушло примерно четверть часа отчаянной работы, чтобы наколоть приблизительно литра два льда. От одежды шел пар, усилие поглотило весь мой запас калорий и перевело в тепло. Когда перемещаешься или работаешь, это быстро съедает драгоценную энергию. Без пищи мы все трое рискуем высохнуть, как брошенные на солнце тыквы.

А потом любоваться, как наши кости начнут протыкать кожу.

12

Есть люди, которых испытания заставляют встряхнуться и которым трудности служат трамплином.

Марсель Блештейн-Бланше, президент фонда «Призвание»

Вон она, палатка, она меня поджидает. Красная, как кровь. Цвет ничего не значит, внутри так же холодно, как и снаружи. Но эта палатка – экран, ограничивающий поле зрения, она отгораживает от враждебной действительности и помогает о ней забыть, она в простоте своей напоминает о тепле домашнего очага. Я был уже на полпути к ней, когда услышал звуки, которые в этом месте казались абсолютно невозможными: птичье пение. В воздухе рассыпались пронзительные радостные трели. И тут я вспомнил: проигрыватель и пластинка «Птицы вашего сада, 24 мелодии». Нам в эту дыру подсунули нечто невероятное, чтобы не забывали, что птицы могут улететь, а нам деваться некуда. Евреи, узники Освенцима, тоже работали под музыку...

И тогда я сказал себе, что есть гораздо худшая участь, чем умереть здесь, – это здесь жить.

Вдруг меня буквально парализовал какой-то грохот. Я выронил кастрюлю и, согнувшись, закрыл голову руками. Мне показалось, что горы обрушились на меня. Скорчившись, я упал на колени, и тут все прекратилось так же неожиданно, как и началось. Дрожа всем телом, я поднялся. Двое других узников выскочили из палатки. Покхара забился мне под ноги, поджав хвост. Араб был на грани обморока:

– Что это было? Что за бред?

Мишель стоял позади Фарида, и его металлическая башка вертелась, как флюгер. Со всех сторон еще слышался грохот. Сверху сыпались и разбивались сталактиты, и осколки их улетали в пропасть.

Я с трудом пришел в себя. Это было похоже на детонацию, на...

– Обвал... И камни, и лед... Эта пропасть – живая, и наш визит ее явно не радует.

– Живая пропасть? Что за чушь ты несешь?

Я поднял на три четверти опустевшую кастрюлю. Рассыпанный лед стал грязным. А в ушах все звенело птичье пение: «Свобода, свобода, кто

на этот раз угодил в клетку?» Мне вдруг захотелось послать все к чертям и расшибить этот гребаный проигрыватель. Оглядевшись вокруг в последний раз, я твердым шагом направился к леднику:

– Надо все начинать сначала. Сидите в палатке.

– Неужели ты думаешь, случись что, палатка нас сможет защитить? Ты же сам все слышал не хуже меня, это пострашнее землетрясения. Сталактиты от нас мокрого места не оставят.

– Да вырубите вы эту чертову пластинку!

И я снова принялся за свою нудную работу. Откалывая кусочки льда, я волей-неволей оценивал размеры упавших сталактитов. Пропать – живая... А вдруг и вправду живая? Что, если все вокруг – это глотка какого-нибудь монстра? Капли – это слюна, сталактиты – нёбо, а колодец – пасть? Я стиснул зубы и огляделся. Нескончаемые чернильно-черные стены... Тени, шевелящиеся от света лампы... И мне вдруг представилось, что нас безмолвно изучает множество чьих-то глаз.

Ну вот и снова наше «птичье гнездо». Вход в скромное жилище уже почернел от натоптанной грязи. Без дисциплины, без гигиены это место быстро станет непригодным для жилья, зато любой инфекции тут будет раздолье. Надо срочно установить жесткие правила. Как бы надолго мы здесь ни застряли, необходимо сохранять человеческое достоинство. Я аккуратно расставил четыре из пяти заряженных баллончиков с пропаном вдоль стенки палатки, а пятый положил между Мишелем и Фаридом. Соединяя его трубкой из нержавеющей стали с горелкой, я тотчас же вспомнил все необходимые движения. Мишель и Фарид, каждый на своей пенке, высунулись из спальников, и я пронес горелку у них над самыми плечами. Потом резким движением снял пластинку с проигрывателя.

– Эй, парень, ты зачем это сделал?

– Давайте не будем пока расходовать батарейки проигрывателя.

– А на кой черт тебе сдались батарейки? Ты что, ожерелье хочешь из них сделать? Ты тут главный, что ли?

– Кто-то же должен быть...

Взяв зажигалку, я принялся возиться с горелкой. Поначалу она оказывала молчаливое сопротивление, но после многих попыток наконец ожила. Голубоватое пламя разгорелось со смачным «пых!». Для меня это «пых!» – все равно что для Пруста его «мадленки»: неиссякаемый источник воспоминаний о двенадцати годах альпинизма, о выпусках «Внешнего мира» на дне рюкзака.

Фарид и Мишель вытянулись на своих корематах и подставили лицо жару горящего газа. Теплая волна прошла у меня вдоль позвоночника, и

это было очень приятно. Я поставил кастрюлю на огонь. Мишель стянул рукавицы, и его восемь пальцев затанцевали над огнем. А у Фариды фаланги пальцев совсем негнулись и опасно побелели. Ногти в основании были темно-фиолетового оттенка. Я ему объяснил, что он должен каждый день массировать руки и ноги, чтобы обеспечить кровоток. Он, как всегда, злился и жаловался, что у него нет перчаток. Я решил, что отдам ему свои, но не сейчас. Они пока мокрые.

– Ох, до чего же хорошо...

Мишель увеличил подачу газа, и я не противился: не хотелось портить удовольствие. Но надо будет следить, чтобы излишне не расходовать наши запасы. Запахло теплой водой, тут все имеет свой запах. Я положил рукавицы возле баллончика. Дома мама всегда использовала тепло печки, чтобы просушить влажные полотенца, мокрое белье, а заодно и прогреть кухню.

Я долго и грустно смотрел на фотографию дочери, а в кастрюле тем временем начал с благодушным ворчанием плавиться лед. Облачка пара от нашего дыхания перемешались, и каждый мог теперь любоваться на органическую эманацию соседа: его легких, желудка, внутренностей. Кончиком ножа я соскребу в воду кусочек цедры с апельсина, и наше питье заблагоухало. Собраться вокруг огня, как бы скудно он ни горел, – язык универсальный, переводчик тут не нужен. И в этот момент мы все трое были в полном единении.

Вдруг на пенку сверху упала капля. Мы подняли глаза. Вся внутренняя поверхность палатки сверкала влагой.

– Ах ты, черт, я совсем забыл. Это от тепла. Здесь влажность приближается к ста процентам. От пламени поднимается теплый воздух, а снаружи холодно, вот на стенках и появляется роса. Если промокнет одежда и спальники, нам конец.

В палатке снова возникло напряжение.

Я был вынужден убавить газ:

– Так нельзя. Еще несколько минут – и я выключу горелку. В следующий раз греем воду снаружи. Мне жаль, но так надо.

Фарид вздохнул и протянул руки поближе к огню.

– Это неправильно... Единственный приятный момент за все время...

– Знаю. Поскольку нам здесь не до пиршеств, каждый из нас должен выпивать не меньше четырех литров воды в день, чтобы компенсировать отсутствие пищи, справляться с сыростью, обеспечить работу почек и остаться в живых. К тому же это позволит наполнить желудки. Для этого нам нужно ежедневно добывать по двенадцать литров льда, на что уходит

около двух часов работы. Я рассчитываю, что вы мне поможете.

– Двенадцать литров?

– Да, двенадцать литров. И еще одно правило: входя в палатку, каждый обязан снимать обувь. Это вопрос гигиены.

Фарид покусывал пальцы.

– Ты так говоришь, словно мы тут останемся надолго.

– А у нас нет выбора. Да, и еще одно: надо обсудить, что делать с трупом. Ну... придется что-то предпринять...

Я вопросительно взглянул на Мишеля. Он нервно размахивал перед собой руками:

– Камни...

Он говорил все тише. После того как много и громко он вопил, я сомневался, что его связки быстро придут в норму, особенно в здешнем разреженном воздухе. Фарид снял ботинки и, морщась, растирал ноги.

– Что, камни?

– Камни, которыми завален вход в пещеру, где я нашел мертвеца. Я постараюсь их оттуда убрать. С некоторыми ничего не сделаешь, но и мелких полно. Достаточно проделать дыру, и я уверен, что отсюда можно будет выбраться. Потому что оползень не был природным. – Он ткнул большим пальцем себе за спину. – Это он все устроил, чтобы нас тут замуровать. Но если это его рук дело, то он пришел с той стороны. И за завалом свобода. Наши жены нас ждут, я знаю.

Питье передо мной источало запах апельсина, старая кастрюля булькала, и под медным доньшком шипело пламя. Взяв кастрюлю перчаткой, я налил питье в стаканы и протянул собратьям по плену. Фарид, не говоря ни слова, посмотрел на меня и поднес стакан к губам. Я увидел, как он зажмурился от удовольствия, почувствовав тепло. Настоящая сауна, несколько мгновений счастья, которые, однако, быстро кончились. Мишель выпил свой чай залпом, поднялся и нахлобучил каску с баллончиком:

– Мне обязательно надо чем-то себя занять, а то есть хочется. Пойду в галерею.

Я протянул ему фотоаппарат:

– Сделайте снимки завала, чтобы было видно, какой он.

– Нет, это будет чистая бесхозяйственность. Остался всего один кадр.

– Ну и что?

– Я не стану снимать, понятно?

Впервые за все время он злобно повысил голос, и это меня удивило. Я раздосадованно отложил фотоаппарат в сторону. Почему он заупрямился?

Что же там такое, в галерее?

– Иди, только без фонаря, – сказал Фарид.

Мишель схватил каску и баллончик:

– Это не обсуждается. Для освещения у вас есть горелка. Достаточно поставить ее перед палаткой, чтобы не капало, повернуть и...

Я взял у него стакан и снова налил чай, не прекращая разговора:

– И что? Дождаться, пока баллончик опустеет? Газ надо использовать, только чтобы топить лед и умываться.

– Есть же еще четыре заряженных баллона.

– Они потом смогут спасти нам жизнь.

– Не спасти, а продлить... Продлить жизнь. А зачем ее продлевать? Чтобы потом, в конце, все равно умереть? Послушайте... То, что я скажу, может, вас шокирует, но вы знаете, что я работаю на бойне. И мой отец работал на бойне, и мой дед, и еще родня. Все Маркизы занимаются мясом, у них это передается из поколения в поколение. Они думают о мясе, едят мясо и видят его во сне...

Мне показалось, что у Фариды потекли слюнки. И у меня к горлу подкатила горечь.

– ...Так вот, когда я осознал, что жратвы нет, а мы находимся в гигантском природном холодильнике и у нас имеется тело, такое же объемистое и тяжелое, как мое, меня посетила невообразимая мысль. Очень ненадолго, но посетила. И в глубине души это меня позабавило.

У выхода из палатки, где устроился Покхара, Мишель обернулся к нам:

– Когда годами разделяешь туши, то начинаешь задавать себе любопытные вопросы обо всем на свете. И в особенности о человеческой природе.

Мишель ткнул в меня своей здоровенной клешней в нейлоновой рукавице:

– Вы альпинист, вы закаленный, вы можете долго продержаться без еды. А я не могу. Я очень хочу есть, вы видели, какой я комплекции? А потому сидите тут и шкрябайте свой апельсин. А я пойду камни разбирать. И он ушел.

Мы с Фаридом молча переглянулись. Мы все поняли. Услышав слова Мишеля, я тотчас подумал о команде регбистов «Old Cristians of Uruguay». Их самолет разбился в центре горной цепи в Андах.

Чтобы выжить, они поедали погибших.

13

Единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему. [11]

Оскар Уайльд

Я вынес горелку наружу, чтобы у нас было хоть немного света. А подсохшие рукавицы предложил Фариду:

– Возьми... У тебя руки совсем заledenели.

– Не надо. Не переживай.

– Ну что ты упрямисься? Здесь тебе нет нужды прятаться в раковину.

– Оставь меня в покое, я сказал. Терпеть не могу, когда кто-то меня жалеет.

Я бросил рукавицы ему на колени:

– Ты сам не заметишь, как отморозишь пальцы. Сейчас как раз подходящая температура. А после отморожения быстро развивается гангрена. В большинстве случаев, когда это замечают, уже нужна ампутация.

Он вытаращил глаза, но все-таки послушался. А я принялся задумчиво разглядывать собственные руки и улыбнулся про себя, вспомнив, как совсем недавно порезал мизинец. И тут же подумал о моей Франсуазе и так явственно и громко услышал ее смех, что засверлило в барабанной перепонке. Возле горелки развалился Пок.

– На, пей, мой собакин...

Пес сунул свой длинный розовый язык в стакан с теплой водой и половину разлил. Подошел Фарид:

– Вот Мишель разорется, когда узнает, что пес пил из его стакана.

– Я свою собаку никогда не брошу. Она мне дороже, чем некоторые люди. Я должен вернуть ее дочери: они выросли вместе. Ну, вот ты мог бы позволить кому-нибудь умереть рядом с тобой?

Фарид глубоко вздохнул. И я вдруг различил в его дыхании какой-то свист. Нормальные легкие так не дышат. Ладно, пока будем надеяться, что все дело в сигарете. Он спросил уже совсем другим тоном, гораздо мягче:

– У вас ведь что-то произошло, правда? У тебя все руки в шрамах. Я такое уже видел. Это укусы... Он тебя покусал?

– Покхара – пес необыкновенный. Когда он был щенком, я с ним

намучился, а потом он вдруг стал невероятно добрым. Его можно было, не боясь, оставить с любым ребенком, и вся детвора нашего квартала с ним возилась. А четыре года назад с ним случилась беда.

Фарид зашел в палатку и вернулся с сигаретой в зубах.

– Что за беда?

– Однажды ночью мы с женой спокойно спали наверху. Клэр, наша дочь, ночевала у подруги. В дом забрались воры и сильно избили собаку железным прутом. Чуть не убили.

Фарид застыл на месте и как-то странно повел головой. Я наблюдал за ним, нахмурившись:

– Фарид, что это с тобой?

Он посмотрел на меня:

– Да нет, ничего.

– Уверен?

– Я же сказал!

Он врал, и я был в этом убежден. Рассказ про собаку его явно задел за живое. Он нервно повертел в пальцах окурок и вдруг спросил:

– А ты-то сам где был, когда избивали собаку?

– Ты что, как-то причастен к тому избиению?

– Причастен? Да за кого ты меня держишь?

Я не стал нарушать молчания и посмотрел ему в глаза. Кто он, этот парень? Что он скрывает? Может, он был среди тех, кто в ту ночь забрался в мой дом? Их не поймали, и никто до сих пор не знает, кто они такие и зачем это сделали. Тогда ни в одном из соседних домов не появлялись никакие грабители. Я был единственной мишенью.

– Где ты был, когда избивали твою собаку? – повторил он.

Я ему ответил, но он заронил во мне серьезные сомнения. Ведь он рассказывал, что живет на севере. Что же привело его четыре года назад в Аннеси?

– Я заперся в спальне вместе с женой и вызвал полицию. Решил, что... К чему рисковать шкурой? Неизвестно, на что способны те, кто ворвался в дом. Умирать не хотелось. По крайней мере, от их рук.

Фарид пожал плечами и отвернулся, глядя в темноту. Я искал способ его подловить и заставить сознаться, но ничего не получалось. Пришлось продолжить объяснения:

– В ту ночь эти мерзавцы сбежали, так ничего и не взяв. Когда я спустился, то сразу понял, какая беда случилась. Они сломали Поку челюсть, несколько ребер и повредили ухо. Левым ухом он ничего не слышит.

Фарид осторожно приподнял больное ухо Пока:

– В таком случае его следовало бы назвать Одноухим...

Я нахмурился:

– Одноухим... Ты же не можешь читать, откуда же ты знаешь Джека Лондона?

– Не уметь читать еще не значит не слушать и никогда не быть ребенком.

Стоп, уж не становлюсь ли я параноиком? Мне не хотелось подозревать Фариду только потому, что он араб. Да, отец у меня был расистом и гомофобом, но я же не такой. Пок лежал спокойно и не огрызнулся, а потом принялся покусывать Фариду за рукав куртки.

– Хороший знак, – сказал я с улыбкой. – Он тебя признал.

Фарид быстро отдернул руку:

– А я не хочу, чтобы он меня признавал.

Я наклонился к Поку, а тот завалился на спину и поднял все четыре лапы, чтобы ему чесали брюхо. Фарид поддался искушению и ласково его погладил. Этот парень умел чувствовать, но меня не покидало ощущение, что он скрывает от меня что-то очень важное. Может, он и есть пресловутый врун? А может, вор? Как ни в чем не бывало я продолжил:

– Его прооперировали, но выздоравливал он очень долго. Когда я к нему подходил, он рычал. Он больше не узнавал меня. Мне советовали его усыпить, потому что он уже никогда не будет прежним псом. Он станет...

Мне стало трудно говорить от нахлынувшего волнения. Такой вариант событий, что Пок отойдет в мир иной, я уже просчитывал, и для меня это было бы равносильно ампутации.

– Станет диким?

Я показал ему руку с огромным шрамом в форме подковы. Были и другие, поменьше, на запястьях и у основания большого пальца. Не сводя ласкового взгляда с Пока, Фарид поглаживал подбородок.

– И как же ты его спас?

– Я его увез в бывший командный пункт вермахта, в заброшенный трехэтажный пакгауз из армированного бетона, это строение принадлежало моему приятелю. Это в Лотарингии, недалеко от базы военных истребителей. И там мы провели вдвоем трое суток, вместе ели, дрались... И наконец снова обрели друг друга.

Фарид прикурил сигарету от пламени горелки.

– Вы с ним очень тесно связаны, вот почему наш палач не разлучил вас. Он знал, что без Пока ты будешь не ты, а половина тебя. А ему ты был нужен целиком. Я уверен, что ключ к разгадке нашего заточения кроется в

тебе.

– А почему не в тебе? Он, похоже, все про нас знает. Вплоть до твоей любимой марки сигарет.

Фарид молчал, а я кивнул подбородком в сторону сигаретной пачки:

– Я тоже курил «Голуаз», в армии. Хоть в этом у нас что-то общее. В этом, да еще в цвете глаз.

– Я давно собирался бросить. А тут у меня не будет выбора. Пустая пачка – она и есть пустая пачка.

– Дашь мне сигарету?

Он заколебался:

– А ты мне что дашь взамен?

– Не знаю... Может, чуть-чуть дружбы?

Он усмехнулся и протянул мне зажженную сигарету. От первой затяжки я закашлялся:

– Ладно, не помру.

С сигаретой в зубах, я забрал стакан и сполоснул его водой из кастрюли.

– Из этого стакана будем пить мы с Поком. А ты дели свой с Мишелем.

Я поднес стакан к скале, процарапал на нем бороздку и спросил:

– Как думаешь, у Мишеля что-нибудь получится?

– Если честно, сомневаюсь. Он вроде бы не производит впечатления умника.

– Но сила в нем есть. Мне кажется, что, кроме него нас некому отсюда вызволить. Приходится ему доверять.

В темноте плясал красный огонек сигареты. Я глубоко затянулся, и тепло горящего табака согрело меня. Потянулись ужасающе долгие минуты. Наполовину выкуренную сигарету я осторожно положил в угол палатки. Надо будет соорудить что-то вроде урны, не хочется здесь мусорить. Потом я принялся расспрашивать Фариды о его жизни, о семье... Занятный он парень. Мне удалось его разговорить, но только чуть-чуть, и я не нашел в его словах ничего, что могло бы хоть как-то помочь понять ситуацию. Он с севера, дед с бабушкой эмигранты, нанялись работать на шахту, проблемы с деньгами, безработица, ну и так далее... Станным, каким-то остановившимся взглядом Фарид осмотрелся вокруг:

– Очень хочется есть. Что же с нами здесь будет?

Пок положил морду мне на колени. Снизу, из пропасти, послышался жалобный вздох. Фарид сел, подтянув колени к груди.

– Не знаю, Фарид, я ничего не знаю. Но в горах я усвоил одну вещь: искушение может убить. А потому в наших интересах как можно скорее

выбросить мертвеца в эту треклятую пропасть. Она воеет, потому что, так же как мы, требует того, что ей причитается...

14

Нет сомнения, что к концу второго или третьего дня ожидания ты начнешь воображать себе разное. В основном вещи невеселые. Так всегда бывает, когда нарушается равновесие между нормальным и ненормальным положением вещей. Но особенно не беспокойся. Я знаю, что делаю, и, если что-нибудь случится, ты все равно ничем не сможешь мне помочь.

Джо Пинелли. Интервью Жонатану Тувье для специального выпуска «Внешнего мира», Пакистан, Каракорам, базовый лагерь экспедиции на Броуд Пик (8057 м), 1984

Ожидая возвращения Мишеля, мы с Фаридом пытались открыть ящик, подбирая разные комбинации чисел. Набирали все, что приходило в голову: даты рождений, свадеб, смертей... Ни одна из комбинаций не подходила, тогда мы подсчитали. Чтобы проверить все возможные сочетания цифр, нам потребуется около миллиона секунд, одиннадцать дней круглосуточной непрерывной работы.

Одиннадцать дней, сменяя друг друга, сходить с ума от этого занятия, стирать кожу на пальцах и портить себе глаза цифрами на крошечных колесиках. Идея интересная, но я не мог себе представить, как буду, согнувшись, целую неделю корпеть над замком, с пустым, как расколотый кокосовый орех, желудком...

А если ключи к этому замку лежат в ящике?

А если в ящике нет ничего, кроме свинцового шарика? А если под маской у Мишеля нет никакого взрывного устройства?

А если... А если... А если...

Фарид решил начать с шести нулей и принялся за работу, намереваясь дойти до пяти тысяч. На ста двенадцати он остановился, у него посинели пальцы. Я принял смену, но тоже ненадолго: у меня воспалились и стали слезиться глаза. Несмотря на тепло от горелки, мне приходилось то и дело дышать на пальцы, чтобы их согреть. Безнадежное дело, таким способом нам ничего не добиться.

Мы улеглись каждый на своей пенке, и я убавил огонь в горелке, поставив ее у самой палатки. Для мальчишки. Он лежал спиной ко мне,

скорчившись в спальнике, полностью одетый, и что-то бормотал по-арабски, поминая Аллаха.

Наконец из галереи явился Мишель с ярко горящим фонарем на лбу. Я тут же погасил горелку. Гигант стянул рукавицы и оглядел свои руки. Потом взял одно из полотенец и уголком принялся прочищать неровности маски:

– Вот дьявол, трудно дышать. Я думаю, связки воспалились, когда я орал. И горло сильно болит.

Он положил рядом с собой камень с острыми краями и покрутил головой. Позвоночник и шея хрустнули. Потом он схватил кастрюлю с водой и один из стаканов. Я протянул руку:

– Не берите этот, он помечен, из него пили я и моя собака. Возьмите стакан Фариды.

Мишель другого стакана не взял и принялся жадно пить. Пришлось еще несколько раз сходить за льдом. Часть воды стекала по его металлическому подбородку. Потом он стянул ботинки и рухнул, как раненый солдат. Фарид приподнял свои густые брови:

– Тут что, Хиросима? А ты не мог бы убрать из палатки сапоги? И вместе с запахом, если можешь...

– Фарид прав. Повторяю: надо во что бы то ни стало оставлять обувь снаружи, иначе мы рискуем жить в нездоровой атмосфере.

Мишель не обратил никакого внимания на наши замечания и так смачно зевнул, что под маской у него хрустнули челюсти. Открыв бутылку водки, он налил себе полный стакан и залпом его осушил. Похоже, он не признавал никаких правил, в том числе и правила поделиться.

– Странно, но мне хочется спать. Как может хотеться спать в таких условиях? При всем, что с нами произошло? И он направился вглубь палатки, ко второму спальнику.

Я убрал бутылку и кастрюлю, которые он небрежно бросил посреди нашего жилища.

– Сейчас наверняка уже поздняя ночь. Я тоже устал. А отсутствие света и холод только усиливают усталость. Мы тут утратили представление о времени и можем рассчитывать только на свои биологические часы.

– Вы действительно думаете, что нам придется здесь спать?

– А вы как считаете? Ну, разве что вам удастся очень быстро пробить брешь в завале. И когда представится случай, надо будет найти способ избавить вас от взрывного устройства.

Я взял благоухающие ботинки Мишеля и выставил их наружу. Один из них опрокинулся, и тут вдруг обнаружилось, что в бороздке подошвы

застряло апельсиновое зернышко. Я обернулся к нашим припасам. Оба апельсина лежали на месте. Мишель, казалось, что-то заметил:

– Что-нибудь не так?

Я поджал губы и отпихнул ботинок подальше:

– Все в порядке. Ну как там, в пещере?

– Как там? В каком смысле?

– Ну, ваша работа. Камни, которые вы хотели разбирать. Сказать по правде, здесь ничего не было слышно.

Маска повернулась в сторону ботинок. Прежде чем он ответил, последовало долгое молчание.

– Дело движется. Хотя узник, делающий подкоп ложкой, наверное, двигался быстрее. И загвоздка не в мелких камнях, а в толщине завала. Отвернешь камень поменьше – а за ним настоящий мастодонт. Но и этого мастодонта можно сдвинуть с места, если вытащить из-под него мелкие камни. Весь вопрос в равновесии и в силе рычага.

Он снял пуховик, наклонил голову и вытер затылок. Мне не хотелось сейчас говорить о налипшей на ботинок косточке, и я затронул конкретную тему:

– Советую снять одежду. По крайней мере куртку и пуловер. Так меньше вероятности подхватить какую-нибудь хворь. И спать без отсыревшей одежды будет теплее. Поверьте мне. Фарид, и ты тоже. Сними хотя бы верх, разденься до пояса.

Оба молча повиновались. Фарид оказался худеньким, совершенно безволосым, с торчащими ребрами и слабой мускулатурой. Я ожидал увидеть татуировки, какие-нибудь знаки принадлежности к определенному клану, но ничего подобного не было. У меня явно сложилось ложное представление о том, что происходит в мире; со всеми этими историями о горящих предместьях, полицейских и жестоких нападениях на учителей. Болезнь Франсуазы окончательно оторвала меня от реальности. Юный араб и брюки тоже снял, высвободив левую ногу и спустив правую штанину до самой цепи. Он дрожал, как отбойный молоток. К нему подошел Мишель, в одной рубашке, от него даже на расстоянии несло козлом.

– Повернись-ка. Я должен посмотреть, нет ли на тебе передатчика или чего-нибудь такого...

Фарид сложил руки на цыплячьей груди. Носки он натянул до самых коленок. Мишель поднес к нему лампу и постепенно ее перемещал, словно изучая анатомию парня:

– Да нет, ничего. Два-три старых шрама... На войне, что ли, был?

Фарид нырнул в свой спальник.

– Да... п-пошел ты... – еле выговорил он, стуча зубами.

Мишель повернулся ко мне:

– А вы... Вы разденетесь, чтобы я взглянул?

У меня сжалось горло. После гибели Макса, моего напарника по связке, я боялся таких моментов и старался их избегать.

– Это бесполезно и ничего не даст. Все очень просто: передатчик наверняка находится в замках наших цепей.

– Вы уже во второй раз отказываетесь раздеться.

– Давайте спать. Завтра постараемся найти решения.

– Ага, решения...

Он улегся и завернулся в спальник. Железная маска стукнулась о землю. Наверное, в ней возникает жуткое ощущение, что голову сдавило и ты задыхаешься. И невозможно ни поскрести щеку, ни почесать нос, ни умыться.

– Я тут подумал, пока работал, – сказал он. – Завтра, то есть, я хотел сказать, позже, я оттащу труп в пещеру. Когда сюда придут полицейские, они найдут способ опознать его. Да я и сам хочу дознаться, кто он.

– Нет, – сразу же отозвался я. – Я против того, чтобы он тут вонял рядом с нашим жизненным пространством. В этой сырости тело быстро начнет разлагаться. Его раздует, он станет лопаться, и этим воздухом невозможно будет дышать.

– В таком случае я его засыплю льдом. Зачем его выбрасывать? Только потому, что так решили вы, большой начальник? Нет уж. Смерть – мое дело. И отныне никто к мертвецу не притронется, кроме меня. Скажем так, он принадлежит мне.

Несомненно, сталкиваясь с неистовыми силами природы, с ее наиболее мрачной стороной, альпинисты очищаются от того, что глубоко запрятано в их душах, что ускользает от познания и понимания. Однако, к несчастью, очищение никогда не бывает полным, и надо все начинать сначала, раз за разом, всегда. А в результате становишься только еще несчастнее.

Личные заметки Жонатана Тувье (2001)

Меня все больше беспокоило постоянное обрушение подтаявших сталактитов. С того времени как мы здесь появились, оно участилось. Словно наше скромное присутствие и те несколько ватт тепла, выделяемого нашими телами и горелкой, нарушили равновесие веками нараставшей массы. Мы здесь непрошеные гости.

Сидя у порога палатки, я без конца открывал и закрывал глаза. Ощущение времени пропало, я больше не знал, в каком ритме оно течет. Люди – существа, полностью зависящие от света. Мы живем вместе с восходом и закатом солнца. Но что делать, если оно исчезнет с неба? Я максимально убавил газ в фонаре и направил его в свою сторону. Подобрал и сунул в карман несколько окурков. Потом я процарапал на пенке Мишеля две вертикальные линии. Ведь вел же Робинзон Крузо календарь, делая зарубки на дереве. Он у себя на острове мог читать Библию, разводить овец и выращивать хлеб. У него было все, кроме общения с людьми. А здесь людей хватает, зато нет всего остального.

Робинзон назвал свой остров «Отчаяние», а я решил наречь нашу пропасть «Истиной».

На коремате я нацарапал римское II, второй день. Придется вести календарь, сообразуясь с нашим жизненным циклом. Захочу спать – буду спать. А когда проснусь и посчитаю, что достаточно восстановил силы, значит день прошел и надо оставить еще зарубку.

Вдруг я вздрогнул, Фарид и Мишель тоже. Во второй раз тьму прорезал грохот обвала. Подземелье словно сжалось, схлопнулось над нами. Пок глухо зарычал. После того случая он не выносил звука петард или громких хлопков. Ветеринары считали, что громкие звуки способны снова

всколыхнуть те психические травмы, которые он получил, когда его убивали. И это будет конец.

Мишель напрягся в своем мешке, как охотничья собака, и прошептал:

– Я знаю, зачем та пуля оставлена в барабане. Знаю... Чтобы когда кто-нибудь из нас дойдет до точки... тогда бац... Если мне будет надо, дашь мне пулю, Фарид?

– Я даже сам курок спущу, если захочешь...

Фарид улегся, прижав к себе револьвер. Соседство с орудием убийства вовсе не придавало мне уверенности. Я погладил стакан с Желанным Гостем, погасил лампу, улегся поближе к Поку и молча оплакал Клэр. «Угадай, что я с ней сделал». Потом мои мысли обратились к Франсуазе. Я вспомнил о доноре костного мозга. По словам моей нежной половинки, он высокий шатен. Почему у него появилась потребность отдать часть своей жизни, чтобы спасти чужую? Наверное, там, наверху, не все потеряно, и в муравейнике современности еще находятся добрые и щедрые люди. Мне бы так хотелось познакомиться с этим человеком.

Однако надо перестать говорить в условном наклонении.

Вот это и есть самое невыносимое. Невозможность ни получить известие, ни послать, ни вообще хоть что-нибудь узнать. В разлуке я любил жену еще больше и еще больше страдал оттого, что не могу хоть сквозь треск старого радио сказать ей «я люблю тебя».

Ну вот Мишель захрапел, и Фарид, судя по глубокому мерному дыханию, тоже скоро заснет.

– Жонатан...

Юный араб впервые назвал меня по имени. Это было странно и в то же время согрело мне сердце. Может, он хочет сказать что-то важное. Я постарался унять дрожь в голосе:

– Что?

– Спасибо, что не забрал себе спальник... Ты пришел раньше, и он по праву был твой.

– Ерунда.

Я потрогал апельсины.

– Слушай, Фарид, я думаю, нам надо остерегаться Мишеля. Он что-то от нас скрывает.

– Почему ты так думаешь?

– Берегись его, вот и все.

И больше ничего. Я дождался, пока Фарид тоже заснет, потом бесшумно взял каску с налобником, сжав зубы, расстегнул палатку и двинулся к красной линии. Я пошел сбросить труп в пропасть.

Цепь на мне звякнула, я застыл и снова двинулся в путь, еще медленнее. Сонный Пок чуть приподнял морду. В леднике что-то похрустывало, он жил своей жизнью, лед дышал и трудился. По налобнику скатывались капли, влажность была такая, что казалось, будто она прикасается к тебе, как детские ладошки. У меня в мозгу возник образ американского астронавта Армстронга, выходящего в свое Море Спокойствия. И его безграничную радость от своего открытия.

Внезапно я остановился, почувствовав, что за спиной кто-то есть. Я весь подобрался, обернулся и повел фонарем вокруг. Никого. Подождав, пока не успокоится отчаянно бьющееся сердце, я потихоньку двинулся дальше. Наверное, в нашей «Истине» никто никогда не был. Мы оказались первыми бедолагами, угодившими сюда.

Вдруг я различил перед собой кровавый след, пересекавший красную линию. Мертвец был по ту сторону. Он лежал очень близко, но достать до него я не мог.

Его кто-то уже перетащил.

Сзади что-то хрустнуло. Я обернулся и вздрогнул: за мной стоял Мишель, в своей жуткой мертвой маске.

– Вы что, думали, я сплю? Я знал, что вы не уйметесь. Вы решили сбросить труп в пропасть, значит его надо сбросить, и все тут. И с самого начала вы постоянно мне приказываете и унижаете меня перед мальчишкой. Ну уж нет, так дело не пойдет.

Я расшвырялся, бросился к нему и оттолкнул назад. Он тяжело плюхнулся на землю, потеряв от удивления равновесие, да еще и маска перевесила. Я сжал кулак и замахнулся, а он расхохотался, и из-под маски послышались жутковатые звуки.

– Валяйте, бейте.

Я глубоко вздохнул и постепенно успокоился. Мишель отступил за красную линию.

– Я наблюдал, как вы обращались с собакой, потом с Фаридом, а теперь со мной. Вы пытаетесь скрывать свою агрессивность, но она прорывается наружу. Я не психолог, но такое поведение не говорит ни о чем хорошем.

– Заткнитесь! А теперь вы еще и мальчишку настраиваете против меня. Думаете, я не слышал?

– Я нашел у вас на ботинке прилипшее зернышко апельсина. Вы оставили еду в галерее!

– Теперь там ничего нет, я все съел. Ну, была пара-тройка апельсинов. Вы что, будете из этого делать трагедию?

– А почему я знаю, что вы не вретe? Вы ведь эгоист. Мы все здесь в

одинаковом положении, все без еды, и всем хочется есть.

– Но работал-то я, а не вы.

– А лед, который я скалывал с ледника, – это что, не работа?

– Работа. Но вызволить вас отсюда могу только я один.

От него несло перегаром. Мне хотелось его ударить... Я ткнул в него пальцем:

– Ступайте за трупом. Немедленно.

Чего я никак не ожидал, так это что он достанет из кармана револьвер и начнет его перекидывать из ладони в ладонь.

– Иначе что?

Я сжал кулаки. Должно быть, Фарид очень крепко спал, если позволил вытащить оружие у себя из-под мышки. В любом случае ни я, ни он не были в одной весовой категории со здоровяком Мишелем. А потому он мог делать все, что захочет.

– Да пошли вы куда подальше!

Мишель угрожающе поднял дуло револьвера, и меня слегка затошнило. В этот миг я отдал себе отчет, до какой степени ситуация опасна. Я этого типа не знал и не мог предвидеть его реакции.

– Спокойно, дедуля, спокойно... Один выстрел – это так быстро.

Голос у него был какой-то странный, непривычно вкрадчивый. И он меня напугал. Я ринулся в палатку, отстегнул баллончик с газом от каски, снял ботинки, сбросил всю одежду, кроме рубашки, и залез в спальник, застегнув сплошную молнию. С цепью это было очень трудно. В затылок дуло, цепь впивалась в грудь.

Услышав, что Мишель входит в палатку, я весь сжался в мешке.

– Теперь у меня сперли спальник?

Я не ответил.

Послышался «пых» газового баллончика. Он зажег горелку и демонстративно поставил ее посреди палатки. Как по маслу ничего не шло. Я похлопал рукой по коремату:

– Пок, ко мне, иди сюда, мой пес.

Пок впервые перешагнул порог палатки и улегся между мной и стенкой. Маска Мишеля устрашающе сверкнула в свете фонаря.

– Ты позволил своей грязной скотине войти сюда, не спросив разрешения?

Я снова ничего не ответил, только обнял собаку обеими руками и прижал к себе. Мой большой плюшевый мишка... С ним мне было гораздо спокойнее. Вокруг меня слышались какие-то звуки, чье-то дыхание, похрипывали легкие, с потолка палатки срывались капли. Рот наполнился

горечью страха. Я совсем скорчился в мешке. В моем возрасте вроде бы уже ничего не следует бояться, но я был напуган до смерти.

Прошло только два дня, как мы здесь.

И мы уже готовы друг друга убить.

16

...Сегодня, папа, мы с классом приехали в Трою и забирались в знаменитого коня, который стоит на окраине турецкой деревни.^[12] Здорово же троянцы попались, а греки хитро придумали завезти западную прямо в центр города! Потом мы смотрели «Трою», фильм с Брэдом Питом, в основном из-за костюмов и грима, а вечером, в качестве домашнего задания, нам предложили выбрать любого мифологического героя и написать о нем несколько страниц. Я выбрала Геракла. Ты знаешь, что он спускался до центра Земли, да самого Аида, чтобы покорить Цербера? Мне сразу вспомнилась история, которую ты всем любишь рассказывать, про Жана-Кристофа Лафайя. Он хотел стать первым французом, покорившим четырнадцать восьмьютысячников. Я его не сравниваю с Гераклом, но я считаю, что у каждой эпохи свои герои, и Жан-Кристоф Лафайя – один из них. Правда, он трагически пропал во время двенадцатого «подвига», но разве все герои в итоге не приходят к такому концу? Спасибо, что ты со всем этим покончил ради меня и мамы. Ты, может, и не стал в глазах других тем героем, каким хотел стать, но зато ты мой герой. Наш с мамой.

Поцелуй от меня маму и Пока. Я тебе пришлю фотки через несколько дней, ладно? И напишу. Не волнуйся, здесь все хорошо.

Чао, папа, я тебя люблю. Ты мой герой.

Электронное письмо, посланное с компьютера Клэр ее отцу 23 февраля, за два дня до того, как Жонатан Тувье очнулся в подземелье

В каске, с ремешками от газового баллончика в руке, я вылез из палатки, чтобы пописать. Прямо в кромешную тьму, если так можно выразиться. Круг света от налобника падал на черную каменную стену. Я зевал и чувствовал себя каким-то вялым и апатичным. Вдруг в затылок мне ударила сильная струя холодного воздуха и по скалам прошел стон. Я повернулся к пропасти и увидел *эту тварь*. Пришлось ущипнуть себя за руку. Из пропасти поднималось какое-то существо. Запахло ячменем, гречкой и керосином. Я опешил и попятился назад, пока не уперся спиной в стену. Тварь приближалась ко мне, и движения ее были какие-то

странные, то ли замедленные, то ли неправильные... У меня перехватило дыхание, и я в панике, бросив каску и баллончик, побежал в палатку, закрылся и забрался в спальник до самого подбородка. Фарид спал, Мишеля на месте не было. Тут молния на палатке зажужжала и поползла вверх. Я лежал не дыша, зажав руки между колен. Чудище ощупало мой спальник, нашло застежку и одним движением скользнуло внутрь. Тело у него было ледяное, студенистое, а длинные пальцы оканчивались чем-то вроде шпателя или лыжи. Оно прижалось ко мне, и я увидел в его огромных глазах свое отражение. Еще мгновение – и я весь покрылся вязкой холодной слизью, а в грудь мне уперлась острая нога.

Вдруг резким толчком меня выбило из сна, и я в страхе вскочил.

О господи... Я опять здесь, в небытии. Подземелье на самом деле существует.

Вырваться из одного кошмара, чтобы очнуться в другом...

Я был один в палатке, и сразу возникло ощущение, что я один в целом мире. А где остальные? Я потряс головой, все еще в полусне... Все тело болело. Сон был таким реальным, таким... осязаемым. И чудовище, и этот запах... Гречка, ячмень – все это характерные ароматы деревень у подножия Эвереста. И керосин, я прекрасно помнил резкий запах его испарений. Бутыли с керосином несли шерпы, вместе с дровами, мешками и содовой водой. А на ветру хлопали буддистские флажки.

И этот удар в грудь...

Совсем как удары ледорубом, которые я получил когда-то и которые должны были меня убить.

Послышались голоса Фариды и Мишеля. Сквозь ткань палатки мерцал огонь фонаря. Мои товарищи по несчастью о чем-то разговаривали и все время ходили взад-вперед. Пок еще спал и не пошевелился, когда я его погладил.

Я быстро выпростал ноги из спальника. Никаких перемен. Та же сырость, та же темнота. За пределами палатки – та же картина. Ни лучика солнца, который ласково коснулся бы моего лица, и никакой надежды, что положение мое хоть как-то улучшится. Я представил себе, как о нашей «Истине» сказал бы комментатор службы погоды: «Сегодня температура воздуха один градус по Цельсию, как внутри, так и снаружи. Безоблачно, слабый ветер, погода мягкая, черное солнце над всей территорией. Тем не менее ожидаются осадки в виде льда. Не забудьте захватить с собой на прогулку стальные зонтики. Хорошего дня, до завтра... Если вы все еще живы».

Я пошарил вокруг себя в поисках горелки, но ее не было в том месте, где я ее оставил вчера, или только что, или... Я уже не знал, все смешалось. Добравшись до стенки палатки, я нащупал зажигалку Фариды и баллончик с газом. Он был совсем легким. Глаза болезненно отреагировали на слабый свет горелки, и мне пришлось зажмуриться. Справа от спальника я с удивлением обнаружил корки от апельсина, а самого апельсина не было. Значит, остался всего один фрукт. Похоже, я знаю, кто это сделал. Бережно собрав корки, я рассовал их по карманам.

Есть хотелось до судорог. Сейчас бы позавтракать стаканом козьего молока с теплыми круассанами – и глотать бы все это огромными кусками... Я с тоской покосился на оставшийся нетронутым апельсин и ощутил его сок у себя на губах. Рот наполнился слюной, организм требовал свое. Меня душил неутоленный голод. Вставать не хотелось. А зачем? Было такое чувство, что меня заточили в ледышку. Я засунул в ухо термометр, и он показал температуру 36,3 градуса по Цельсию. Метаболизм в теле явно замедлился, и редкий пульс это подтверждал. Мне угрожали гипотермия и опасность летаргии. Если не двигаться, то можно впасть в сонное оцепенение и, значит, принять смерть как данность.

Я откусил кусочек апельсиновой кожуры, положил его на язык и, поморщившись, поднялся. Мои брюки, с вечера повешенные на поперечину палатки, чтобы не соприкасались с землей, все равно замерзли и заохлодели. У меня мелькнула мысль засунуть их в спальник и согреть, но одно прикосновение к ним уже леденило кровь. Стиснув зубы, я в них кое-как влез, а потом натянул свитер и пуховик, которые так и оставались скрученными возле цепи на руке.

Прежде чем выйти, я бросил взгляд на моего милого Желанного Гостя. С прошлого раза он даже лапкой не пошевелил. Резким движением я поднял стакан, паук почувствовал струю воздуха и встрепенулся. Он был вполне реальным, настоящим одушевленным существом, в нем присутствовало очарование. Он ухитрялся выживать в таких жестоких условиях. Я с ним немного поиграл, то выпуская, то снова накрывая стаканом, он бегал по моей руке, танцевал на своих тонких лапках. У меня создалось впечатление, что он меня приветствовал в голубоватом свете горелки и даже аплодировал. Тут я поймал себя на том, что говорю сам с собой, и понял, насколько ситуация опасна. Это недобрый знак, и хуже всего то, что я это осознаю. Со мной что-то не то, мне дурно. Тут же пришли мысли о дочери в опасности, о Франсуазе, которая борется с болезнью. Я видел, как у нее прядями выпадали волосы, и она их тайком засовывала в дырку в раковине, я слышал по ночам приглушенные звуки

рвоты. Ну да, с этого все и началось, со рвоты. Весь этот долгий кошмар...

Имею ли я право дать слабину, когда где-то меня наверняка ждет дочь? Когда моя жена борется за жизнь? Когда ее тело кромсают лучи, которые вроде бы призваны лечить?

Неловким жестом я снова накрыл паука стаканом и решил, что пора сделать еще одну зарубку камешком.

III

Всего три дня. Так мне казалось.

Еще столько же – и Франсуаза отправится на операционный стол для трансплантации. А я-то где буду через три дня? И прежде всего – в каком состоянии? Смогу ли я держаться на ногах? Это было так жестоко, что мне захотелось выть.

Я вышел из палатки.

Внизу, возле края пропасти, теплился огонек фонаря. Я энергично растер себе плечи и осторожно пошел вперед. Рукавиц я не надел. Ноги плохо слушались, мышцы одеревенели. В полный рост поднялся враг, с которым трудно бороться: недостаток физической активности. Мы все оказались под угрозой рахита. Свет – одна из главных жизненных составляющих, без него начинается распад и угасание. Я отдавал себе отчет, до какой степени мне сейчас не хватает тепла солнечного луча, тепла улыбки.

Передо мной все мгновенно пришло в движение. Белый шлем покатился по земле, свет фонаря заметался, тени выгнулись высокими арками, и раздалось злобное ворчание. Фарид и Мишель дрались, причем Мишель уже подмял противника. Я подбежал и растащил их, рванув Мишеля на себя. Тяжелый, черт! У Фариды была разбита губа. Оба тяжело дышали, но соблюдали дистанцию. Я спросил Мишеля:

– Что случилось?

– Этот маленький гаденыш насмеялся над нами с самого начала.

Я повернулся к Фариду. Тот ощупал губу кончиками пальцев, потом сплюнул на землю сгусток крови и отвел глаза. Судя по всему, досталось ему здорово. Мишель схватил меня за руку и потащил к пропасти. Хватка у него была железная.

– Он потихоньку поднялся, видно, думал, что мы спим. Вы храпели, а я свернулся у самого входа и не шевелился. Он что-то пошептал, наверное, чтобы проверить, не проснемся ли мы. Я не ответил. Тогда он потихоньку оделся в темноте, взял шлем, баллончик и пошел к леднику. Не знаю, что он там делал, но он светил себе фонарем, как будто что-то искал. Оттуда он пошел к тому месту, где мы его нашли. Я вышел из палатки и видел, как он

взобрался на карниз, а потом спустился. За пазухой у него было что-то спрятано. Что-то большое.

Фарид угрожающе ткнул в Мишеля пальцем:

– Что ты несешь!

Потом взглянул на меня, пытаюсь оправдаться:

– Я захотел пописать и решил отойти как можно дальше, чтобы не пачкать там, где мы живем. Поначалу я собирался помочиться на ледник, но потом сообразил, что это не лучшая идея: мы ведь пьем эту воду. Тогда я пошел к тому месту, где прикреплена моя цепь. В отместку нашему палачу, вот, мол, тебе, и пошел ты... Но честное слово, я не лазил наверх, я...

– Заткнись, паршивец! Он сразу же рванул к леднику, стараясь не производить шума. А я спрятался и все видел. Он наклонился над пропастью, достал что-то из-за пазухи и выбросил туда. Вон доказательство, глядите!

Фарид запротестовал и что-то возбужденно заговорил по-арабски, и этот выход за пределы языкового барьера меня напугал. Я взял фонарь и направил луч света в пропасть. Внизу, метрах примерно в десяти, я увидел узкий карниз. На нем что-то лежало: то ли кусок черной ткани, то ли черный мусорный мешок. Света было мало, к тому же луч сильно дрожал.

Мишель поднял палец:

– Вы видели? Я думаю, то, что он выбросил, осталось на карнизе.

Я повернулся к арабу:

– Это правда, все, что он говорит?

– Да нет же. Полный бред. Пакет на карнизе, скорее всего, там и лежал. Наверняка это шмотки, которые мертвяк выкинул перед тем, как себя уколошить. Не забывайте, что он был совершенно голый. Я понятия не имею, с чего железная рожа на меня так напустился. Ерунда, чушь собачья. Просто зло срывает, и все.

– Согласись, это по меньшей мере странно. Зачем Мишелю врать?

– Зачем? Да потому, что он врун и делает все, чтобы нас поссорить, ты все еще не понял? А кто тебе сказал, что он сам не спрятал этот мешок у себя в галерее, чтобы потом выбросить?

Мишель пожал плечами и нагнулся:

– Вам бы надо заглянуть в пакет.

Я внимательно оглядел мрачные стены, гладкие и скользкие, как каток.

– Невозможно, тут ни одной зацепки, очень скользко. И я уже много лет не лазил. Это равносильно самоубийству.

Он приподнял мою цепь:

– А это? У нее достаточно длины, чтобы послужить веревкой. Вы никуда не упадете.

От одной мысли о том, что мне придется повиснуть над этой воющей пропастью на конце собственной цепи, меня затошнило.

– А зачем Фариду понадобилось нас тут держать? Это действительно ерунда какая-то. Он ведь больше всех страдает от холода.

Араб убежденно подхватил:

– Да, зачем? Ты совсем больной на голову? Ты что, хочешь меня со смеху уморить? У тебя не только маска железная, но и мозги тоже.

Я подошел к нему:

– Ты говоришь, пописал? Показать можешь?

Фарид взял сигарету и прикурил от горелки. Когда он натягивал перчатки, пальцы его сильно дрожали.

– Ну вот ты мне тоже не веришь? А я думал, ты не такой, как он...

– Наоборот, я очень хочу тебе верить. Пошли.

Он пожал плечами:

– Идите сами проверяйте, а я пошел домой. У меня ноги как ледышки, и никакой массаж не помогает. Я сдохну от холода скорее, чем с голоду.

Он сделал несколько шагов и исчез в темноте. Вскоре в палатке затеплился огонек. Фарид включил горелку на полную мощность. Черт побери, они будут слушать, что им говорят, или нет?

Нахлобучив каску с баллончиком, я двинулся к стене и замер, когда вдруг раскатились хриплые звуки:

I see trees of green, red roses too
I see them bloom, for me and you
And I think to myself, what a wonderful world.

У меня на глаза навернулись слезы, Мишель застыл на месте. Непостижимый, божественный тембр Луи Армстронга. Песня напомнила мне мать в кресле-качалке, со спицами в руках... Сейчас она начнет вязать очередной ужасный шерстяной свитер. *Какой чудный мир...*

Справа от меня Мишель зашептал:

– Я чувствую, что за мальчишкой кое-что водится. Да хотя бы увеличенное фото и история с охотником и пилой. А теперь еще и это...

– А если он прав? И сверток на карнизе уже лежал раньше? Может, вы себе напридумывали. У нас уже мозги отказывают, и рассудок мог вас подвести.

– Мальчишке нельзя доверять, он нас водит за нос.

Я указал ему на лужицу мочи неподалеку от ниши в стене. Она еще не

успела замерзнуть.

– Это потому, что в нашей ситуации вам очень хочется найти виноватого?

– Ну ладно, он действительно вышел помочиться, но я повторяю, он...

– Да я скорее буду доверять ему, чем эгоисту, который мало того что подкрепляется в галерее, еще и позволил себе сожрать наш скудный запас.

– Но я же оставил вам второй апельсин?

– Да бросьте вы! Я полезу осмотрю, что там наверху...

Подпрыгнув, я ухватился за край ниши и вышел наверх на руках, используя как дополнительную опору крепление цепи Фарида. Ниша на двухметровой высоте, в которой очнулся юный араб, была пуста.

– Тут ничего нет.

– Тут *больше* ничего нет, вы хотите сказать. Надо было раньше подумать и посмотреть.

Я в последний раз осмотрел нишу: небольшая, но вполне пригодная, чтобы в ней улечься. На спуске важно было не вывихнуть лодыжку. Старые драные ботинки мало подходили для лазания.

Мишель уселся напротив меня:

– Ну так что, в конце концов... Вы попробуете спуститься в пропасть? Я могу держать цепь и помогу вам подняться.

Мы снова пошли к пропасти. И вдруг я увидел, что по одной из стенок карабкается какое-то беловатое существо. Насторожившись, я застыл на месте:

– Видели?

Мишель тоже остановился, поймав мой испуганный взгляд:

– Что?

Зверь казался крупнее, чем во сне, и словно прилип к стенке. Я до отказа повернул регулятор газа, чтобы увеличить световое пятно, и пошарил рефлектором во все стороны. Все-таки нет ничего более застывшего, чем этот треклятый камень. Ни движения, ни малейших признаков жизни.

– Там что-то было... какой-то зверь...

– Зверь? Вы что, бредите?

Я снова посветил лучом фонаря. Ничего. По спине у меня пробежал ледяной холодок.

– Ладно, пошли...

Мишель на миг насторожился, вслед за мной осматривая потолок:

– Отсюда надо выбираться.

Мы подошли к обрыву. Любой обрыв и все, что хоть вблизи, хоть

издали напоминает трещину или расселину, меня вообще пугает. А тут была просто дыра в преисподнюю, и в придачу сверху, грозя затянуть нас в эту дыру, дул демонический ветер. Мне стало не по себе, ноги задрожали. Лицо обдало холодом. На ощупь стенка расселины оказалась очень скользкой, края наверняка известковые. Я ощутил на запястье железный браслет и вдруг представил, как повисну между небом и землей, прикованный за руку, с болтающимися в пустоте ногами. Я брыкаюсь и кричу, а надо мной нависает железная маска и пытается меня поднять только силой рук. Он пыхтит и задыхается, но не может больше, ему обжигает руки, и он выпускает цепь, и она не выдерживает... Ужасный крик взорвал мне череп, перед глазами замелькали вспышки ослепительного света. Это кричал Макс Бек, голос его тонул в вихрях снега, а борода покрылась инеем.

И он сорвался в пропасть.

Голова у меня закружилась, ноги ослабели, и я рухнул, задыхаясь.

А дальше наступила чернота.

Том сказал себе, что, в сущности, жизнь не так уж пуста и ничтожна. Сам того не ведая, он открыл великий закон, управляющий поступками людей, а именно: для того чтобы человек или мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется ему возможно труднее. Если бы он был таким же великим мудрецом, как и автор этой книги, он понял бы, что работа есть то, что мы обязаны делать, а игра есть то, что мы не обязаны делать. И это помогло бы ему уразуметь, почему изготавливать бумажные цветы или, например, вертеть мельницу – работа, а сбивать кегли или восходить на Монблан – удовольствие. [\[13\]](#)

Марк Твен. Приключения Тома Сойера. Первая «толстая книга», которую прочел Жонатан Тувье; ему было девять лет

– Ты как?

Голос прозвучал гулко. На потолке плясали тени. Устало пыхла горелка перед палаткой. Я приподнялся на локтях с ощущением, что проглотил целый мешок песка.

– Это что еще...

Надо мной склонился Фарид, его дыхание отдавало характерным «голодным» запахом. Он повернулся на бок и склонился над ящиком.

– Похоже, ты потерял сознание, и этот притащил тебя сюда.

Полотнища входа в палатку были закатаны и подвязаны. Вдали, возле ледника, маячил еще один огонек: фонарь на каске.

– Я выставил горелку наружу. Ты прав, на ткани скапливается слишком много влаги, мне пришлось вытирать палатку полотенцем. И потом, не хочется, чтобы все время было темно, понимаешь? Мне тогда кажется, что я умер. Погляди, у меня уже пальцы стали как лед. Даже в перчатках их надо все время согревать. Если позволишь, я снова заберу твоё имущество.

Он стащил с меня перчатки, которые, наверное, решил вернуть, пока я был без сознания, и натянул их на руки.

– Я много возился с замком, но лучше вдвоем, чтобы без остановок. Один крутит колесики, другой дергает дужку. Я дошел только до тысяча сто шестьдесят седьмой комбинации, представляешь? Очень холодно,

просто кости трескаются.

Я ощупал голову:

– Со мной прежде никогда такого не бывало, чтобы ни с того ни с сего потерять сознание. Сколько времени я пробыл в отключке?

– Да немало. Я уж волновался, что ты вообще не перестанешь пыхтеть, как авиационная турбина, и при этом непрерывно болтать.

– Я что, разговаривал?

Он кивнул:

– Ты меня очень удивил. Похоже, тебя одолевали отвратительные кошмары. Тебя что, отец в детстве бил?

У меня сжались челюсти.

– С чего ты решил? Что я там такое болтал?

– Да ничего. Просто я за это время успел выкурить две или три сигареты и раз четыреста перекрутить колесики замка. К тому же зажечь сигарету становится все труднее.

Он достал вторую, и последнюю, пачку и небрежно вытащил сигарету:

– Гляди, они совсем отсырели. И проигрыватель не работает. Слишком сыро. Ни музыки, ни сигарет. И что мне тогда делать, спрашивается?

Он шмыгнул носом, заткнув одну ноздрю. В горле у него слышались хрипы, не предвещавшие ничего хорошего.

– Так что с тобой случилось?

Я помотал головой:

– Не знаю. Похоже на гипогликемию. Мушки в глазах, а потом – ничего.

– Не ты ли считался из нас самым выносливым?

– Прежде всего, я самый старший. И потом, горы, экстрим – это было давно.

Я присмотрелся к его нижней губе: она сильно распухла. Ощупать ее он не дал: отпихнул мою руку.

– Тоже мне мамочка нашлась... Ничего, бывало и хуже.

Он кивнул куда-то в угол и потер руками плечи:

– Видал?

Я посмотрел туда, куда он показывал, и у меня сжалось сердце. Угол, где находились последний апельсин, две бутылки водки, кастрюля и запас газа, был пуст. Остались только тарелки, Желанный Гость под стаканом и опрокинутый газовый баллончик. Я его осторожно встряхнул, все еще не веря.

– Пустой, – сказал Фарид. – Эта свинья в маске решила позабавиться с нашими жизнями. Спер все наши припасы и делает с ними, что ему

заблагорассудится. Его надо контролировать.

Юный араб уселся, подтянув колени к подбородку, и обнял себя руками.

– Теперь он расхаживает только с заряженным револьвером. Когда он все спер, он уже наставлял пушку на меня, потому что я хотел ему помешать. Клянусь... я уже решил, что он меня грохнет. Слышал бы ты его голос. В меня никто никогда не целился. И я уверен, что под маской он улыбался. Убийца – это он. Ясное дело, он. По неизвестной причине он уколошил того типа с татуировкой. Говорю тебе, у этого парня крыша поехала. Сначала он видел, как я делаю то, чего я не делал. И еще – я несколько раз слышал, как он разговаривал сам с собой. А теперь эта кража. Потому что это настоящая кража.

Я посмотрел ему в лицо и не увидел ничего, кроме отчаяния растерянного мальчишки.

– Скажи мне, что ты ничего не бросал в пропасть.

Он снял перчатку с правой руки и приложил к сердцу ладонь, держа два пальца в виде буквы «V»:

– Я правоверный мусульманин. Клянусь матерью... Пакет там уже лежал. Ну, теперь ты мне веришь?

– Очень хотелось бы.

Я обернулся, ища глазами собаку. Пок куда-то пропал. Быстро вскочив, я бросился ко входу в палатку. Голова все еще кружилась.

– Покхара! Пок!

Мой пес развалился в сторонке на земле, в природной нише, как в конуре. Он поднял морду, смерил меня безразличным взглядом и продолжил свое занятие. Я сощурился и подошел поближе. Пес выгрызал шерсть у себя на лапах; на них уже розовели участки голой кожи.

– Пок! Ты зачем это делаешь?

Он зарычал, не глядя на меня. Правое ухо встало торчком, хвост распушился, губа задрожала. Это явно был сигнал: не подходи, держись на расстоянии. Такого поведения я за ним не замечал с того дня, как его избили. Он тоже был обречен и тем самым показывал нам, до какой степени мы сами сбились с пути.

В этот момент кто-то чихнул, и я отвлекся от своих мыслей. Покосившись на вход в палатку, я увидел Фарида. Он испуганно взглянул на меня и плотнее укутал шею и плечи спальником.

– Ничего, просто чихнул, правда? Пройдет. Пройдет обязательно, клянусь. Мама всегда говорила, что я крепкий и здоровый. Никаких насморков, ничего, единственная проблема – вечно холодные руки и ноги.

Доктор сказал, что у меня плохое кровообращение, мне надо все время согреваться. Когда я каждый год в октябре копал картошку на поле, мне всегда казалось, что при малейшем порыве ветра я разобьюсь на кусочки. Это вроде той болезни, что зовется алексией, я тут ничего не могу поделать.

– Ты схватил насморк, потому что пещера проникает в каждого из нас и пронизывает насквозь. До самых потрохов. Она сопротивляется, не желает, чтобы ее одолели, и одолевает нас. Послушай, как она поет, ей на нас плевать. Если мы хотим отсюда выбраться, придется с ней сражаться каждую секунду. Ты ведь не собираешься сдаваться, верно?

Молчание само по себе – признак слабости. Я поднял перевернутый стакан:

– Погляди на Желанного Гостя, на моего паучка, и скажи себе, что если уж такой хрупкий организм справляется, то и мы тоже справимся.

Я собирался уже выйти из палатки, но он меня окликнул:

– Жонатан? Я голоден.

Голод... слово, которое стучит мне в голову по сто раз на дню.

– Я так голоден, что готов обглодать себе руки. Это как? Мы здесь три дня? Три дурацкие вертикальные палочки... А кажется, уже три месяца. И я... не знаю, сколько их еще будет, этих палочек. Мне... мне уже хочется заснуть и не просыпаться никогда. Так было бы гораздо проще.

Вернувшись в палатку, я отдал себе отчет, до какой степени наши тела пребывают в опасности и до какой степени нам плохо.

– Сейчас чувство голода ощущается наиболее резко. Надо перетерпеть, и твой организм привыкнет к отсутствию пищи, ему будет достаточно воды с запахом апельсина. Ведь ты же голодаешь в Рамадан?

– Это разные вещи. И потом, в Рамадан всегда можно сжульничать. А здесь меня не покидает чувство, что силы вот-вот кончатся.

– Знаю. В этом огромную роль играет холод. Он заставляет организм растрачивать резервы на поддержание температуры для жизнеобеспечения. И этим объясняется то, что наши глаза видят порой странные вещи. Но если я здесь нашел маленького паучка, это означает, что есть и другие насекомые, а может, и мелкие зверьки. Будем есть их, если придется.

– Я не видел никаких насекомых. Ни одного живого существа. Микробы и те мои. А что? Если мы найдем навозного жука, мы его что, на троих делить будем?

Я подумал о существе, которое карабкалось по скале. Животное или вообще непонятно что? А может, привиделось? Я вздрогнул, а Фарид снова зашмыгал носом.

– Ты, наверное, рассердишься на меня... ну, что я думаю о таких вещах, но... это без конца крутится у меня в голове. И отделаться от этой мысли я не могу.

– А в чем дело?

– Может быть, существует решение проблемы еды. Кое-что, что поможет нам продержаться. И придаст нам сил, бодрости и тепла. Ну, скажем так...

– Говори, что ты ходишь вокруг да около?

– Твоя собака.

Его ответ убил меня, я почувствовал себя обескровленным. То, что *для них* было очевидным, мне даже не приходило в голову. Потому что Пок был не просто собакой. Он был моим лучшим другом.

– Моя... моя собака?

Фарид вскинулся, сбросив с плеч спальник и сняв перчатки. Пальцы у него были и правда в ужасном состоянии.

– Я с самого начала задавал себе вопрос, зачем здесь твоя собака. С чего это тебе такие привилегии, почему именно тебе захотели доставить удовольствие. Как видишь, само понятие удовольствия здесь не существует. Вряд ли наш палач, учитывая его садизм, хотел тебе сделать приятное. И потом... все эти тарелки, приборы... Думаю, ответ на вопросы один: голод. Обладеть, до чего пустой желудок обостряет способность мыслить.

Меня захлестнул гнев.

– Никто никогда не прикаснется к Поку.

– Ну да, ты говорил. Но ты же говорил, что нельзя бросать человека, который нуждается в помощи? Скоро помощь потребуется мне. Я не хочу умирать, а тем более здесь и такой смертью. А твоя собака – всего лишь животное.

– Для меня Пок – гораздо больше, чем собака. В тот день, когда я вырвал его из лап неминуемой смерти, не я спас ему жизнь, а он мне.

– Ну так он еще раз может спасти тебе жизнь, и нам тоже. Жертва на благо общества... У нас демократия, парень. Если ничего не предпринять, то сдохнем все, и пес вместе с нами.

– Нет, весьма сожалею. Съесть мою собаку – это... это равносильно каннибальству.

Фарид вернулся в свой угол и натянул рукавицы. Сигарету он раскуривать не стал, только понюхал с жадностью.

– В любом случае имей в виду, что если уж я об этом подумал, то уж Мишель и подавно. И он твоего разрешения спрашивать не станет.

18

Когда я учился в школе, у нас в коридоре висел застекленный ящик, выкрашенный красной краской. Там, насколько я помню, хранился топор. А снизу была надпись: «В случае опасности разбить стекло». Думаю, что каждый, кто прочтет мое руководство по выживанию, должен поместить его у себя в доме в такую же застекленную витрину.

*Макс Бек (напарник Жонатана Тувье по восхождениям).
Выживание в любых условиях*

После слов Фариды мне очень захотелось сразу приласкать Пока, и я вышел из палатки. Он больше не выгрызал у себя лысин в шкуре, я обнял его и вдруг заметил, что к его губе прилипли кусочки бумаги. Под собачьей грудью оказалось письмо, которое пес уже начал жевать.

Мне захотелось пустить себе пулю в лоб: это письмо я оставил в палате Франсуазы за два дня до того, как мы узнали, что у нас есть донор костного мозга. Слезы хлынули у меня из глаз. Бумага смялась и попортилась, но текст сохранился хорошо, и я принялся читать про себя:

Моя милая Франсуаза,

вчера вечером я впервые в жизни шинковал красной капусты. Не знаю, с чего это вдруг меня потянуло на кулинарные подвиги, однако объяснение пришло, когда я сел писать это письмо. Не успел я нарубить и половины, как всадил себе нож в палец. Если бы ты была рядом, ты бы рассмеялась, как обычно, и побежала к шкафу, где хранятся бинты и антисептики. У этого шкафа еще дверца заедает... Подтрунивая надо мной, ты бы распечатала пластинку лейкопластыря и заклеила мне безымянный палец.

В конечном счете этот эпизод с капустой прекрасно показывает, кто я такой. Индивид, абсолютно не приспособленный к самым простым житейским занятиям. А ведь из таких неброских деталей и складывается семейное счастье.

Этот «трагический» эпизод я мог бы рассказать тебе, вместо того чтобы писать письмо. Вот приду и расскажу, что не просто по глупости порезал себе палец, что затеял шинковать капусту, чтобы услышать знакомое постукивание ножа о деревянную доску. Для меня

услышать этот звук в нашем старом доме – еще один повод ощутить твое присутствие.

Такими мыслями я обычно делился с тобой либо в письмах, либо по телефону. Я всегда описывал важные моменты нашей жизни. Когда мое сердце, выбирая между скалами и тобой, выбрало тебя. Мне всегда удавалось ловко уходить от диалога, и это качество я, несомненно, унаследовал от отца. Знаешь, дорогая, слова любви постоянно жгут мне губы, но они как волны, которые гаснут, подкатывая к пляжу. Не могу понять, почему в свои пятьдесят лет я боюсь выговорить «я люблю тебя», не утонув в твоих глазах. Я пишу тебе «дорогая», но никогда этого не говорил, я пишу «милая Франсуаза», а в жизни говорю просто «Франсуаза», как будто слова тоже надо экономить.

Милая Франсуаза, мне очень скоро понадобится твоя помощь в отношении Клэр. Ей еще нет двадцати, но нам с тобой обоим надо с ней поговорить. Надо рассказать ей правду о ее прошлом по мере наших возможностей. А я трушу, и мне снова не хватает мужества. Ты ведь поможешь мне, моя Франсуаза?

И еще одно, что я хотел бы тебе сказать. Ты часто спрашивала, зачем я полез в горы. Понимаешь, большие трудности порой заслоняют собой мелкие. В какой-то момент нашей жизни мы все штурмуем Эверест. Мать, когда дает жизнь новому человеку, молодая пара, когда потуже затягивает пояса, чтобы купить дом... Трудно судить, что проще. Строить свою жизнь в вертикальной плоскости, как это делал я долгие годы, – всего лишь средство убежать от мучений, которые меня преследовали всю мою юность, и надежда, что во мне произойдут перемены.

В следующий раз я расскажу тебе правду о своем прошлом, притом лично, а не на бумаге.

Со всей моей любовью,

Твой Жо

Я прижал к груди письмо и посмотрел в глаза Поку:

– Где ты это нашел? Говори, где ты это нашел?!

А этот дурачок в ответ облизал мне пальцы. Я быстро собрал обрывки бумаги и засунул в карман. Мне хотелось умереть на месте. Мерзавец подобрался к моей жене, проник к ней в больничную палату. Он стащил письмо, принес его сюда и спрятал. Видно, рассчитывал, что рано или поздно я его найду. А если Фарид действительно что-то выбросил в пропасть? И выронил это письмо, блуждая в темноте? Я незаметно

взглянул на араба. Он съежился и дрожал от холода. Снова склонившись к собачьему уху, я тихонько спросил:

– В подземелье еще кто-то есть? И он прячется? Скажи, мой пес...

Я выпрямился и обшарил глазами все темные углы. Прямо передо мной луч налобника освещал поверхность ледника. И я решительным шагом направился к маячившему там силуэту Мишеля. В прошлый раз пришлось оставить горелку Фариду, но теперь пришло время принимать жесткие меры. Мы уже не живем, а выживаем. У меня ослабли и перестали слушаться ноги. Они заметно отяжелели, мышцы то и дело сводило, особенно при ходьбе. Фарид прав: я самый крепкий, но без горючего даже полноприводной автомобиль не сдвинется с места. Случилось то, чего я опасался: мой внутренний источник энергии иссяк. Не победив меня морально, «Истина» прибегла к гораздо более пагубному средству: истощить физически.

Стоя перед ледяной завесой, Мишель дымился, как тарелка с кашей. От его свитера, от шеи, сквозь дырочки в маске и даже от ботинок шел пар. Вооружившись острым камнем, которым я делал зарубки в календаре, он с каким-то остервенением откалывал куски льда. Заметив меня, он не оставил работы:

– Я вижу... вы снова... в строю.

Мишель запыхался. Он топтал ногами отколотые куски льда, превращая его в крошку, чтобы набить кастрюлю. Я крепко схватил его за запястье:

– Для чего вы затеяли эту игру?

– Я выдалбливаю холодильник... для нашего трупа... тут для этого... есть все необходимое...

– Я не об этом. Я о наших припасах. Апельсин, водка, газ.

Он резким движением высвободил руку и продолжил долбить лед.

– Наши... припасы? Не беспокойтесь... Я их... спрятал... в надежном месте... В леднике... Что галерея, что ледник... одно и то же...

Стянув мокрые рукавицы, Мишель принялся засовывать безымянный палец в дырочки на маске. Пальцы у него были красные. От крови.

– Пот щиплет... Эта чертова мерзость... Маска... Честное слово, я бы, наверное, в огонь бросился... только... ради удовольствия... поглядеть, как она... плавится.

И он начал чесаться, словно его атаковал целый рой невидимых мух. Потом указал на ледяную стенку:

– Вы заметили... там, в глубине... какое-то пятно? Как по-вашему... что это такое? Дырка? А если это... то, что Фарид... искал прошлой

ночью?

– Слой льда очень толстый, а света мало, поэтому ничего не видно. Но это, несомненно, осколок скалы, вмёрзшей в лед, больше быть нечему...

Я снова взял его за руку:

– У вас кровь на руках. Если не ошибаюсь, не ваша?

Он повернул перед собой руки ладонями вверх. Пальцы у него дрожали, изо рта пахло перегаром. Наверное, надо было ему сказать, что, вопреки всеобщему убеждению, в больших дозах алкоголь действует как токсин, уменьшая способность противостоять холоду. Добрых секунд двадцать Мишель стоял не двигаясь, все так же держа перед собой ладони.

– Повторяю: кровь не ваша?

Он покачал головой:

– Пустяки... Ведь мы рождаемся с кровью матери на руках... когда выходим из чрева, ведь так? И ступать ногами по крови и по внутренностям – одна из сторон... жизни. Это все равно что вернуться... к истокам...

Он нес какую-то околесицу и был явно не в себе. Что пользы заговаривать с ним сейчас о письме?

– Я вот думаю о своей жене... Я знаю, что с ней все в порядке... Что с ней ничего не случилось...

– Вы должны немедленно вернуть все припасы в палатку.

– Э, нет... так я уверен, что вы оба не сделаете мне какой-нибудь подлянки исподтишка. Я видел, как вы переглядывались... Слышал, как вы переговаривались шепотом... Прислушайтесь, вы слышите? Шушуканье... все время кто-то шушукается. У вас... против меня... заговор.

– Да что за ерунда! Просто у нас у всех начинаются галлюцинации. Надо заставить себя понять, что это всего лишь галлюцинации.

Мишель вдруг наклонился, набил себе рот колотым льдом и принялся жевать. Ведь заболит. Лед хрустел у него на зубах. Проглотив ледяную кашу, он быстро обернулся и уставился в темноту, будто что-то там увидел. Я проследил за его взглядом, но ничего не разглядел.

– Вы кого-то увидели? – спросил я. – Чей-то силуэт? А может, животное?

Он облизал себе пальцы.

– Я спрятал все наши припасы за красную линию... Гениально она придумана, эта красная линия... Не находите? И газ в надежном месте, в галерее. От перерасхода и вообще... Я буду приносить по мере... надобности... чтобы вскипятить воду. Но если... вы что-нибудь замыслите против меня... тогда...

– Да никто не собирался против вас замышлять.

– Вы-то нет, вы не замыслите. А вот араб – этот да. Он точно заговорщик, у него дурной глаз. Не знаю, какую игру он затеял, но я его выведу на чистую воду.

– Да никакой у него не дурной глаз.

– Такой-такой, они все такие. А те, что с голубыми глазами, самые порочные. Они, как красивые маленькие лягушки в Амазонии, наиболее опасны.

– Перестаньте пить на пустой желудок, это разрушает мозг. А наши запасы – отнюдь не ваша личная собственность.

Мишель перевел дух. Очень метко сказал Фарид: у него точно крыша поехала.

– А что произошло на краю обрыва? – спросил он. – У вас случился приступ паники, когда... я вас *попросил* спуститься в расселину.

– Ну... голод, слабость. Небольшая гипогликемия, но теперь мне гораздо лучше.

– Гипогликемия? Вы что, за дурака меня держите? Нет, я видел страх в ваших глазах. Страх подростка. Вы же говорили, что были альпинистом. Альпинисты расщелин не боятся. Почему вы бросили альпинизм и занялись туристскими походами? Ведь горы – это как алкоголь, правда? Начнешь – а остановиться уже не можешь. Что с вами произошло наверху?

Я сжал кулаки, и он это заметил, засовывая в рот очередную порцию льда, которую тут же выплюнул.

– Это долгая история.

– Мне кажется, у нас достаточно времени. Может, ради этого нас здесь и заточили. Чтобы было время поговорить. Я вас слушаю.

Я отвернулся, ничего ему не ответив.

– Тувье?

– Что?

– Вам бы лучше потренироваться в скалолазании, пока совсем не ослабли. Потому что я гарантирую: так или иначе, а вам придется спуститься в эту расселину. И очень скоро.

19

Николь посмотрел на градусник и обнаружил, что температура упала до семнадцати градусов ниже нуля! Барбикен, несмотря на требования экономии, вынужден был прибегнуть к газу, теперь уже не только для освещения, но и для отопления снаряда. Холод становился нестерпимым. Путешественникам грозила опасность замерзнуть.^[14]

Жюль Верн. Вокруг Луны. Предвидения автора романа поразили Жонатана Гувье

Я ловил себя на том, что, засыпая, каждый раз вздрагиваю от тягостного ощущения, что проваливаюсь в какую-то дыру. Все вокруг кружилось, нехватка питания вкупе с холодом и сыростью подтачивали мой организм. Сев на коремате, я долго тряс головой, не понимая, где я и куда мне идти. Который час? Какое число? Что случилось с теми, кто мне дорог?

Мои слезящиеся глаза то и дело опускались на коремат в неутолимом желании хоть как-то уцепиться за уходящее время. III. Три дня... Хотя, пожалуй, уже четыре. Когда они успели пролететь? Вот уж не думал, что все пойдет так быстро. Я имел в виду нашу деградацию. Мрачное молчаливое движение к надписи «Возврата нет». Фарид больше не вставал покурить. Похоже, он никогда не закончит свою последнюю пачку. Он ее называет «стадом импотентов».

От отражателя шел слабый свет. Я поднял голову. Полотно палатки постоянно шевелилось, колебалось, словно это темнота скреблась в наше жилище. Она терпеливо дожидалась, пока не кончится газ, и душила нас, обхватив палатку своими ручищами.

Мишель уже не ходил взад-вперед с кастрюлями нарубленного льда, а неподвижно сидел по-турецки у входа в палатку, с зажатой в коленях белой каской в пятнах крови. Он даже не сполоснул рук. Из-под железной маски несло непрерывное бормотание, смысл которого разобрать было невозможно. По здравом размышлении я вполне отдавал себе отчет, что, хоть и побывал на самых высоких вершинах, могу запросто сгинуть в выгребной яме. Не хотелось, чтобы палатка стала моей могилой, а потому я с трудом поднялся на ноги. У меня возникло ощущение, что мое тело

распухло от воды, настолько замедленны были все движения. Мишель лениво повернул голову и без видимой причины пожал плечами. Я вышел вместе с Поком, взял кастрюлю и побрел к леднику. Пес с кажущейся живостью трусил рядом, но я чувствовал, что лапы плохо его слушаются. После трех-четырёх ходок я соорудил возле палатки солидную горку льда: запас воды для нашего первого душа. Я сунул голову в палатку:

– Эй, не раскисать, ладно?

Это был ни вопрос, ни утверждение. Получилась просто какая-то вялая фраза. Никто не ответил. После жестокого предложения Фариды пустить мою собаку на мясо мы с Поком не расставались. Если ему надо было выйти по нужде, я шел вместе с ним, если мне – он меня провожал. Я не выпускал его из виду и не позволял отходить далеко, особенно когда Мишель отлучался. Ясно, что рано или поздно Мишель попытается его убить.

В очередной раз вернувшись в лагерь, я поставил кастрюлю на огонь. Заодно можно было и просушить все, что промокло: полотенца, рукавицы, куртку Мишеля, которую я, не спрашивая разрешения, с него стянул. Он сидел, измотанный, безучастный ко всему, и мне показалось, что я раздевал манекен.

В порыве куража и прояснения сознания я скинул с себя всю одежду, даже рубашку, которая повисла вместе с пуловером и курткой у меня на закованном запястье. Сразу возникло стойкое ощущение, что каждый мускул моего тела сейчас отвалится и упадет на землю, как кусок замороженного мяса.

Фарид привстал и тихо свистнул сквозь зубы:

– Ох ты, черт...

Так бывало всегда, когда кто-то впервые видел меня обнаженным. Я зачоченел и сунул палец в кастрюлю с водой. Наверное, вода уже согрелась. Однако она могла с равным успехом быть и ледяной, и кипятком, я все равно не чувствовал. Сомнений не было, я сильно сдал.

– Мишель, прошу вас.

Я обычно легко перехожу на «ты», а вот с Мишелем, даже после нескольких дней пребывания здесь, пока не мог. Маска возводила барьер, она еще и наводила тоску.

– Полейте, пожалуйста, мне на плечи. Только быстрее, пока я совсем не заледенел.

Фарид не сводил с меня глаз: тело у меня было в шрамах всех видов и размеров.

– Может, объяснишь? – выпалил он, словно прочитав мои мысли.

Мишель, обычно очень любопытный, ни о чем не спросил, а просто наклонил кастрюлю. Вода ударила по коже, и шок был как от града электрических разрядов. Я старательно вымыл все тело: бедра, грудь, лицо с отросшей короткой бородкой, живот. И сразу пришло ощущение опрятности, очищения, даже без мыла и банной рукавицы. Меня охватила гордость, что я твердо держусь на ногах, что я еще жив. Быстро схватив ледяное полотенце, я растерся докрасна и почувствовал себя гораздо лучше, почувствовал себя человеком. Вспомнив вопрос Фариды, я на несколько секунд остался голышом и указал пальцем на лоб:

– Правая надбровная дуга, свалился с велосипеда. Пять лет.

Палец передвигался вслед за описаниями.

– Восемь лет, первый скальный маршрут, упал головой вниз и рассек лоб об острую скалу. Мама рассказывала, что я явился домой весь в крови, но без единой слезинки. Мы тогда жили на первом этаже, и, наверное, поэтому я до сих пор и жив, учитывая, сколько раз я придвигал стул, чтобы пройти по перилам балкона.

Палец двинулся по лицу дальше, проехал по кривоватому носу, по толстым губам. Мишель и Фарид слушали очень внимательно.

– Девять лет. Прыгнул на переменке с дерева и расшиб подбородок об асфальт на школьном дворе... Двенадцать лет. Начитался комиксов и решил, что я просто не могу умереть, я бессмертен. Свалился с крыши своего дома в Мюнстере. Три шва на коленке и множественные переломы: ноги, кисти рук, – общем, жутковатое воспоминание. А вот это в четырнадцать лет, – я взглянул на Фариду, – отец ударил. Это – в шестнадцать, это – в семнадцать. Ничего серьезного, но весь персонал интерната будет меня всю жизнь помнить. Вот здесь, здесь и здесь – это в армии. Я служил в альпийских стрелках. Потом еще несколько царапин – и лет до двадцати восьми мертвый штиль. Вот это – Долмиты, мой самый сильный испуг. Четыре шва... Тридцать четыре года, переломы ребер слева. Нос я ломал много раз. А вот это – собачьи укусы, ну, я тебе уже рассказывал. А теперь... я оденусь, если не возражаешь. Если я еще тут постою голышом, то будет мне кисло.

Фарид указал на грудь справа:

– А это что?

Ну конечно, они заметили. Я бы предпочел об этом не говорить, но задал себе вопрос: а какой смысл нам что-то друг от друга скрывать? Почти через всю верхнюю часть груди шли две глубокие красноватые отметины.

– Это двадцать лет назад. Два удара ледорубом.

– Тебя вздули ледорубом? Довольно оригинально.

– Мой лучший друг... Макс Бек.

Закусив губы, я поднял с земли брюки. Удар ледоруба в грудь производит хлюпающий звук, которого потом всю жизнь не забудешь: как будто шлепнули ногой по луже. Не говоря больше ни слова, я надел брюки. Мишель и Фарид смотрели на меня в ожидании продолжения, но распространяться мне не хотелось. Это моя жизнь, и я не понимал, каким образом все это может помочь нам выбраться отсюда.

Только я помылся – и на тебе, опять надо окунаться в пот прошедших дней. Снова влезать в одежду, пропитанную флюидами смерти. Как же мне осточертело жить, спать, барахтаться в позорном дерьме собственного поражения. А что мне оставалось делать? Как противостоять безжалостной судьбе? Здесь не повернешься на сто восемьдесят градусов и не уйдешь домой.

– Эти удары ледорубом связаны с женщиной? – вдруг спросил Мишель, тоже раздеваясь.

Я нахмурился, полагая, что тема моих шрамов уже закрыта:

– А почему вы спрашиваете?

Теперь Мишель стоял совершенно голый. Он был крепко сложен, мощные бицепсы и прекрасные плечи были явно накачаны в спортивном клубе. У него тоже имелось два-три небольших шрама на предплечьях. Волосы на груди отливали сединой. Сверху на правой лопатке виднелась сине-желтая (а может, бело-зеленая) татуировка: буква «С». Он энергично растирал себе плечи.

– Когда пьют, говорят о женщинах и все входят в штопор. За каждой ссорой стоит женщина.

– Это ведь все Макс? – сказал Фарид.

У меня волосы встали дыбом.

– А ты-то откуда взял это имя?

– Ты все время разговариваешь во сне... я ведь тебе говорил. Похоже, тебя мучат кошмары, парень. И твой отец, и Макс в этих кошмарах присутствуют. Можно подумать...

Скрестив на груди руки, Мишель начал отбивать ногами чечетку:

– Если вы не уйметесь, то я тут заледенею, а вы даже не заметите. Или вы хотите, чтобы я заболел? Нет? Тогда вылейте мне одну половину кастрюли в левую дырку маски, а вторую – в правую.

– Вы уверены?

– Делайте, что говорят. Все чешется и щиплет, у меня башка лопнет, если это продлится еще день.

– А если от этого испортится механизм... механизм бомбы?

– Тем лучше.

Я подошел к нему. Он задрал голову вверх, так чтобы дырки для глаз оказались в горизонтальной плоскости.

– А татуировка у вас на спине, большая буква «С», – это...

– Это Седрик. Как на серье. Ну, льете или нет? Рожайте уже!

Такой резкий ответ не располагал к диалогу, и я принялся, следуя указаниям, заливать воду в дырки. Мишель издал хриплый стон облегчения. Я взял сухое полотенце и стал растирать ему спину и бедра, а он просовывал уголки в отверстия в маске. Фарид ошеломленно наблюдал, как мы обхаживаем друг друга, словно две старые обезьяны. А за нами величаво возвышался ледник. В ситуации было что-то невероятное, и меня разобрал нервный смех.

– Интересно, с чего это ты так веселишься?

Я кивнул на тупую массу льда:

– Мишель, голый, в железной маске, на фоне великолепного ледяного водопада. Можно подумать, что мы туристы на острове Реюньон, только в кошмарной версии.

Мишель и не думал смеяться. Араб вытер прозрачную каплю с носа:

– Небось, на Реюньоне насморк не схватишь.

Мокрой половиной полотенца я замотал голову, рассчитывая, что сухой половиной будет вытираться Фарид.

– А это для тебя.

– Ну уж нет, спасибо. Завязывай со своим эскимосским душем, ладно? Я очень замерз. Хочешь, чтобы я окочурился?

– Надо задать жару твоему телу и смыть всю грязь. Показать телу, что оно живое. Давай, нечего!

Заставить его вылезти из спальника было все равно что отрезать от него кусок. Мне пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы убедить его встать. Он разделся, как при ускоренной съемке. Подземелье его почти съело. Когда я увидел его голышом и заметил, как он дрожит, прикрывая исхудалыми руками свое обрезанное мужское хозяйство, я сразу позабыл о Реюньоне и спросил себя, сколько же мы еще сможем продержаться.

Фарид поднял глаза к потолку и, стиснув кулаки возле шеи, плотно сжал чуть согнутые ноги:

– Давайте скорее, а не то я...

То, что произошло потом, длилось какую-то долю секунды. Когда я снимал с огня кастрюлю, Фарид с криком метнулся в сторону Мишеля. Его облезлый член шлепнул по бедрам, ослабевшие мускулы напряглись, лицо

мгновенно исказилось. Завитки волос взлетели в воздух, лоб покрылся морщинами, как треснувший гранит. Выставив вперед кулаки, он изо всех сил пихнул Мишеля в грудь. Колосс удивленно вскрикнул и, потеряв равновесие, рухнул на спину. Мне казалось, что я уловил каждую фазу падения. Пок, подняв морду и здоровое ухо, отскочил в сторону.

В этот момент у меня перед глазами пронесся сталактит. Он был толще и длиннее сложенного зонтика и разлетелся на сотни осколков. Кусочки льда хлестнули меня по щеке и обрушились на спину, икры и зад Фариды. Араб упал на Мишеля и взвыл от боли. Покхара рванул в темноту, поджав хвост и поскуливая.

И все. Больше ни звука.

Мы застыли в изумлении в тех позах, в каких нас застал неожиданный удар. Я глянул наверх. Можно подумать, сталактит специально подвесили возле входа в палатку, чтобы нас поубивать.

Фарид на четвереньках отполз в сторону, Мишель встал, держась руками за голову, и, шатаясь, подошел к тому месту, где стоял несколько секунд назад. Я слышал его тяжелое дыхание. Потом, не говоря ни слова, он вернулся к горелке, снял с нее кастрюлю и, выпрямившись, отступил немного назад.

– Давай... – хрипло сказал он, обращаясь к Фариду.

Парень подошел, все еще находясь под действием адреналина. Он даже дрожать перестал. Мишель взял его за талию, развернул к себе спиной и вылил воду ему на плечи. Потом принялся ладонью растирать ему спину, бедра и ноги. Держа на весу прикованную цепью ногу, Фарид покорно позволял себя мыть. Левой ногой он стоял на ледышке, которая начала подтаивать. Синие глаза не отрывались от окурка, в клочья разнесенного сталактитом. Сердце его билось так сильно, что дергалась кожа над третьим ребром. Когда Мишель по-отечески вытирал его полотенцем, мне показалось, что плотно сжатые губы Фариды сложились в улыбку.

Вдруг Мишель наклонился:

– А ты заметил, что стоишь на льду?

– А? Что? Ой, и правда. Вот черт!

Мишель стал растирать себе руки:

– И не чувствуешь холода?

Фарид помотал головой. Мы с Мишелем переглянулись и закусили губы. Колосс нагнулся:

– Похоже на начало обморожения. Те же признаки проявляются у свиных туш в холодильнике: сначала кожа трескается, потом расползается.

Пока я подходил к Фариду, он с недоверием разглядывал свою ступню.

В его глазах появилось беспокойство.

– Это ненормально, да? А что это значит?

Мишель присел на корточки:

– Это значит, что, если мы не найдем выхода в ближайшее время, ступню надо будет отрезать.

20

Жонатан Тувье: Вернемся к мотивации ваших экстремальных восхождений. Если мы вас правильно поняли, вы идете в горы для того, чтобы потом сполна насладиться возвращением?

Рейнгольд Месснер: В общих чертах – да. Однако поначалу это совсем другое. Ты идешь неуверенно, ощупью, всегда рискуя больше, чем обычно, пока не достигнешь крайнего предела, точки невозврата, границы возможного и невозможного. Если я сделаю еще шаг, я могу погибнуть; если я его не сделаю, я не достигну цели. И вот у этого предела приходят и отчаяние, и тоска, и страх: у меня не хватит сил на спуск, я упаду... Обычно эту тревожную тоску я испытываю, когда действительно нахожусь на грани своих возможностей, и понимаю, что могу не вернуться домой, что зашел слишком далеко и что между безопасностью и мною слишком много преград...

Из интервью одного из величайших альпинистов Рейнгольда Месснера, данного им Жонатану Тувье для журнала «Внешний мир»

Мне приходилось видеть отмороженные пальцы. Поначалу они похожи на вулканическую породу, а потом, и достаточно быстро, – на куски угля. Я поставил на огонь кастрюлю со льдом, который собрал с земли.

– Быстро накройся спальником и растирай ноги, – сказал я ему. – Их надо оживить. Когда ты перестал их растирать?

– Я... Ничего я не знаю, холера в бок! Ну почему? Почему это все на меня свалилось?

Фарид повиновался и оделся в мгновение ока, все время повторяя: «Что же со мной будет?» Наверное, нет ничего более страшного, чем видеть, как разрушается твое тело, как оно замерзает и уже как будто тебе не принадлежит. Пятью минутами позже парень опустил ступни в теплую воду, прямо в кастрюлю. Кожа, похожая на черствый хлеб, размякла, и тут пришла боль. Фарид закричал. Мишель снял свои теплые носки:

– Чтобы подпитать кожу и спасти ее от некроза, нужно масло. Растирай ноги непрерывно и надень мои носки вдобавок к своим. Это замедлит обморожение.

Мишель надел ботинки на босу ногу. Я схватил его за руку:

– Это необдуманый поступок. Ваши ботинки не подбиты мехом, и вы можете оказаться в положении Фариды.

– Знаю, в том-то и дело, что знаю. – И он посмотрел на меня тяжелым взглядом.

Ничего больше не говоря, он поднял шприц, лежавший у стенки палатки, вытащил иголку и отломил у нее пластиковый кончик. Потом принялся вытаскивать нейлоновую нить из края спальника. И вытащил около метра, чертыхаясь, когда мешал шов и нитка не давалась. Потом взял налобник, подключил его к синему баллончику и ушел куда-то за красную линию, ничего не сказав и даже не посмотрев в мою сторону. Фарид, морщась, нажимал на ступни, ставшие заметно мягче.

– Куда это он? Иголка, нитка... И потом... ты слышал его рычание? Прямо как дикий зверь.

– Это-то меня и пугает.

Фарид поднял глаза к потолку палатки, а я разминал ему ступню.

– И как это он свалился, тот сталактит? Упал прицельно на мой окурок. Думаешь, это все случайно? Или... или Оно нас наказывает? Я не хочу... чтобы мне отрезали ноги, ёшкин кот!

Я огляделся. Острый камешек, которым я делал зарубки, исчез, – видно, Мишель забрал его с собой. Я застегнул палатку: так я чувствовал себя увереннее. У меня за плечами пятьдесят лет жизни, и страшно мне гораздо больше, чем этому мальчишке.

– Надо было раньше сказать нам про ноги.

– А что бы это изменило? Не думаю, что Мишель отдал бы мне носки, если бы я не спас ему жизнь.

– Я бы мог отдать тебе свои. И мы бы постоянно растирали ноги и руки.

– Я привык выпутываться сам.

Я взял его руки в свои и принялся энергично массировать. Они были как засохшие губки. Словно уже начали отмирать, постепенно, шаг за шагом, как тлеет и совсем исчезает бумага.

– Выпутываться сам, говоришь? В молодости я был таким же ограниченным, недалеким одиночкой. Но в горах я понял, что существует нечто глубоко человеческое, и оно зовется взаимопомощью. Помогать, ничего не ожидая взамен... Мне ничего не надо взамен, Фарид. И если я сейчас растираю тебе руки, это значит, что я просто хочу тебе передать частицу того, что ничего не стоит. Частицу человеческого тепла.

Выражение его лица изменилось, и во взгляде появилось то, что я мог бы интерпретировать как проблеск нежности. И впервые за то время, что мы находились здесь, я подумал, что он ведь красивый парень. Наверное,

должен нравиться девушкам.

– Вот чудно́, – сказал он, – что люди раскрываются только под землей. И нигде люди так не делились теплом друг с другом, как в шахте. Дед мне без конца об этом твердил.

Наконец-то Фарид мне улыбнулся. У него были такие ямочки на щеках, и лицо засветилось потаенной детской красотой...

– Эй, ты чего на меня так уставился?

Я предпочел оставить его в покое и отошел погладить Пока.

Сквозь ткань палатки засветился голубоватый огонек горелки. Он пересек красную линию и начал приближаться. Послышалось пыхтение: это вернулся Мишель. Пок вскочил и стал царапать лапой стенку. Я расстегнул молнию, и он вылетел наружу. Я вышел вслед за ним. И тут пес бросился к ногам Мишеля и стал их обнюхивать. То, что я увидел, с трудом поддается описанию.

Это был ужас.

Фарид тоже подошел ко входу в палатку, и ни один звук не сорвался с его губ.

Мишель стоял и смотрел на нас. В одной руке он держал ботинки, в другой – апельсин. Его ноги укутывали большие беловатые носки, в которые были заправлены брюки. Таких носков мы никогда не видели.

Носков из человеческой кожи.

Иглой от шприца с нитью из спальника он сшил нижнюю часть из кожи на уровне ступней, а верхнюю скроил точно по размеру своих брюк. Кроил он явно наспех, с яростью, а потому края получились неровными, как зубья пилы. И пользовался при этом острым камешком, натягивая кожу, как натягивают упаковочную бумагу.

Мишель обошел нас, положил апельсин и вдруг застыл на месте, глядя на свою беспалую руку. В отключке он пробыл секунд двадцать, потом снова сдвинулся с места и полил себе на пальцы теплой водой.

– Это... оказалось не так сложно. Один надрез на локте, другой на предплечье, и снимаешь кожу вместе со слоем подкожного жира. Снимается легко, как перчатка.

Он говорил с естественностью ребенка, который впервые увидел труп на экране телевизора и продолжает жевать шоколадное печенье. Да он хоть отдавал себе отчет, что превратился в мерзкого стервятника, пожирателя человеческой плоти?

– Смотрите, изгиб локтя превосходно облегает пятку. Просто волшебно. Вы даже представить себе не можете, как это мягко и удобно. Такие носки делали себе гаучо из шкурок жеребят.

Когда он шел, получался какой-то странный, сосущий звук. Я взглянул на Фариду: он, похоже, был на грани обморока. А Мишель все говорил и говорил в гордом возбуждении:

– Ну и что? Это выживание, парни. Ничего ужасного, ведь надо же приспособливаться, верно, Жонатан? Выбора нет. Как, Фарид, с ногами получше? Завтра я добуду немножко жира. Его надо разогреть в воде, а потом смазать ступни. Он увлажнит и подкормит большую кожу. И все у тебя, без сомнения, наладится.

Я смотрел на Мишеля, такого уверенного в себе, такого безмятежного, и думал, до чего же мы все дойдем. Он ласково провел рукой сверху вниз по своим жутким носкам. Да он сумасшедший, теперь я в этом убедился. И в то же время он единственный, кто может разобрать завал, ключами от нашей свободы владеет только он. Только в нем движущая сила нашего выживания, на него все наши надежды. Стиснув зубы, я снял свои носки и бросил ему в лицо:

– Вот, возьмите мои, но немедленно снимите это... Я вас умоляю.

Похоже, с минуту он взвешивал все за и против. Потом уставился на меня своим жутким свинцовым взглядом:

– Точно?

– Точно.

– Ладно, договорились. Но назад не просите.

Он протянул свою красную ручищу, но я ее не пожал. Тогда он с сухим смешком взял причитающееся ему, прихватил горелку и, насвистывая, снова ушел к расселине. Фарид проводил его глазами и вошел в палатку, не произнеся ни слова. Щеки у него запали, взгляд потух. Забираясь босыми ногами в спальник, я услышал, как он что-то бормочет по-арабски.

Наверное, молитву...

21

Конец надежды есть начало смерти.

Шарль де Голль

Спустя некоторое время Мишель снова появился, с початой бутылкой водки и апельсином. Слава богу, он снял с себя кожаные лохмотья и надел носки и ботинки. Бутылку и апельсин вместе с принесенной тарелкой он разместил на полу, потом вынес наружу горелку и поставил на огонь кастрюлю с осколками упавшего сталактита. Самый маленький из осколков он раздавил ногой:

– Надо же, эта штука могла и меня вот так... И это в день моего сорокасемилетия.

Мы с Фаридом переглянулись, и Мишель это заметил.

– Да, парни. Когда я колол лед, уж не знаю, было это утро или не утро, но знаю, что это был мой день рождения. Три зарубки на синем коремате... Сорок семь весен. Я... не хотел вам ничего говорить, я не из тех, кто любит вызывать к себе жалость или сочувствие. Но после того, что произошло... Наверное, это надо отметить, пока нам небо не свалилось на голову. Быть раздавленным сталактитом в пещере – все же более славный конец.

Он повернул голову в мою сторону, держа в руке нетронутый апельсин:

– Я тяжело работаю ради вас. Галерея – единственный луч надежды, который заставляет нас держаться и еще на какое-то время дает нам волю к жизни. Силы мои на исходе, но я принес вам этот апельсин. Я не пытаюсь вам навредить и тем более не пытаюсь завоевать вашу дружбу. Но... после того, что с нами случилось... У меня такое впечатление, что порой я перестаю себя контролировать...

...

Его била нервная дрожь, и он отчаянно скреб себе шею. Я посмотрел на него с некоторой ностальгией и сказал:

– Сорок семь лет... Когда мне исполнилось сорок семь, я ел омаров и креветок в ресторане «Дух времени» в Аннеси.

– Омары... креветки... свинство с твоей стороны об этом говорить.

Мишель разложил на тарелке дольки апельсина в две кучки:

– Четырнадцать. Это вам. По семь на брата. Угощайтесь.

Фарид сразу оценил его поступок и схватил свою долю. Кусочки апельсина он со вздохом бережно выстроил в ряд на ладони.

– Наверху делают денежные ставки, чтобы получить больше. А тут... ну какие тут деньги? Эти дольки ценнее любых алмазов. Я бы отдал год жизни, чтобы у меня было еще десять долек.

Стиснув зубы, он положил две дольки на тарелку и подвинул ее Мишелью. Человек в маске поблагодарил кивком.

– Тебя никто не заставляет.

– Да неохота забирать мои алмазы назад.

Пок насторожился и принялся царапать мне лапой ногу. Я сгреб свои семь долек, с наслаждением втянул в себя их запах и сбросил четыре на коремат. Одно движение мокрого языка – и они исчезли. Оставшиеся три я положил перед собой.

– Давайте чокнемся. С днем рождения.

– С днем рождения, – мрачно буркнул Фарид.

Мишель медленно покачал головой:

– Там, наверху, я помянул бы Седрика, моего сына. Я его поминаю каждый свой день рождения. Мы с женой идем к нему на могилу и зажигаем свечи.

Никто не отозвался. А что тут скажешь? Что есть места получше, чтобы отпраздновать день рождения? Что наверху люди в такой день танцуют и пьют шампанское, а мы тут, скорчившись и промерзнув до костей, ковыряемся в трупе? Мишель осторожно отправил в рот обе свои дольки, посмаковав каждый глоток. Потом скользнул между мной и Фаридом и появился с фотоаппаратом в руках. Нацелив объектив на всех троих, он вытянул руку с камерой.

– Нет! – крикнул я, потянувшись рукой к аппарату.

Прошла какая-то доля секунды – и сверкнула вспышка, ослепив нас. Из аппарата выполз маленький язычок глянцевой бумаги.

– Зачем вы потратили снимок?

– Ничего я не потратил. Это мой день рождения или нет?

Фигуры постепенно проступали, и стало видно мою протянутую руку, которая загоразживала часть лица. Мы все внимательно разглядывали фото. Ни одной улыбки, лица у всех расстроены, у меня открыт рот. Странно, но было невозможно понять, для чего вообще сделан этот снимок, в каком контексте. Вверху Фарид, отправляющий в рот дольку апельсина. Глядя на себя, Мишель принялся ощупывать маску, словно хотел запомнить все ее выступы и выемки. Он впервые видел себя в маске, и я хорошо представлял себе то чувство беспомощности, которое он должен был

испытывать.

Вооружившись своей иголкой и ниткой, Мишель проткнул фотографию и повесил ее на поперечину палатки. Туда же он поместил фото Фариды и тот снимок, где он под руку с женой.

– Пусть дежурит возле меня.

Я попросил его повесить туда же и фотографию Клэр. Снимки покачивались над нашими головами, как ловушки для снов. Мишель поставил перед собой стакан, налил туда водки и подвинул стакан ко мне. Я колебался и был уже готов отказаться. Я прекрасно знал, какую опасность таит в себе алкоголь и для мозга, и для физического состояния тела.

– Да пейте. Отбросьте в сторону все дурные воспоминания и давайте отстранимся хоть на несколько часов от этого треклятого подземелья. Сегодня мой день рождения, выпейте за меня. Чтобы не бросать меня наедине с трупом в пещере. Сорок семь лет...

Он был прав. Что толку в непрерывном страдании? И я, человек осторожный, плюнул на все ограничения и весь отдался грандиозному пиршеству. Я слопал оставшиеся две дольки до последнего зернышка, облизал пальцы и запил четыремя добрыми глотками алкоголя. И вместе с Фаридом выкурил размякшую сигарету в нашем импровизированном «ресторане». К черту все ограничения и барьеры, у нас день рождения. Это было так здорово. Когда же я в последний раз пил хоть каплю вина? Когда я думал о чем-то другом, кроме Франсуазы и ее лейкемии? Кроме счетов, которые надо было оплачивать, и ее таблеток, которые я тоже пил, когда становилось невмоготу?

Мишель отхлебнул прямо из горлышка и протянул бутылку Фариду:

– Пей. Тебе тоже сразу станет лучше.

Фарид встал и подошел к горелке:

– Нет, никакого алкоголя. Только чай. Чай с апельсиновой корочкой. Это была хорошая идея насчет корочки.

– Забудь ты свою религию. Здесь она ни к чему.

– Именно здесь она мне больше всего и помогает.

Наступило молчание. Мишель взболтал водку и нарушил inferнальное беззвучие:

– Как вы думаете, если однажды нам доведется рассказать эту историю внукам, они поверят?

Я поднимаю глаза к фотографии Клэр. Она медленно вращается. Потом смотрю на только что сделанный Мишелю снимок:

– Разумеется, нет. Все настолько неправдоподобно. Настолько...

безумно... Потому-то и существует эта наша фотография. Она – доказательство наших мучений. Короче, эта фотография – наша драгоценность. Мы заберем ее наверх вместе с Желанным Гостем.

Мишель стукнул кулаком по своей железной маске и расхохотался:

– Безумие не отозвалось бы так гулко. Запомните хорошенько этот металлический звон. Пока он будет раздаваться у вас в голове, считайте его доказательством того, что вы не безумны. Мы все трое действительно существовали здесь, в подземелье. И мы должны об этом рассказать. Чтобы никто не заб...

Фразу он не закончил. Пламя горелки уменьшилось и погасло. Мишель выскочил наружу:

– Нет-нет, ничего страшного. Две минуты, всего две минуты, ладно?

Он бегом умчался, надев налобник, и сразу вернулся. В мгновение ока отцепив от горелки использованный баллон, он прикрепил новый:

– Вот, ну вот... Хоп, никто ничего не увидел. Все в порядке, верно? Там еще два баллона, мы спасены. Целых два, представляете? Это очень много, два баллона. Давайте еще по глоточку!

Он рассмеялся, единственный из всех, сиплым, болезненным смехом. Горелку он не зажег, а оставил только синеватый огонек налобника. Мы переглянулись, без слов понимая друг друга. Что же будет, когда закончится газ? Когда этот маленький кружок света, что нас поит, освещает, согревает и моет, и вправду исчезнет насовсем?

Еще один стакан водки одним махом проскочил мне в горло и обжег гортань. Мне хотелось, чтобы он вырвал мне все внутренности и унес меня далеко-далеко от «Истины», хотелось выбраться из этой дыры и ни о чем больше не думать. Фарид осторожно вынул у меня из рук пустой стакан, налил туда воды, поскоблил немного цедры, как я всегда делал, и отпил большой глоток. Из носа у него капало, и он его постоянно тер.

Ну вот я «поплыл», и ад чуть-чуть смягчился. Я закурил и улегся, глядя на Фариду. И тут неожиданно, как-то не ко времени, прозвучал голос Мишеля:

– Если кому-то есть что сказать или кто-нибудь хочет сделать признание, то, я думаю, сейчас самый момент.

Ну прямо оракул. Я приподнялся на локтях. Разум мой блуждал. В животе происходило что-то странное. Трое суток ни крошки в желудке... Три года практически без выпивки. Наверное, алкоголь попал прямиком в мозг, минуя кишки.

– Мне нечего добавить к тому, что я сказал вчера, и завтра тоже будет добавить нечего.

– А ты, Жонатан?

Я попытался что-нибудь придумать, но ничего не получалось. Мне было хорошо.

– Нет, и мне нечего сказать. Можно было бы, конечно, начать рассказы о жизни, но...

– А ты расскажи об ударах ледорубом. Тот, что их нанес, этот самый Макс, может, он сыграл какую-то роль в нашей истории?

– Макс умер. Он...

Все мерзости прошлого всколыхнулись в моей голове, как снег, взвихренный бурей. Все кошмары, все пробуждения среди ночи. Рассказать о них кому-то еще, кроме моей Франсуазы, было бы, может, и неплохо. Мишель протянул мне свой стакан, и я отпил еще глоток.

– Макс Бек погиб возле бивака на Сиула-Гранде, в Андах, в тысяча девятьсот девяносто первом году. Мне был тридцать один год. Сиула-Гранде – это... это настоящий вертикальный ад, из-за ледовых желобов... Ну, это такие намороженные из льда и снега образования, которые попадают только в перуанских горах.

В глазах защипало, и я прикрыл их согнутой рукой. Я был там, на склонах, я устал и измотался. Снег выдубил мне лицо, ультрафиолет жег кожу. Все тело превратилось в ожог и боль.

– Даже при наклоне семьдесят-восемьдесят градусов этот сатанинский снег держит, и держит хорошо. И на нем образуются карнизы. Как грибы на гигантских деревьях. Мы с Максом лезли два дня в направлении южного гребня. Перед восхождением мы буквально набили себе животы едой. И перцами чили, каких я никогда не пробовал, и кашей, и перуанским сыром из козьего молока. Если бы вы только могли попробовать это козь...

Я услышал, как заклокотало в горле у моих соседей, как слюна омыла распухшие от голода языки.

– Словом, мы смеялись, травили байки и были убеждены, что восхождение предстоит трудное, но вполне осуществимое. Мы и не такое видали. Килиманджаро три года назад, стенки Бридал-Вейл в прошлом году, попытка взойти на Чо-Ойю как раз год назад.

Я сглотнул слюну.

– На Сиуле нас накрыла непогода, и мы вынуждены были разбить бивак на одном из таких чертовых карнизов. Выбора не было. Если бы мы продолжили восхождение, то замерзли бы на месте. Видимость была меньше метра.

Слова застряли у меня в горле. Я так ясно все вспомнил... Наши заиндевевшие очки, бороды в сосульках и этот ветер... Его там называют

«Божья метла». Макс не любил эту гору из-за постоянной смены погоды, но хотел ее «сделать» вместе со мной в качестве реванша за неудачу на Чо-Ойю.

– На следующее утро, когда выглянуло солнце, Макс вылез из палатки и принялся раскапывать снег, засыпавший вход. Снега навалило много, и Макс запыхался. Мы были оптимистами и считали, что взойдем за одно утро. И как раз в этот момент та часть карниза, на которой стоял Макс, исчезла у него из-под ног. Веревкой мы не связались. Я... я видел, как он пролетел расстояние примерно с тридцатиэтажный дом, ударился о скалу и исчез в глубине пятикилометровой расщелины.

Я умолк. Я помнил каждую складку его красно-желтого комбинезона. Я, как сейчас, видел его глаза, почерневшие от напряжения и удивленно выкаченные из орбит, видел, как его рука хватает пустоту, а потрескавшиеся губы раскрылись в крике.

Я обхватил голову руками. В последний раз я рассказывал эту историю очень давно... В посольстве в Лиме... Потом, уже на французской земле, спонсорам, спортивной прессе, само собой, журналу «Внешний мир»... И конечно, Франсуазе. Я помнил, как потрясенный мир скалолазов погрузился в молчание, помнил чувство растерянности и невосполнимой утраты. Макс был известным альпинистом и обладал атлетическим сложением и буйным характером. Внешне он был как величественная скала. Но что за этим скрывалось... Перед каждым восхождением он развлекался с проститутками. Да к тому же бил свою жену.

А она оставалась с ним, черт побери. Она его любила, несмотря ни на что, как шерпа любит свои горы.

Мишель вздохнул:

– Бывают же в жизни ужасные вещи. Видеть, как кто-то гибнет у тебя на глазах и не иметь возможности что-то сделать. И выжить... Так сказать, спастись...

Я улегся, Пок прижался ко мне. Голова кружилась все сильнее и сильнее.

– Это... это все равно что ваши отрубленные пальцы... Несчастный случай – часть профессии. Горы прекрасны, но они убивают людей. Это первый урок, который усваиваешь, идя на восхождение.

Мишель поднял к маске изуродованную руку:

– Профессиональные риски. Да...

Он снова надолго застыл в неподвижности. Потом резко повернулся к нам и поставил бутылку в угол:

– Ну что, гасим свет – и спать?

Фарид, съежившись на коремате и глядя в одну точку на стенке палатки, вдруг зашелся в приступе кашля. И в кашле появилось какое-то хриплое бульканье, похожее на звук, который возникает, когда с доньшка тянешь молочный коктейль через соломинку.

– Не гаси горелку, Мишель. Не гаси... Убавь до минимума, но не гаси...

Я молча кивнул Мишелю в знак согласия. Баллончик с ацетиленом был солидного размера и, похоже, полный. Мишель поставил подачу газа на минимум. По палатке заплясали тени, и внутрь пробрался сумрак. Я чувствовал, как он касается моего лица. Это Тьма воспользовалась случаем и скользнула под тент. Справа от себя я вдруг ощутил какие-то слабые вздрагивания... Чьи-то ноздри судорожно втягивали воздух. Фарид плакал, но изо всех сил старался, чтобы никто не заметил. Я повернулся на бок и залез к нему в мешок. Он еле слышно прошептал:

– Ты чего?

– Вспомни. Человеческое тепло еще никого не обжигало. Мешков два, а нас трое.

Наши тела соприкоснулись, я обхватил руками его хрипящую грудь, пустив цепь вдоль правого бока, и крепко прижал его к себе. И сразу почувствовал, как стало теплее.

– Ну, вот так... вот так, ладно?

Я похлопал ладонью по коремату, и сзади к моей спине привалился Пок. Повернув голову в сторону Мишеля, я его не увидел: с поперечной перекладины прямо до моего лба свисала одежда.

– Теперь можно погасить.

Голова кружилась. В темноте я еще сильнее прижался к Фариду. Несмотря на то что мы были одеты, наши тела согревали друг друга, соединившись, чтобы противостоять кошмару. Я подсунул под его ступни свои и уткнулся ему в спину лбом, вдыхая его запах.

– Эй, ты что творишь, черт возьми!

Он пихнул меня локтем, и я вздрогнул. Отвернувшись, я со стыдом зажал руками то место на брюках, что приходилось на промежность.

22

В конечном итоге, несмотря на все бесчисленные препятствия, я собираюсь осуществить величайшую мечту всех альпинистов: взойти на «крышу мира». Однако, только оказавшись наверху, понимаешь реальный размер труда, что тебе еще предстоит, я имею в виду спуск. Сама по себе вершина – это только половина пути. Для многих покорить Эверест означает водрузить флажок на самой высокой точке планеты. Но это не так. Покорить Эверест означает вернуться оттуда живым.

Жонатан Тувье. Журнал «Внешний мир», № 121, сентябрь 1986

Определенно, наступило утро.

Я закинул руку назад, чтобы вытянуть затекшее тело, и опрокинул стакан с Желанным Гостем. Паук не отреагировал. Я наклонился и осторожно потрогал его пальцем. Он съежился в маленький черный комочек. Умер. Может, от голода. А может, его отравил кусочек апельсиновой корки. Я положил его на ладонь, слегка размахнулся и забросил паука к стенке палатки.

Почему он покинул меня так быстро?

Совершив это неприятное открытие, я вдруг заметил, что рядом со мной пусто. Не хватало еще одного существа.

Я сразу проснулся и сел.

– Пок! Пок!

У входа в палатку неподвижно стоял Мишель. Ноги раздвинуты, руки висят вдоль бедер.

– В том-то вся и проблема. Пок...

Он протянул «о», а на звуке «к» язык его прищелкнул по небу.

Я вскочил:

– Что? Что?!

– Случилось то, что должно было случиться. Твой пес оккупировал пещеру, где находятся запасы газа. Я пытался подойти, но он чуть не отгрыз мне руку. И знаешь что?

Я боялся услышать ответ, который через несколько секунд слетел с его закованных в железо губ.

– Он устроил себе пиршество, какого, несомненно, уже никогда больше

не будет в его заурядной собачьей жизни.

Я оделся на четвертой скорости, надел ботинки и помчался к красной линии. Цепь тянула меня назад за правую руку, а все тело рвалось вперед. Я метался по доступной мне территории и непрерывно кричал:

– Пок! Пок! Ко мне! Иди сюда!

Мишель предусмотрительно положил каску с налобным фонарем и баллон у входа в пещеру, за изгибом скалы. То, что мы увидели на внутренней стене пещеры, нас напугало. Там двигалась огромная вытянутая тень, похожая на наскальные рисунки доисторических людей. Перспектива, положение источника света и расстояние позволяли видеть четыре длинные лапы и на них круглое, покрытое шерстью тело, похожее на гигантского паука из фильма ужасов. Мой пес склонился над какой-то массой, возможно над трупом. Тень выгнула лапы, вцепилась в верхнюю часть трупа и резко дернулась назад.

– Похоже, ему нелегко, – прошептал подошедший к нам Фарид. – Смотрите, как тащит... Как думаешь, что он отгрызет раньше: ноги? живот?

Губы меня не слушались. Ответ пришел из уст Мишеля:

– Прежде всего, я думаю, что он постарается оттащить тело в другое место. Подальше от света, вглубь своей новой территории. Там, где я положил фонарь, он оставил обильные метки мочой. Теперь пещера принадлежит ему. И он ее не уступит ни за что.

Над скалой раскатилось отдаленное рычание Пока. Он был в ярости, – видимо, мертвец доставлял ему немало хлопот. Горелка возле наших ног была поставлена на минимум и еле-еле нас освещала. Я постарался обрести голос и проследить, чтобы он звучал уверенно:

– Он быстро вернется.

Мишель очень нервничал. Скрестив руки и опустив голову, он непрерывно вышагивал взад-вперед. Я знал, о чем он думает, и видел, куда он смотрит: на револьвер, лежавший между пещерой и красной линией. Я загородил ему дорогу:

– Он вернется, нет никаких оснований беспокоиться. А когда он снова будет с нами, я его привяжу к себе цепью, и он никому больше не будет надоедать.

Я лихорадочно соображал, что делать. Времени было в обрез, дело шло к развязке, о которой я боялся даже подумать.

– Вы уверены, что не сможете забрать баллоны с газом?

– Конечно. Они в глубине галереи, за трупом. И потом, я не смогу больше копать. Это стало опасным.

Я наклонился и встряхнул маленький газовый баллончик,

прикрепленный к горелке:

– Он наполовину полон. Мы...

– А я бы сказал, что он наполовину пуст.

– Ничего страшного, подождем. Я подсчитал, можно вскипятить еще десять кастрюль для питья и накрошить туда цедру, а для экономии не будем пока мыться.

– Пока – это сколько дней? И ты думаешь, мы продержимся без еды еще несколько дней? Уже пять проклятущих черных ночей, как у нас в брюхе пусто!

Мишель подошел к Фариду и положил ему руку на плечо:

– Решение очень простое. Спроси у Фариды.

Фарид старался не смотреть мне в глаза.

– И правда, очень простое, – сказал он. – И оно позволит нам справиться сразу с несколькими проблемами. Газ... разборка завала... Питание...

– И еще холод, – добавил Мишель. – Лично я думаю о руках и ногах Фариды. Если сейчас ничего не сделать, то будет очень плохо. И у тебя ноги без носков. А теперь представь себе теплые меховые рукавицы и носки, их вполне можно скроить и...

Я бросился на него и вцепился в его пуховик:

– Ты с самого начала думал только о себе! Ты не тронешь мою собаку!

Мы сцепились. Мишель с силой оттолкнул меня и поправил рукава.

– Предлагаю проголосовать. У нас ведь демократия, даже в подземелье, правда? Нас трое, подсчет голосов будет простым. Никаких отступлений от правил. Кто за то, чтобы прикончить собаку?

У него не выйдет отобрать у меня Пока, моего всегдашнего товарища. Когда-то я боролся за его жизнь вопреки всему. В последнем проблеске надежды я бросился к Фариду и принялся его умолять на коленях. Никогда бы не подумал, что способен на такое. Я был в Гималаях, на Килиманджаро, я видел мир сверху, мне все было нипочем... И я стоял на коленях перед двадцатилетним мальчишкой, которого почти не знал.

– Не надо, пожалуйста. Ведь ты же знаешь нашу историю. Ты знаешь, как много он для меня значит. Я должен вернуть его дочери. Умоляю тебя. Давай подождем хотя бы, пока не кончится баллон с газом.

Фарид отступил на два шага, мотая головой. Я ослаб и выпустил его руки из своих, покорившись неизбежному. Он зашелся нутряным кашлем, глаза его лихорадочно заблестели, и он выпалил:

– Ты, педик, ты вчера дрочил об мою спину. Я голосую за.

23

Некоторые последователи Фрейда хотят видеть в терпении и выдержке альпиниста конфликт между неосознанным стремлением к смерти и сексуальными устремлениями. Для них ежедневные тренировки и десятикратные подтягивания на пальцах – всего лишь «временная невротическая защита от неудовлетворенного эдипова комплекса». Чихал я на невроты и на Фрейда. Я предпочитаю видеть в альпинисте современного искателя приключений, с его достоинствами и недостатками, с его неприятием принуждения, с его поисками абсолюта, сдержанностью в чувствах и физической энергией. Это мужик, которому в конечном итоге ничего не нужно, только быть мужиком.

Из личных записок Жонатана Тувье

Больше не раздумывая, я снова бросился к Мишелю и схватил его за полу пуховика.

– Отстань!

Он вlepил мне удар рукояткой пистолета, и я рухнул, схватившись за голову.

– Да не бесись ты так, приятель... Я тоже не с легким сердцем на это иду.

И тогда, стоя на четвереньках, я заорал что есть силы. Голос у меня сорвался, связки горели огнем, кожа под браслетом цепи стала красной. Я умолял Пока, я заклинал его вернуться. Без всякого стеснения или стыда Мишель спросил у Фарида, как правильно целиться, и тот ему объяснил. Того, что произошло дальше, я предвидеть не мог. Я испепелил Фарида взглядом и, вконец обессилив, сел, наблюдая за тенями в пещере.

Массивный приземистый силуэт Мишеля постепенно размывался по мере того, как он уходил к пещере. Со сложенными руками и длинными ногами он напоминал богомола. Мне хотелось бы отвести глаза, но я так и застыл не шевелясь. Я буду со своим псом до конца, я буду присутствовать при кошмаре его казни.

В следующие мгновения я увидел, как две тени сошлись и слились. И тут пещеру сотряс выстрел. Сгусток звука хлестнул по ушам и разлетелся, ударившись о стенку ледника. Звуковая волна прошла сквозь подземелье в

долю секунды. Эхо обрушилось со всех сторон, сверху на нас посыпались сталактиты. Фарид с криком убежал в палатку, а я, сложив крестом руки на груди, вытянулся на земле и закрыл глаза.

Осколки льда и известняка хлестали меня по щекам. Я надеялся, что какая-нибудь глыба сейчас раздавит мое сердце. Но этого не случилось.

После выстрела раздался крик Мишеля. Подхватив с земли баллон с ацетиленом, он бежал к нам. Каска болталась сзади, вися на шланге, крутясь и подскакивая. Свет погас. Но мне показалось, что я коротко успел разглядеть силуэт Пока у входа в пещеру. В голове пронеслось: «Пок еще жив!»

Мишель промчался мимо меня, даже не повернувшись, и в ужасе устремился к палатке. Я подобрал горелку, баллон с газом и побежал за ним. Сталактиты всех размеров все еще разбивались то здесь, то там. И тут прямо передо мной человек в железной маске тяжело упал, придавив баллон. Тот сплющился, жидкий газ зашипел. Мишель поднялся и, с пустыми руками, шатаясь и задыхаясь, нырнул в палатку, куда не долетали куски льда. Он стащил с себя наполовину изодранную перчатку. Между указательным и большим пальцем зиял глубокий порез, с руки текла кровь. Мишель застонал, быстро схватил пригоршню льда, нападавшего у входа, бросил его в кастрюлю и засунул туда руку.

– Я думаю... я его... ранил.

– Куда ранил? – спросил Фарид.

В глубине души меня раздирали противоречивые чувства: Пок жив... Пока подстрелили... Пок ранен...

– Не знаю. Наверное, в лапу, но точно сказать не могу. В тот момент, когда я собирался выстрелить, он на меня прыгнул. Я таких прыжков не видал...

Он рыкнул на Фариду:

– Задрай вход!

Фарид послушался и уселся посредине палатки, рассерженный:

– Да не так уж трудно было его прикончить!

– Я никогда не держал в руках оружие, это ты понимаешь или нет? И попробуй выстрелить, когда у тебя пальцев не хватает!

Он швырнул пистолет:

– На, забери свою пушку!

Потом обернулся ко мне:

– У твоего пса вся морда была в крови, и в нем не осталось ничего от собаки. Он лакомился нашим покойником.

Мишель быстро вытащил руку из кастрюли со льдом и обмотал

полотенцем. Полотенце сразу окрасилось красным.

– Рана глубокая, надо зашивать. Для этого все есть. Игла от шприца, бутылка водки и... у меня там, в кармане, нейлоновые нитки. Фарид, отдай все это Жонатану, пусть он займется.

Я заколебался. Он это заметил и смерил меня долгим взглядом:

– Не хочешь зашивать, Жонатан?

Фарид разложил все передо мной, но я не отреагировал, а встал и уселся в углу палатки. Мишель, не шевелясь, пристально на меня смотрел:

– Нехорошо, Жонатан. И за это придется платить.

Он кивнул в сторону Фариды:

– Шей ты. И поскорее.

Фарид не возражал и взялся за «хирургический инструмент». У иглы не было ушка, и он минут пять провозился, чтобы заправить нитку в канал, предназначенный для инъекций жидкости. Мишель сначала залил алкоголь себе в горло, а затем плеснул на ладонь. Потом с рычанием плотно сдвинул края раны, как две губы. Укус был что надо, Пок цапнул от души.

– Давай! – приказал он Фариду. – Крои, не размышляй.

Стиснув зубы, Фарид старался изо всех сил. При виде ладони Мишеля и кустарного шва, который клал араб, я словно перенесся на несколько лет назад, в тот день, когда Пок покусал меня в блокгаузе. Когда игла вошла в ладонь в первый раз, тело Мишеля выгнулось дугой, следующие проколы он уже перенес легче. Ну и крепкий же он парень...

Дело было сделано. Четыре почти параллельных стежка... Фарид отлично справился. Мишель вытерся полотенцем. Шов вышел не очень ровный и эстетичный, но рука больше не кровила. Араб еще раз промыл рану водкой и закашлялся. Он был горд своей работой.

– Ну а теперь что делать?

Пока Мишель разглядывал свою ладонь, я взял баллон с ацетиленом, лежавший возле палатки, и занес его внутрь, чтобы посмотреть, насколько он поврежден. Наконечник, кремьень, рефлексор, шланг – все вроде бы было цело, за исключением гайки при выходном отверстии для газа. Она треснула и сместилась от удара. Я ее поставил на место и как следует закрутил. Еще чуть-чуть, и...

Я повернул колесико, пламя вспыхнуло, и мне стало спокойнее. Забрав с собой лампу, я отошел от палатки. Возле красной линии я снова позвал Пока. Никакого ответа... Потом из пещеры донеслось рычание, в котором слышались резкие взвизги.

– Пок? Ко мне, Пок, иди сюда!

Лампа мигала, еле освещающая стены галереи. Вдруг я зажмурился. Пок

стоял у входа в пещеру, вся морда у него была в крови. Прихрамывая, он отступил назад. Рычание не прекращалось ни на минуту. Он злился и бегал взад-вперед, не сводя с меня глаз. Я похлопал руками по бедрам. И тут мой пес завыл, и из его раскрытой пасти вырвался пар. Это было жуткое зрелище: волк, воющий под ледяными сталактитами.

Мгновение спустя, он скрылся в темном зеве пещеры, а в ответ на его вой запела расселина. Я зажал уши ладонями.

Все было кончено. Пок перестал быть Поком, он снова стал тем существом, с которым я сражался в Лотарингии.

Чудовищем, способным напасть и убить.

Вот теперь я бы предпочел, чтобы он был мертв. Чтобы Мишель не промазал. В палатку я отступал, опустив руки, все еще надеясь, что вот сейчас Пок снова потрется об мои ноги и уткнется носом мне в ладонь. Войдя, я на всякий случай застегнул за собой молнию и с упреком посмотрел на Мишеля:

– Ты сделал только хуже. У нас больше нет пуль, мы не можем добраться до газа, и мой пес уже не мой пес. Что ты теперь предлагаешь, чтобы мы увязли еще больше?

Он поднял свою утыканную болтами голову:

– Убить его голыми руками.

Этот тип не отступит, он пойдет до конца в своих бредовых идеях. Я уже не знал, что и думать, я растерялся и плохо соображал. Фарид склонился над ящиком, притворяясь, что он что-то делает и кому-то нужен. Для чего нужен? Тысяча сто двадцать два, тысяча сто двадцать три, тысяча сто двадцать четыре...

– Убить его голыми руками? А ты не объяснишь, как его выманить из такой роскошной норы?

Мишель взял острый камень, сдвинул в сторону спальник и принялся чертить на коремате: с одной стороны пещера, посередине палатка, с другой стороны ледник.

– Еды у него хватает, а вот воды нет. Сейчас он устроил себе оргию, но очень быстро поймет, что после сытной еды, полной натуральных солей, хочется пить. Без еды продержаться можно, без воды – нет.

Фарид пожал плечами:

– Да ведь ты столько льда туда натаскал.

– Он ничего не сможет с ним сделать. Можно погибать от жажды на снежной равнине. Если не сможешь растопить снег, все равно умрешь. Это проще простого.

Здоровой рукой Мишель начертил крест между левой стеной и

передней стенкой палатки:

– Вот тут, где падали сталактиты, есть небольшое углубление. В нем можно устроить лужу. Объясняю план. Надо натопить три-четыре кастрюли воды, ровно столько, чтобы образовалась жидкая поверхность, и поставить рядом фонарь, чтобы пес из своей галереи видел отсвет. А мы спрячемся в палатке и будем ждать, когда он придет пить. И тогда, в темноте, мы набросимся на него и убьем.

Это подло. Я представил себе отощавших, голодных львов, которые прячутся в саванне возле лужиц с водой, подкарауливая пришедших на водопой антилоп. Фарид нервно натянул рукавицы.

– Ну, представим себе, что все получилось. Как ты его убьешь? Пес ранен, а весит почти как я. Ты видел, какие у него клыки?

Мишель тряхнул перед ним моей цепью:

– А вот этим. Я ранен, поэтому выйду перед ним и отвлеку его внимание. А вы зайдете с боков или сзади. Один из вас будет его душить, а второй бить цепью повсюду, куда попадет. Если навалиться на него втроем, мы справимся без большого ущерба для себя. Ну, в худшем случае несколько укусов... Но я, как видишь, от этого не умер.

Я встал. Глаза застилала слезы. Не знаю, что на меня нашло, но мне никогда не было так страшно, как сегодня. Неужели я вот так исчезну и от меня останется только дата на мраморной плите? Этот ужас небытия стал осязаемым. Меня затошнило. Мы с Франсуазой даже никогда не рассматривали эту ситуацию с такой точки зрения. То есть что я уйду раньше ее. Даже представить себе было невозможно надпись на нашей могиле: «Жонатан Тувье, 1960–2010; Франсуаза Тувье, 1963–». Мой мозг слишком привык к обратному порядку. Мне хотелось завывать. Если я сейчас не заставлю себя действовать, жить любой ценой, то, наверное, засну и уже никогда не проснусь.

Сдержав вздох, я поднялся и бросил:

– Ладно. Сделаем, как сказал Мишель. Надо приготовить приманку.

Потом посмотрел Фариду прямо в глаза:

– А к Поку я выйду сам. И сам его убью.

...Не знаю, Франсуаза, говорил ли я тебе когда-нибудь о Гёране Кроппе. 16 октября 1995 года он выехал из Стокгольма на велосипеде, который был специально оборудован, чтобы везти 140 килограммов снаряжения. Из Швеции он направлялся в Катманду. Это тридцать тысяч километров каторжной работы педалями. Плюс ко всему в Румынии его ограбили, в Пакистане на него напали, а в Иране он получил по голове бейсбольной битой. Слава богу, что на нем была каска. В начале апреля он, целый и невредимый, приехал к подножию Эвереста. После километров и километров акклиматизационных подъемов он первого мая вышел из базового лагеря к вершине без кислорода. И вот, когда он уже достиг высоты 8748 и до «крыши мира» оставалась всего сотня метров, он вдруг решил повернуть назад.

Если бы предельно измотанный Кропп все-таки взойшел на вершину, он, наверное, умер бы на спуске. Так часто бывает: когда жизнь тоненькой струйкой вытекает из запекшихся губ, мы понимаем, как она драгоценна. Большинство людей, испытавших это состояние, ценят жизнь гораздо больше, чем смерть в ореоле славы. Кропп горам не изменил, он просто поступил так, как должен был поступить.

Поверни назад и ты, моя Франсуаза. Не поднимайся на вершину одна, подожди меня, и настанет день, когда мы с тобой взойдем вместе.

Первое письмо, которое Жонатан Тувье оставил в больничной палате Франсуазы за два дня до того, как в информационной картотеке появился донор костного мозга и перед ними забрезжила надежда

Лужица воды поблескивала как раз на линии моего взгляда. Мое дежурство. Я лежал в палатке, наблюдая и чутко прислушиваясь. Поверхность воды была гладкая и неподвижная. Только изредка капля, упавшая со сталактита, пускала по ней крошечные волны.

Чтобы сделать приманку более привлекательной, мы прикатали камень, на который наклонно, чтобы получился отблеск, положили каску. Нам понадобилось гораздо больше кастрюлек воды, чем поначалу рассчитывал Мишель. В общей сложности с полдюжины, не считая воды для наших

нужд. По моим подсчетам, в лучшем случае нам удастся согреть еще две полные кастрюли, пока не кончится газ. Сколько времени мы ждали, я не знал. Может, три часа, может, четыре, а может, и пять. Наше дыхание осипло, в животе урчало, глаза слезились. Мишель еле слышно разговаривал сам с собой, уставясь в ладони, и время от времени совершал какой-то странный жест, словно отмахивался от мух. Я, чтобы не заснуть, мысленно составлял список самых высоких вершин каждого континента.

Мы дежурили по очереди, улегшись у входа в палатку. Фарид продолжал крутить колесики замка, но все медленнее и медленнее. И не позволял мне прикасаться к нему. На разговоры у него уже не было сил: его все сильнее била лихорадка. Мишель что-то бормотал под своей каской, временами впадая в бред. Мы больше не разговаривали и выходили наружу, только чтобы помочиться. Все больше и больше нас поглощало собственное бессилие.

И снова наступил мой черед дежурить. Я с трудом проснулся. Не хватало мужества вылезти из грязного спальника, покинув нагретое гнездышко. Там так легко можно было бы умереть. Я оделся, сунул босые холодные ноги в ботинки. Не знаю, подолгу ли мы спали, но думаю, все дольше и дольше. Моя кровь текла медленно, шумно; она загустела и замутилась, как древесный сок. Ушной термометр показывал 35,9°. Помню, на склоне Фиц-Роя, в Патагонии, у меня было 34,4°, предел, за которым организм теряет жизнеспособность. Но тогда я мог повернуть назад. А здесь...

Не знаю, какая температура была у Мишеля, он, похоже, термометром не интересовался. Что до Фариды, то его лоб горел. Теперь он носа не высовывал из спальника. Ему было очень плохо, и я за него опасался. Если в ближайшее время он не поест, то не перенесет термального шока, когда спадет температура. Мне хотелось его спасти.

Я пошарил рукой в кармане рубашки, нащупал кусочек апельсиновой корки и разделил надвое. Начав медленно жевать корочку, я ощутил, какое это блаженство, когда во рту что-то есть.

Когда я засыпал, мне все время что-то снилось. Как правило, кошмары, не имевшие никакого отношения к моей жизни. Какие-то бесформенные тени вперемешку с геометрическими фигурами, без связи, без логики... Никакого цвета, солнца, света. Просыпаясь, я отчаянно мечтал о детском питании, о палочках вяленого мяса, о пеммикане, о сублимированных концентратах, которые мы через силу ели на высоте. Теперь при одной мысли о них я истекаю слюной. Я бы слопал целый ящик этих палочек. Язык у меня растрескался от голода и болел. И вот что странно: черный

револьвер стал казаться серым, а голубой газовый баллон – зеленым. Я знал, что он голубой, но мои глаза теперь постоянно видели его зеленым. Мишель сказал, что он уже давно его видит зеленым. Этот зеленый слишком яркий, и я его ненавижу. Теперь я стал различать только красный, черный и зеленый. Чувства мои притупились. В ушах все время шумело, и мне стало казаться, что среди падений камней и ледышек я различаю замедленное дыхание смерти.

Я попытался умножить двенадцать на двенадцать и трижды ошибся. После чего сосчитал на пальцах, покрывшихся розоватыми трещинами. Без перчаток и носков я долго не продержусь.

Двенадцать на двенадцать... Сто сорок четыре. Сто сорок четыре. Сто сорок четыре.

И пока я повторял эти слова, Мишель на четвереньках, по-собачьи уткнув нос в землю, ринулся в угол палатки и съел трупик Желанного Гостя до последней лапки.

25

То, что совершил я, не сделал бы ни один в мире зверь.

Знаменитая фраза, сказанная Гийоме, ^[15] затерянным во льдах горного хребта в Андах, после вынужденной посадки. Жонатан Тувьё знал его историю наизусть

Короткое колебание ткани... Рычание рядом с палаткой... мы с Мишелем застыли, затаив дыхание. Фарид наконец-то заснул, весь мокрый от пота, то впадая в бред, то приходя в себя. Мы переглянулись и поняли друг друга без слов: *тот-в-кого-превратился-Пок* бродит вокруг. У меня перехватило горло, и я как можно тише подполз к краю палатки. Поверхность воды оставалась гладкой, и ничто не выдавало присутствия зверя. Но я знал, что он следит за нами. Его чутье намного превосходит наше, и он очень осторожен.

Наши головы одновременно повернулись, и мы оба сглотнули. Сейчас зверь позади палатки... Потом слева, потом справа. Он кружил вокруг нас, избегая подходить ко входу. Я слышал тяжелое дыхание Мишеля и представлял себе по ту сторону стенки настороженную морду с огромными клыками. Губы приподнялись, мышцы готовы оторвать кусок плоти. Он не дурак. Он чувствует капкан за километры.

Какое-то шуршание. Кажется, пробежал вдоль правой стенки. Мы с Мишелем обернулись. И вдруг возникла огромная тень, она заскребла лапами по палатке, потом лапы ослабли, и нам показалось, что они обвилились вокруг нашего обиталища прямо у нас над головой. От притолоки разнеслось рычание. Пальцы мои стиснули цепь, и я приготовился выпрыгнуть наружу. Как только тень приблизится ко входу в палатку...

Но тень Пока не пошла ко входу Она неподвижно нависла над спящим Фаридом, потом сразу уменьшилась, сузилась и исчезла.

– Не может быть, – прошептал Мишель. – Мне кажется, он ушел.

Мы подождали еще минут пять, чтобы убедиться, что *того-в-кого-превратился-Пок* действительно нет, а наша западня не сработала. Поражение сразило нас, и я вдруг осознал, что, издерганный голодом, я и сам стал хищником, готовым на все. Мною овладел охотничий инстинкт.

Я осторожно вышел из палатки, за мной Мишель. Фонарь неплохо

освещал вход в наше жилище. На земле виднелись несколько капель крови, а на стенке темнело большое пятно.

– Твой мерзкий пес пришел, чтобы отлить на палатку. Ты понял? Плевал он на нас!

Я присел и окунул палец в капельку крови. Она была еще теплая.

– Он почуял западню и даже не подошел к воде. А ты говоришь, охотник...

Я поднялся, опустив руки и глядя в темноту:

– Он ранен. Я знаю, что такое раненый зверь. Инстинкт самосохранения у него сейчас увеличился многократно. И он раз в десять хитрее нас. Так нам с ним не справиться.

Мишель сжал кулаки. Рана на руке натянулась, особенно в местах швов, и он поморщился.

– И что теперь делать?

Я понуро залез в палатку и уселся, подперев кулаками подбородок. Щеки Фариды припухли и были красны от жара. Если ничего не предпринять, он умрет. Он тихо застонал и потянул меня за рукав. Похоже, он умирает.

– Прости, парень... Прости за все... что я тебе... сделал... Но это... не моя... вина...

– Что ты сделал, Фарид? Ну, скажи, что ты такое мне сделал? Письмо? Это ты взял письмо?

Он вздрогнул и опять забылся. Я попробовал его растолкать, но безуспешно. Быстро поднявшись, я схватил с пола острый камень и коремат. Меня охватило бешенство. Я налил в стакан воды и остановился перед Мишелем:

– Пригляди за мальчиком, ладно? Промокай ему регулярно лоб полотенцем, давай ему пить и не выпускай из спальника, разве что пописать. А главное, надо его хорошенько укрыть. Нельзя допустить, чтобы эта треклятая пропасть забрала его. Он должен жить.

– А ты?

– А я залезу на тот карниз, где он тогда очнулся. Оттуда я и хочу захватить Пока врасплох.

– Ты уверен?

– Другого выхода нет. Кроме нашей лужицы, нигде больше нет воды. И баллон с газом на исходе.

26

Вслед за тем столы уставили мясными блюдами. Подали антилоп с рогами, павлинов с перьями, целых баранов, сваренных в сладком вине, верблюжьей и буйволы окорока, ежей с приправой из рыбьих внутренностей, жареную саранчу и сонь в маринаде. В деревянных чашках из Тамрапаниии плавали в шафране большие куски жира. Все было залито рассолом, приправлено трюфелями и асафетидой. [16]

Гюстав Флобер. Саламбо (1862)

День пятый. Но точно я не знал, в голове все мешалось. Помню, что выходил за водой к лужице, и сосчитал отметины на коремате: их было пять. III.

Потянулось нескончаемое ожидание... Я то засыпал, то просыпался. Лежа на карнизе, я со страхом рассматривал свою ладонь: от мизинца до большого пальца по ней шел неглубокий порез. Поверхность камня сбоку от меня была в крови, в моей крови. И на одежду тоже попало несколько капель. А я ничего не помнил. Что все это значит? Я взял камень, сжал его, поднес к ладони... Но никакого воспоминания об этом движении не возникло. Я что, пытался вскрыть себе вены? Ничего не помню. Ничего... Ничего...

Морщась от боли, я повернулся на бок. Жаль, что заснул, а вдруг Пок уже приходил? Внизу во мраке стояла наша палатка, словно затерянная посреди зловещей долины. Ветер завывал на разные голоса, и сквозь этот вой пробивались долгие приступы кашля Фарида и бессвязное бормотание Мишеля. В голове пронеслось: «Значит, пока живы», и это придало мне уверенности. Я даже представить себе не решался, что могу остаться один, без газа, без света, покорно ожидая смерти. Но если уж тому суждено случиться, то я найду способ... Способ сократить... Ну хотя бы вот этим острым камнем... Есть еще и пропасть, к примеру. Просто брошусь в ее мрачную пасть.

Пять дней... Я думаю, нет, я уверен, что послезавтра Франсуазе сделают операцию по трансплантации в Гренобле на высокотехнологичной аппаратуре. И рядом с ней будут лучшие специалисты. Химиотерапия и лучевая терапия разрушили ее костный мозг, и теперь она совсем

беззащитна. Сейчас ее донор, ее спаситель, тоже должен быть в клинике. Если все пройдет хорошо, то через три-четыре недели после пересадки Франсуаза снова оживет, снова сможет бегать и есть фисташковое мороженое. Я привезу ей мороженое «Хаген-Дас», целый Эверест мороженого. И мы уедем далеко-далеко, подальше отсюда, все втроем, с Клэр. У Клэр все хорошо, я знаю.

Зажав в руке, как нож, острый камень, я снова медленно улегся, стараясь на сей раз не задремать. Но это было так трудно... В глазах все плыло, зрачки утратили способность адаптироваться, передо мной плясали какие-то бесформенные предметы. Я вполголоса проговаривал свой список покоренных вершин по континентам:

– Африка: Килиманджаро, Кения, Рувензори. Азия: Эверест, К2, Канчен... Канченджанга. Антарктика: Винсон, Эребус...

И опять все сначала.

Прошло довольно много времени, и тут в мозгу вдруг вспыхнул сигнал.

Внизу, вдоль стены, зацокали когти.

Дикий зверь захотел пить.

Обстоятельства повернулись против нас, и поэтому у нас нет причин жаловаться. Нужно склониться перед волей Провидения и с решимостью делать до конца то, что в наших силах...

Если бы мы остались в живых, то какую бы я поведал историю о твердости, выносливости и отваге своих товарищей... Мои неровные строки и наши мертвые тела должны передать эту историю.

Роберт Фолкон Скотт. Послание обществу. Написано незадолго до смерти в Антарктике, 29 февраля 1912 года

Из носа у меня капало, и я все время вытирал его рукавом грязного пуховика. Вжавшись в камень и затаив дыхание, я подполз к кромке карниза. Желтое пятно света от рефлектора размывалось и темнело по краям.

Тот-в-кого-превратился-Пок неподвижно застыл на границе света, прижавшись брюхом к земле. На задней правой лапе я различил темное влажное пятно. Сомнений не было, это рана. Должно быть, он зализывал ее, пока не выдрал всю шерсть. Хвост у него распушился и поднялся вертикально вверх. Сверху пес, с его треугольным черепом и мощной, напряженной мускулатурой, кажется совершенной боевой машиной.

Сжав зубы, я приподнялся и осторожно оторвал от земли звенья цепи, чтобы они не звякнули. Однако, видимо, какой-то слабый звук я все-таки пропустил. *Пок* резко повернул голову к скале, как раз подо мной, у самой стены. Я замер и боялся выдохнуть, сдерживая слезы. Теперь я видел его складчатые губы, все в крови, и окровавленные клыки.

Следующий миг тянулся бесконечно. Мы словно соревновались в неподвижности. Наконец зверь отказался от борьбы и пошел в направлении лужицы. Лапы, скованные недоверием, двигались медленно. Я молился, чтобы Мишель ничего не предпринял, чтобы Фарид не закашлялся, чтобы не заурчал мой желудок, а рыдания не вырвались наружу. Это была наша последняя попытка. Без газа, чтобы согреть воду, после такого потрясения, когда силы на исходе, мы умрем раньше этого сытого зверя.

По лужице одна за другой побежали маленькие волны, угасая у

противоположного берега. *Тот-в-кого-превратился-Пок* лакал, наклонив морду в направлении входа в палатку. Он был хитер. Я знал, что глазами он водил направо-налево, задняя часть его тела выгнулась, а передняя припала к земле, как у старого, опытного волка. Малейший звук – и он убежит. Я еще больше согнулся и подтянул колени к подбородку, готовясь броситься вперед, как ныряльщик в бассейне. Наверняка будет больно, наверняка я поранюсь, но выбора нет.

Зверь напился и начал отходить, недоверчиво приседая на лапах. Потом, цокая когтями, *Тот-в-кого-превратился-Пок* повернул обратно в галерею, к своей кровавой трапезе.

Теперь наша судьба зависела от синхронности, от встречи в пространстве двух движущихся точек. Я в последний раз глубоко вдохнул. Сейчас или никогда. И когда он поравнялся со мной, я ринулся вниз.

Падение длилось доли секунды. У меня было преимущество в скорости, я рухнул на него сверху и крепко взял его шею в кольцо руками. Пок пронзительно вскрикнул от боли, и наши тела покатались по земле. Я услышал, как хрустнули кости. Обвив собачий круп ногами, я крепко держал его, чтобы лишить возможности двигаться, но все равно меня не покидало ощущение, что я сижу верхом на скользком угре. Он бился и вырывался с яростью разъяренного быка. Я кричал ему в уши, я умолял его прекратить борьбу и сдаться. Моя цепь уже сдавила ему трахею, и я сжимал звенья с той же силой, с какой сжимал совсем недавно гранит. В пылу сражения я вдруг заметил, что перед нашими телами возникли чьи-то ноги. Мишель. Я прохрипел, чтобы он ничего не делал, но успел заметить, что в поднятых руках он держит на изготовку тяжелый металлический ящик. От наших напряженных тел шел пар, Пок норовил впиться зубами в мои щеки и руки, но его рычание становилось все глуше и надсаднее. Я уткнулся носом в его серые, с голубым отливом, уши. Мне хотелось быть с ним до конца; его грудь, судорожно пульсируя, все теснее прижималась к земле, уже покорившись, и хвост обвился вокруг лап, словно пытаюсь их согреть в последний раз. Мне хотелось ослабить удавку из цепи, поверить, что он опять сможет стать моей собакой, что наша встреча для нас обоих имела глубокий смысл. Это была моя собака, память о десяти годах жизни. Драгоценный воздух уходил из трахеи Пока, а я был готов и себя тоже лишить жизни. Слезы хлынули у меня из глаз. Все эти годы я не плакал ни разу, не давая страданию вырваться наружу. А теперь внутри все рухнуло, у меня отняли одного за другим всех, кого я любил. Сколько же еще надо жить? И для чего?

Прежде чем Пок испустил дух, я повернулся на другой бок и посмотрел

ему прямо в глаза. В неподвижных зрачках с безжалостным бесчувствием отразился последний образ: образ хозяина, который его убивает.

А потом его сердце остановилось.

Тот-в-кого-превратился-Пок снова стал моим Поком.

Плоть живет за счет плоти, за жизнь платишь жизнью. Мой пес умер, а я продолжил жить. Так всегда случалось, с самого моего детства.

Все, кто меня окружал, уходил, а я оставался.

Они старались продлить оставшиеся дни, поедая те куски, которыми раньше пренебрегали. К примеру, на руках и ногах оставалось еще мясо, которое можно было отделить от костей. Они пытались вырезать язык у трупа, но проглотить его не могли.

Пирс Пол Рид. Живые: История спасшихся в Андах (1974)

Со мной кто-то говорил. Я слышал, но ответить не мог. У меня внутри все почернело, и было такое ощущение, что мне на затылок льют свинец и он медленно сковывает все тело. На мертвую собаку я больше не смотрел: не мог. С дикой болью в ногах, с ободранными руками и с мушками в глазах, я вошел в палатку.

Мне было больно жить.

На меня напало полное безразличие. В душе я больше не вел счет времени. Я оплакивал Франсуазу, Клэр и Пока. Я оплакивал мать. Единственных, кто для меня что-то значил.

Время шло. Фонарь освещал пустую бутылку из-под водки, стоящую у меня между ног. Я, как никогда, был близок к пределу. Достаточно было бы спокойно заснуть, не залезая в спальник, почти с полной с уверенностью, что не проснешься. Уйти без страданий.

Однако что-то во мне еще сопротивлялось. Какая-то неосознанная энергия тащила меня обратно в жизнь. Нет. Засыпать я не стану. Жить до самого последнего вздоха.

Завернувшись в спальник, Фарид смотрел на меня со слабой улыбкой, и его растрескавшиеся от лихорадки губы непрерывно шептали: «Спасибо... Спасибо...» Ему было бы так просто сдаться и уйти из жизни, но он цеплялся за свое земное существование. Я подошел к нему и тихо сказал:

– Ты как-то сознался, что жалеешь о том, что сделал мне. О чем ты говорил?

– Я... я никогда этого не говорил...

– Нет, говорил... Расскажи, я тебя прошу.

– Скажи-ка... Мне вот что хотелось знать... Когда ты был молодым и твой отец тебя лупил почему зря... И потом, когда ты терся об мою спину... Ты был гомиком или бисексом, а?

Я отвернулся, стиснув зубы. Из галереи донеслось какое-то потрескивание. Мы сразу его узнали, и языки у нас мгновенно набухли. Так скворчит мясо в раскаленной кастрюле. Черт побери, я просто залился слюной, как охотничья собака при звуке колокольчика. У меня даже нет больше сил ненавидеть себя.

Плоть живет за счет плоти, за жизнь платишь жизнью. Я без конца повторял эту фразу, я ею заболел. Она меня поддерживала, она так здорово подводила итог эволюции видов и доходчиво объясняла, что жизнь существует, потому что существует ее противоположность. И одно необходимо другому.

Ну вот вернулся Мишель, возле палатки слышались его тяжелые шаги. Пламя горелки колыхалось в такт его движениям. Мой язык быстро пробежал по губам: против павловского рефлекса не поперешь. Мне стало стыдно. Фарид приподнялся на локтях, от лихорадки он был весь красный как рак, а глаза превратились в две желтые точки.

Мишель медленно поставил на землю погашенную лампу, две дымящиеся тарелки и кастрюлю. Из-под маски несло алкоголем, – должно быть, он принял изрядную дозу у себя в пресловутом «холодильнике». Руки у него были замараны смертью Пока. Невероятный запах жареного мяса распространился повсюду и обжег мне ноздри. Запах сладостный и чудовищный. Если бы у меня оставались силы, я бы вскочил и убежал.

Согнувшись до самой земли, я мутными глазами мрачно покосился на содержимое тарелок и кастрюли. Там дымилось мелко нарезанное мясо, и его было много. Мишель отлично его приготовил, обойдясь только острым камнем и горелкой. Оно напоминало обжаренные кусочки говядины, плавающие в растопленном жире. Я обожаю говядину и весь растопленный жир, какой только есть в мире.

Голод против воспоминания о моей собаке. Физиологическое против духовного. Кто кого? У меня в животе завязалась ужасающая первобытная битва. Кончиками пальцев я взял кусочек «этого», уронил обратно, потрогал большим пальцем... А Фарид не углублялся в метафизические рассуждения: придвинул к себе тарелку и отправил кусок мяса прямо в глотку. Он не ел, он жрал, давясь слюной. Его религия запрещала ему есть свинину, но не собачатину. В этот момент он был мне отвратителен. И все было отвратительно.

Мишель лежал на боку и выуживал куски мяса прямо из кастрюли. Под маской его челюсти похрустывали от удовольствия. Фарид тяжело дышал, кашлял, сплевывал и снова нырял носом в тарелку.

– Кайф, – бормотал он между двумя кусками, – какой кайф...

Он посмотрел на меня:

– Давай ешь и ты тоже. Это так вкусно.

Мишель его поддержал, пытаясь меня воодушевить:

– Растопленный жир – это для того, чтобы глотка не забилась. Иначе можно дуба дать от обжорства, и это будет уже полный идиотизм. Давай лопай, *убийца*, само проскочит. И он похлопал себя ладонью по груди. – Я хотел сказать, *собачий убийца*. Если выберемся отсюда, никому не скажем. Обещаю...

Я взглянул на мясо. Каждый кусочек напоминал мне о друге. Я всегда думал, что есть судьбы, которым предназначено встретиться. Пок родился почти у меня на руках, у меня на руках и умер. Мы с ним были одно целое. Дух мой бился за то, чтобы я не реагировал, а организм пустил в ход всю свою изобретательность, чтобы я сдался: все железы бешено заработали, чувства обострились, живот разболелся. Желудок у меня наверняка сжался уже до размеров теннисного мяча, но сок выделял без остановки.

В глубине души я знал, что отсрочка ни к чему не приведет. Рано или поздно искушение и голод меня все равно одолеют. И еще я сказал себе, что родные предпочтут узнать, что я боролся до последнего. Что однажды те, кто найдет наши тела, поймут, почему мы так поступили. Я вышел в темноту и уселся в одиночестве возле каменной стены, обхватив голову руками. И стал думать... Жить или умереть... Когда много позже я вернулся в палатку, то был полон решимости, но лицо мое ничего не выражало.

Попросив Мишеля разогреть мою тарелку, я принялся есть своего пса.

Не прошло и пяти минут, как наши тарелки опустели, а желудки наполнились. Фарид вылизал тарелку, не оставив ни грамма мяса.

В этом мире ничто не исчезает.

Все в конечном счете переходит из одного состояния в другое.

29

Я смотрел вниз, но мне, знаешь, мама, не хотелось спускаться. Чтобы взойти сюда, я потратил слишком много сил и провел много ночей без сна. Я так много мечтал об этом... Мне нельзя повернуть назад. Я, как никто, знаю, что нужен тебе и что, вместо того чтобы сбежать, я должен был поговорить с папой. О чем поговорить, мама? Мы не разговаривали друг с другом уже пятнадцать лет. Чтобы выгнать из меня эту «хворь», как он красиво выражался, он предпочитал меня лупить. Спуститься вниз сейчас – это для меня все равно что дать вытечь всей крови и приговорить себя к тому, чего я всегда так боялся: к пустому отцовскому взгляду.

Письмо Жонатана Тувье к матери, написанное очень давно

Обычно, когда 11 ноября^[17] по улицам города проходил военный оркестр, сначала вдалеке слышался почти неуловимый рокот барабанов, и мы все настораживались. Затем проявлялись трубы, валторны и тромбоны – так сказать, дудки, и все сразу вспоминали: «Ух ты, а ведь сегодня одиннадцатое ноября, и будет парад».

И тогда все не спеша надевали пальто и выходили на крыльцо, чтобы насладиться зрелищем. Все шло своим чередом, парад проходил, и жизнь продолжалась, словно ничего и не было.

Другое дело – спонтанный праздник. Он о себе не объявляет заранее.

Увеселения начал Мишель. Трубы зазвучали неожиданно, когда он нес кастрюлю с нарубленным льдом. Я видел, как он замер, свел колени и спустил штаны с такой скоростью, с какой Счастличик Люк^[18] не стрелял в собственную тень. Мишель даже не попытался спрятаться, уйти в темное местечко. Нет, процесс происходил демонстративно, на глазах у всех, при полном освещении и во всем блеске. Зрелище открывалось апокалиптическое: человек в железной маске сидел на корточках и его зад висел над землей сантиметрах в десяти. Эх, был бы у меня фотоаппарат...

Что-то пугающее и болезненное поднялось откуда-то из самых глубин живота: огромный ком смеха. Я согнулся пополам и даже вздохнуть не мог от хохота. Фарид выполз из палатки на звук смеха, несмотря на температуру, чтобы посмотреть, что происходит, и разделить веселье. Впервые за долгое время он встал на ноги и присоединился к Мишелю.

Наш общий хохот разнесся далеко по подземелью, и я чуть не задохнулся. А вот юный араб начал задыхаться не на шутку, и это меня напугало.

Потом настал мой черед. Слезы смеха на глазах моментально высохли, и я спринтерски рванул в место, куда мы никогда не заходили. Этот гад Мишель, снова почувствовав себя в форме, направил фонарь в мою сторону.

– Отстань! Это дело сугубо интимное, черт побери!

– Да начнется спектакль! – отозвались оба хором.

Я пытался спрятаться, но цепь не давала. В конце концов пришлось прижаться к скале, втянув голову в плечи, и пониже спустить штаны. Пыхтел я долго. А потом все снова хохотали до упаду. Это был момент величайшего единения и соучастия, таких здесь нам переживать еще не доводилось.

В поле моего зрения попал газовый баллончик, отсоединенный от горелки и валяющийся возле палатки. Следующий уже был на его месте, – наверное, его поменял Мишель, пока я облегался.

Предпоследний баллон из наших запасов.

Это гнусное зрелище вдруг резко напомнило, что смеялся я, наверное, в последний раз в жизни.

Вы жаждете приключений? А может быть, вы мечтаете посетить все семь континентов и преподнести себе подарок в виде высокой горной вершины? «Maximum Adventures» предоставит вам все это. Мы знаем, как сделать вашу мечту реальностью, и поможем вам достичь цели. Конечно, вы и сами должны приложить известные усилия, но мы беремся повысить ваши шансы на успех и обеспечить безопасность приключений.

Итак, тех, кто отважится взглянуть в лицо своей мечте и принять вызов, мы приглашаем подняться вместе с нами на гору, которую вы выберете сами. Скорее присоединяйтесь к нам!

Рекламный проспект компании «Maximum Adventures», организованной Максом Беком в 1985 году, а в 1992-м, через год после его трагической гибели, объявившей себя банкротом

III I. День шестой.

Вместе с сытостью стали возвращаться физические и душевные силы. Впервые за все наше пребывание под землей у меня возникло ощущение настоящей сплоченности в группе. Теперь мы зажигали горелку только в случае крайней необходимости и перестали пользоваться ею для освещения или для мытья. Входя в палатку, мы снимали обувь и делали еще кучу всяких вещей, которые отныне составляли нашу жизнь и обеспечивали выживание. Мы приучились убирать стаканы, зажигать горелку только снаружи, чтобы не появился конденсат, мыть толченым льдом тарелки для экономии газа, облегчаться как можно дальше от палатки... Мы с Мишелем махровыми полотенцами вычистили наше жилище сверху донизу. Ведь так приятно спать на чистой и почти сухой земле. Потом мы выстирали полотенца в холодной воде. Кровь, конечно, не отстиралась, а полотенца, разумеется, никогда не высохнут, но это не важно: теперь мы жили почти в гармонии с местом, на редкость враждебным к нам. В общем, мы, как Желанный Гость, потихоньку приспособились.

Поскольку у нас теперь была обильная и жирная еда, я урезал количество воды до литра на каждого, что существенно уменьшило необходимость топить лед, расходовать газ и трудиться на леднике.

Каждый раз вместе с едой я выпивал добрый глоток водки. Это помогало забыть о том, что я ел. Вторая, и последняя, бутылка уже наполовину опустела.

Вода, еда, сон. Наши организмы вновь обрели чувствительность и стали нормально функционировать. Мозг получал кислород, сердце качало кровь, почки работали. Меня больше не шатало при ходьбе, а от схватки с Поком на спине осталось всего несколько синяков. Я снова превратился в человека.

Молодому арабу было лучше, но температура его не оставляла, проявляясь резкими пиками. Мои ступни почти привыкли к холоду, а его так и оставались белыми как мел, и кончики пальцев начали трескаться. Мишель их лечил желтоватой мазью из теплой воды и жира, эта смесь должна была питать некротизированные ткани. Рецепт приготовления мази я даже не пытался узнать.

Фарид больше не заговаривал на тему гомосексуальности. Мы оба постоянно сидели перед палаткой и крутили колесики замка, наблюдая за тенью Мишеля в галерее. Человек в железной маске ставил рефлектор на краю пещеры, чтобы хоть малая толика света доставалась нам. У меня было такое чувство, что он изменился к лучшему и теперь выступал в роли настоящего лидера. Пока он мастерил одежду из шкуры Пока, Фарид забрасывал меня вопросами о моем прошлом ремесле. Он был потрясен, когда я ему сказал, что в 1986 году покорил Эверест. Однако я пояснил, что никакой моей заслуги в этом нет. Всю ответственность и все тяготы взяла на себя организация «Maximum Adventures», которую основал Макс Бек, а мы, по сути дела, были как младенцы в люльке, и эта люлька гарантировала успех восхождения.

– Ну, ты силен, есть в тебе что-то такое... – заметил он. – Славный ты парень.

– Ну да, я взошел на Эверест, но кто об этом знает и кого это заботит? Сегодня на «крышу мира» может забраться любой, необходимы только три условия: иметь деньги, быть хорошо тренированным и иметь возможность покинуть семью месяца на два. Но когда видишь, насколько обещен Эверест, все детские мечты разбиваются вдребезги.

– Не важно, главное, дошел ведь. Мне нравятся скромные парни, которые не заносятся. Аббат Пьер^[19] и компания, знаешь? Лично я залезал только на террикон, и то это было здорово.

Я посмотрел на бутылку водки и решил выставить ее ко входу. Я и так изрядно пьян.

– Знаешь, тогда, в восемьдесят шестом, я был только сопровождающим.

Как и все, купил билет на вершину, вернее, «Внешний мир» мне его купил, у меня ни гроша не было. Короче, невелика доблесть. Но это восхождение позволило мне... определиться со своей сексуальностью, как ты заметил.

Он молча смотрел на меня.

– У меня тогда была эрекция, ну, помнишь, я привалился к твоей спине... Так вот, это вовсе не потому, что я тебя пожелал. Сейчас я полностью гетеросексуал, но... я не знаю... это идет откуда-то из глубины, «из брюха»...

– Первобытные инстинкты, как говорится. Не бери в голову.

– В Гималаях я и познакомился с Максом Беком, о котором болтаю во сне. Он был нашим гидом. Это он по-настоящему сформировал меня в горах. Он впервые в моей жизни заставил меня понять, что главное – достигнуть вершины и гораздо менее важно, как ты это сделаешь.

Фарид вытащил две последние сигареты и бросил на землю пустую пачку. Заметив на ней надпись «КУРЕНИЕ УБИВАЕТ», я чуть не расхохотался.

– Похоже, вы и вправду были корешами. И что на него нашло, на этого Макса Бека, когда он тебе врезал ледорубом?

Я поднял пустую пачку, скомкал ее и сунул в карман.

– Я влюбился в его жену, а он это заметил.

Фарид присвистнул и зажег сигарету.

– Ни фиги себе, бывший гомик, да ты даром времени не терял.

– Бывший бисексуал... Меня тянуло и к мужчинам, и к женщинам...

– Ух ты, вот это да... Чужая женщина – все равно что заповедник. И чем дело кончилось? Ты продолжал с ней видеться?

– Я на ней женился через два года.

– погоди, ты хочешь сказать, что твоя жена...

– Франсуаза, ее зовут Франсуаза.

– Что Франсуаза – это баба того Макса Бека, твоего лучшего кореша?

– Да.

– Ну знаешь, это как-то не очень с твоей стороны... Жениться на бабе умершего... так ты, выходит, вор?

Я тут же пожалел о своих словах. И с чего это я так разговорился? В голове была полная каша. Пошатываясь, я вошел в палатку, уселся, упершись лбом в сложенные руки, и закрыл глаза. Макс... Высоко в горах... Удар ледорубом... Образы быстро сменяли друг друга. Я увидел себя молодым, на пути к прошлому...

31

Эверест является воплощением физической силы мира. Ему он должен противопоставить духовную силу человека. Он представлял себе радость на лицах товарищей в случае успеха. В его воображении рисовалось то волнение, которое вызовет у всех альпинистов его достижение.^[20]

Сэр Фрэнсис Янгхазбенд. Борьба за Эверест (1926)

Я снова увидел себя в тот день... В руках у меня был кусок хлеба и какие-то сырые овощи. Я грыз морковку, сидя в американской палатке-столовой, где имелся каменный стол, освещение солнечными батареями и мини-электрофон hi-fi. Помню, тогда мы даже слушали Элвиса Пресли! На внутреннюю стенку палатки, прямо над магнитофоном, был нашит американский флаг.

Молодой мускулистый парень с властным взглядом черных глаз вложил мне в руки флягу из бизоньей кожи. Я поднес ее к носу: виски. Даже запах виски внушал мне отвращение, и Макс, притащивший мне флягу, прекрасно это знал. Я вообще не дружил с алкоголем, а на высоте тем более. Макс, загорелый, в пестрой бандане на длинных белокурых волосах, с намазанными маслом какао губами, расхохотался и хлопнул меня по спине. Он уже был по пояс голый и собирался нырнуть в объятия Энн Риггз, альпинистки из Юты, с которой познакомился три дня назад.

Отбросив флягу в сторону, я проворчал:

– Пошел ты к черту, Макс.

Оба, Макс и Энн, веселились и целовались, словно парочка подростков. Риггз не красавица, но и не уродина. Она мне напоминала гору Ванту: вроде вот она, но можно без нее обойтись. Эта Энн Риггз была очередной статуэткой в коллекции побед Макса, который покорило гораздо больше женщин, чем вершин. И одному Богу известно, им или горам он приносил себя в жертву вот уже тридцать лет.

Мы с Максом познакомились пять лет назад и с тех пор не расставались. Каждое лето мы делали несколько красивых восхождений недалеко от дома: в Мейе, Гранд-Жорас, Бьонассей. Этот неумный парень с платиновой шевелюрой и светлыми бровями стал моим наркотиком, моей героиновой зависимостью, дозой безумия и адреналина. Он мог поднять

меня среди ночи с постели и потащить купаться нагишом в озере или просто позвать в бар где-нибудь в Амбрёне. Он пил на халяву, трахался на халяву, знал всех на свете. Везде свой в доску, этакий маяк при штурме ледника. Благодаря ему, его пылу и его спонсорам для меня открылись все двери в журнале «Внешний мир». Я ездил в лучшие командировки, участвовал в самых престижных восхождениях и брал интервью у асов альпинизма. Танзания, Швейцария, Боливия, Непал. Ясное дело, я не всегда лез вместе со всеми, в моем ремесле нужна выдержка, надо уметь смотреть на гору и снизу. В кильватере у Макса я совершенствовался в альпинизме, вслушивался, вглядывался. Моя репортерская карьера пошла в гору, к двадцати восьми годам я был в курсе всех событий, происходивших на позолоченном солнцем снегу. В этом ремесле, однако, не было ни капли жажды наживы, только ощущение полной свободы.

Американский лагерь раскинулся на равнине неподалеку от реки. Я встал, надел солнечные очки и вышел из столовой. И вот я вижу себя уже в футболке, шагающего на трехкилометровой высоте по дороге к базовому лагерю Чо-Ойю, восьмитысячника, который занимает шестое место в мире. С этой дороги открывались виды несравненной красоты, по духу под стать стране, которой принадлежали, – мощному, властному, все себе подчинившему Китаю. Вокруг кипела жизнь, все заполняя буйством цвета и звуков: выставки изделий ремесленников в стоящих кружком палатках, купания в кристально чистой воде, душ под открытым небом, со всех сторон шутки на всех языках мира. Яки шагали неспешно, шерпы зажигали палочки ладана перед алтарями, где хлопали на ветру разноцветные молитвенные флажки. Я любил эти мгновения вне времени, между небом и землей, такого больше не найдешь нигде. Через два дня Макс, наш шерпа и я ушли к верхним лагерям, а оттуда – на штурм вершины.

Я обернулся и с вождением посмотрел на палатку связи, стоящую особняком. Там был спутниковый телефон и факс. Простое средство, чтобы связаться с Францией и поболтать с Франсуазой, невестой Макса.

Франсуаза... С самого вылета из Орли это имя не переставало звучать у меня в голове. Я вспоминал наши поцелуи украдкой на парковке аэропорта. И самый первый поцелуй, такой робкий. В зале отлета, когда наши взгляды встретились, я увидел, что она напугана. Помню, как страстно поцеловал ее Макс и что-то прошептал на ухо. Когда мы прощались, она больше не улыбалась, а лицо у нее было бледное и встревоженное. Я не понял, в чем дело, но с того дня меня одолела тоска. Неужели Макс догадался о нашем зарождающемся чувстве?

Обводя глазами грозные вершины Чо-Ойю, я понял, что в первый раз в

жизни влюбился. Влюбился в женщину. «Внешний мир» осыпал меня всяческими профессиональными благами, а значит, любые серьезные отношения мне были заказаны. На их развитие, на свидания просто не было времени: я все время куда-то уезжал. С Франсуазой другое дело. Она повсюду меня сопровождала. В мыслях.

Но мог ли я на что-то надеяться? Влюбиться в чужую женщину... В женщину, которая никогда не бросит того, с кем обручена, она сама мне сказала. Но почему же тогда она позволяла себя целовать? Почему не отвергала моих ухаживаний? Я боялся заходить слишком далеко, чтобы не причинить страданий ни себе, ни ей.

Я вздрогнул. У меня за спиной Макс и Энн Риггз вышли из столовой и, пошатываясь, направились к синей палатке американки. Все-таки пить на такой высоте – чистое безумие, но Макс вне пределов скал и лазания вообще был чокнутым и безбашенным. Хулиган, скандалист, гуляка. Его скверные выходки и приводы в полицию уже и считать перестали. Я потерял руки и поежился. Солнце только что скрылось за гималайскими вершинами, и сразу резко похолодало. Я вернулся в столовую за свитером и штормовкой и осторожно скользнул мимо палатки Риггз. Оттуда доносился смех и шуршание спальников... Вот эти Максовы штучки мне были более всего отвратительны и всегда вызывали желание вернуться домой. Однако зов горы был намного сильнее, и на скальной стенке я любил Макса, как брата.

Лежа в своей палатке и завернувшись в спальник, я посмотрел на часы. Четыре часа утра. А во Франции должно быть около одиннадцати вечера. Снаружи завывал ветер, хлопья снега били в стенки палатки. На этой высоте лета просто не бывает. Макс как ни в чем не бывало явился поздно. Он громко храпел. А я все размышлял и никак не мог опять заснуть. Голова болела. На высоте трех тысяч метров логика рассуждений ослабевает и вопросы, которые «зацепили» наше сознание, становятся навязчивыми идеями. Франсуаза стала важнее, чем восхождение, к которому мы так долго готовились. Впервые за всю мою взрослую жизнь я отодвинул гору на задний план. Это было неопровержимым доказательством того, что сердце мое задето очень глубоко.

Мне захотелось немедленно оценить свои шансы в отношении Франсуазы.

Стараясь не шуметь, я отцепил перчатки и фонарь от горизонтальной штанги палатки, влез в ботинки, надел штормовку и, сжав зубы, расстегнул палатку. Макс повернулся на другой бок, но не проснулся. Сейчас даже лавина, пожалуй, не смогла бы его разбудить.

Я застыл у входа от ударов ветра и ледяной крошки, потом, прикрыв рукой горло, пригнулся и ринулся в темноту. Фонарь ничего не давал, он освещал только хлопья снега, которые били меня по щекам. Видимость была не дальше трех метров, в прогнозе погоды указывали беспокойную ночь. Снег скрипел под ногами, и я окончательно заледенел, пока нашел наконец палатку связи. С огромным облегчением запахнув вход у себя за спиной, я стянул перчатки и подышал на замерзшие руки. Дорого бы я дал сейчас за чашку обжигающего чая шерпов.

Спутниковый телефон, с помощью которого американцы транслировали свой бортовой журнал, стоял передо мной на складном стуле. Тип, дремавший рядом, приоткрыл глаза, и я, приложив палец к губам, шепнул ему по-английски, что мне надо позвонить во Францию, чтобы справиться в больнице о состоянии больного. Сон сморил его раньше, чем я закончил фразу.

Со сжавшимся горлом я набрал номер Франсуазы. В трубке раздался ее сонный голос, и сердце у меня отчаянно забилося.

– Франсуаза?

В трубке вздохнули.

– Макс? Это ты, Макс?

Разговаривая по спутниковому передатчику, надо было ждать после каждой фразы. Между вопросом и ответом проходило несколько секунд.

– Это Жонатан.

Я почувствовал в трубке панику.

– Как – Жонатан? Что? Не говори мне, что...

– Да нет, нет! Все в порядке, успокойся. Я себя чувствую идиотом, просто мне хотелось тебе позвонить.

– Позвонить мне? Но... но зачем?

– Мне хотелось убедиться, что тот поцелуй... Тот поцелуй в аэропорту не был ошибкой.

– Поцелуй?.. Жо, ты ненормальный. Ты спятил, если мне звонишь. Это ты понимаешь?

В ее голосе слышался страх. Голос дрожал.

– Прошу тебя, скажи хотя бы, что Макс не знает об этом звонке.

– Почему, Франсуаза? Ты так его боишься? При чем тут он? Или ты мне не все сказала?

– Жо, пожалуйста...

– Макс спит. Ты мне не ответила... Этот поцелуй...

– Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

У меня сжалось сердце. Стенки палатки ходуном ходили от порывов

ветра.

– Всего несколько слов. Тех, что я хочу услышать. И я повешу трубку.

Мгновенное замешательство, и этот миг тянулся целую вечность. Мне стало страшно. Сейчас могла рухнуть моя жизнь.

– ...Жо... ты живешь в воображаемом, каком-то детском мире и все видишь в розовом свете. Это твои губы в аэропорту приблизились к моим, а не наоборот. Я принадлежу только одному мужчине.

У меня внутри все разорвалось в клочья. Меня душила злость, и я не смог удержаться:

– А ты знаешь, чем занимается твой Макс, пока ты там ждешь его в одиночестве?

– Нет, и не хочу знать. Зато знаю, что, несмотря на все свои выверты, Макс меня любит.

– Но он все время смотрит на сторону! Все время! Послушай, Франсуаза. То, что со мной происходит, похуже горной болезни. Я влюбился...

Она вздохнула и сказала каким-то упавшим голосом:

– У нас с Максом будет ребенок, Жо. И этот ребенок нас сблизит.

Я укусил себя за руку, на глаза навернулись слезы. Хотелось завывать, но я не завыл, конечно. Не проронил ни звука.

– ...Я очень сожалею, что ты воспринял мой поцелуй как нечто большее, чем проявление дружбы. Не звони мне больше, Жо... Не сердись. Единственный мужчина... – И она повесила трубку.

Телефон так и остался у меня в руке, а вокруг все рушилось. Опустошенный, совсем без сил, я вышел в буран. И в тот момент, как я наклонился, донизу застегнув полог, сердце у меня забилося. Там, прямо под ногами, я увидел свежие следы. Кто-то топтался возле палатки.

Задохнувшись, я обернулся. За мной темнела чья-то тень. Среди ночи, в мельтешении снежных хлопьев ничего не было видно. Я так и не разглядел, кто это был.

В темноте блеснул металл.

Один раз, другой...

Все закружилось, я упал.

Очнулся я в тепле столовой, до пояса завернутый в одеяла. Был уже день. Меня окружали обеспокоенные загорелые лица. С десяток американцев, тайцев и французов из других групп. Макс сидел на краю моего коремата и ласково гладил меня по лбу.

– Думаю, что с вершиной на этот раз покончено, – сказал он, улыбаясь.

Я приподнял голову. Вокруг пахло антисептиком. Мне на грудь была наложена давящая повязка.

– А что... А что случилось?

– Парень из американской экспедиции вышел отлить и нашел тебя лежащим на снегу. Тебе еще повезло. Еще час – и ты бы окончательно замерз. Похоже, тебя ударили ледорубом. Но тебе и второй раз повезло: ни один из жизненно важных органов не задет.

Я потрогал повязку и поморщился от боли.

– Следы на снегу, – прошептал я.

– Все занесло метелью. У тебя есть хоть какие-то соображения, кто это мог быть?

Конечно, у меня были кое-какие соображения. Я пристально посмотрел на Макса. Это лицо я знал наизусть, каждая его черточка хранила отпечаток последних лет, проведенных вместе. Найти на нем хоть малейший признак лжи не получалось. И все-таки я знал, что он врёт, что он и есть человек с ледорубом. Кто еще мог бродить вокруг палатки в такой час? И кто еще мог злиться на меня до такой степени, чтобы хотеть убить? Я вспомнил, какое лицо было у Франсуазы в аэропорту. А вдруг Макс догадался о наших встречах? Вдруг он интуитивно почувствовал, что меня тянет к его женщине, почувствовал, что я ее целовал? Он импульсивен и властолюбив. Ему должно принадлежать все на свете, даже горы. Я провел пальцами по растрескавшимся губам:

– Я тоже вышел отлить, а в метели заблудился и оказался рядом с палаткой связи. Там меня и ударили... Наша палатка недалеко. Ты ничего не слышал?

Я не сводил с него пристального взгляда, и он тоже буквально впился в меня глазами. Мы были как два волка, что ходят кругами, готовые сцепиться.

– Абсолютно ничего. Не надо было мне напиваться на высоте три тысячи метров. Так не делают. Чтобы разбудить, меня пришлось бить по щекам. Если бы с тобой случилось что-то, я бы себе никогда не простил.

Макс взял мои руки в свои:

– Без тебя, Жо, я – только половинка меня. Я тебя очень люблю, дружок.

Он обернулся к тем, кто толпился в палатке, и воздел руки:

– *I love him!*

В палатке радостно зашумели. Мне принесли гималайского чая. Стиснув зубы, я немного приподнялся.

– И что же теперь делать? – вздохнул я. – Оставим как есть?

– Я бы удивился, если бы сюда добралась полиция или виновный сознался бы сам. Значит, оставим как есть, если ты не против. И он, улыбаясь, протянул мне руку.

Я помедлил и пожал ее. Мы скрепили договор молчания. Но в глубине души мне хотелось его убить.

– И что, ты так ничего и не узнал?

Голос так резанул мой слух, что я вздрогнул:

– Что?

Я повел глазами по сторонам. Красная палатка, у стенки револьвер, Фарид... И грозная тишина мира без надежды.

– Ну, это самое... Ты так и не узнал про тот удар, кто это был?

Мне понадобилось время, чтобы сообразить, где я нахожусь. Пропасть... «Истина»...

– А я что... что-то говорил? Что-то тебе рассказывал?

Фарид помахал перед собой рукой:

– Ну, ты хорош! Да тебе вообще пить нельзя.

В темноте я с трудом различил у себя в ногах бутылку водки. Ее содержимое заметно поубавилось. Отпихнув ее в сторону, я проговорил непослушными губами:

– Нет, у меня не было формальных доказательств... Но я знал, что это он, как и он знал, что именно я говорил его невесте в ту ночь. Однако мы оба сделали вид, что ничего не произошло. Об этой истории мы больше не говорили. Она стала для нас табу.

– Тебе это молчание было на руку. Обвинить его для тебя означало больше никогда не увидеться с ней. – Фарид повел плечами.

– Есть у тебя одно свойство, которое мне не нравится. Это твоя способность избегать проблем, словно их вовсе не существует. У тебя что, философия такая – игнорировать, вместо того чтобы сопротивляться? Во время ограбления ты позволил почти насмерть забить свою собаку. И с Максом ты предпочел молчать, вместо того чтобы поговорить начистоту. Да к тому же увел девушку у своего лучшего друга... Как ни крути, а это воровство. И все это заставляет думать, что и здесь ты тоже способен обмануть. Способен скрыть свои скверные поступки и заставить всех поверить, что ты вовсе не такой. И может быть, в конечном счете ты еще и врун, а?

Он достал зажигалку, вытащил последнюю размякшую сигарету и с трудом прикурил.

– Ну и что ты на это скажешь?

– Что нынче ты выглядишь не таким больным, а потому шел бы ты курить на улицу, пока я тебе яйца не открутил.

Мы забыли, что горы все еще держат козырную карту при себе, что они даруют успех, только когда находятся в наилучшем расположении духа. И если бы это было не так, то почему же восхождения в горах продолжают сохранять свое могучее очарование?^[21]

Эрик Шиптон. На этой горе (1943)

Мишель принес нам плоды своих неустанных трудов в пещере: три пары примитивно сшитых, но теплых рукавиц. В них, как в удобный закрытый мешок, умещались сразу все пальцы, включая большой. Движения в них получались скованные и неточные, но зато были невероятно теплые! Я и вправду никогда не надевал лучших перчаток. И все же, глядя на серый с коричневым отливом мех, согревавший мои руки, я видел Пока и слышал, как перед смертью он выл под сталактитами, вытянув морду в одну линию с грудью.

Наш мясник – он же скорняк, он же повар, он же рабочий – подбил мехом мои ботинки. Теперь ноги у меня все время были в тепле. Фарид окликнул меня, когда я доедал бульон с плавающим в нем костным мозгом.

– Ты ведь можешь напугать в этих штуковинах на руках. Ты в них похож на психа, сбежавшего из психушки.

– Должно быть, там мы с тобой и познакомились.

Он растирал себе ноги смесью воды и жира. А когда ноги перестали мерзнуть, то и кожа начала потихоньку смягчаться.

– И вот еще что, ты начал отъедаться. У тебя морда стала поперек себя шире. Щеки как у хомяка, лоб разгладился, и глаза уже не вылезают из орбит. Если бы я тебя таким увидел в первый день, я бы хлопнулся в обморок.

Он, видно, решил меня достать, но вкусный бульон – это все равно что таинство, это причастие, черт побери!

– Да ты сам меня не лучше. Постоянная сырость создала феномен повышенной гидратации. Мы отекали, у нас под кожей скопилась вода. Но думаю, ничего опасного.

Я поискал термометр, который клал обычно возле коремата, но не нашел. Я обвел глазами все вокруг, похлопал руками по земле. Фарид как-

то странно на меня посмотрел:

– Ты что-то ищешь?

– Мой термометр. Где он?

– А почему не вентилятор, раз уж ты здесь?

В разговор вступил Мишель:

– В пещере были только баллоны с газом, горелка, кастрюля, две тарелки, две пластиковые вилки, два стакана и те три чертовы фотки. Больше ничего.

– Да нет, термометр не из галереи, он был здесь, в палатке, когда я очнулся. Я его всегда клал у стенки, вы обязательно должны были его видеть.

– Никогда не видели.

Я пошарил в карманах. Ничего, кроме пачки из-под сигарет и кусочков апельсиновой корки. Я повернулся к Мишелю:

– Зачем ты это сделал? Зачем ты врешь?

– Ничего я не вру.

Я не верил собственным ушам. Термометр лежал там, я был абсолютно уверен, что не ошибся. Обхватив голову руками, я поднял глаза на Мишеля и поспешил сменить тему:

– А ты скоро снова начнешь копать туннель в пещере? Ты уверен, что мы сможем слиться в эту дыру?

Он вошел в палатку и поставил газ в горелке на минимум.

– Как я могу быть уверен? Я разбираю камни в одиночку, и еще не сказано, что у меня вообще что-то получится. Это зависит от количества и размера наваленных камней. И потом, кто сказал, что мы сможем выйти? Нам надо поскорее заняться ледником. Втроем мы с ним справимся.

Он пристально посмотрел на Фариду:

– Я уверен, что темное пятно в толще льда – не просто пятно. Думаю, вместе мы дня за два до него доберемся. Надо попробовать.

– Да на фиг надо скрести этот чертов ледник? – сказал Фарид. – Пустая трата времени и сил. Пещера лучше. И вовсе не потому, что оттуда мы притащили сюда еду и выпивку. Я болею и, честно говоря, мечтаю помыться теплой водой.

– Завтра будет видно. Но сначала надо набраться сил. Поесть, поспать. Я падаю от усталости...

Я подвинулся и, зевая, залез в спальник Фариды. Из головы не выходил эпизод с термометром. Но я же не debil. Может, они оба мне врут. Сговорились и хотят свести меня с ума. Надо не спать во что бы то ни стало. Мишель взял острый камень и сидел неподвижно, задумавшись.

– Есть еще одно дело, которое я хотел бы перед сном сделать сам... если позволите.

Он начертил на коремате еще одну вертикальную полоску. III II.

– Уже семь дней. Мы целую неделю сидим в этой дыре... А для меня это особый момент.

Похоже, он был взволнован. Ничего больше не говоря, он, как обычно, занял свое место слева. Мне стало любопытно:

– Что за особый момент?

– Извини, но это очень личное.

– Значит, не надо было и начинать, – проворчал Фарид. – Говори, раз уже начал.

– Не вижу ничего более личного, чем раздеваться друг перед другом догола, – добавил я.

Мишель протяжно вздохнул и уставился на свои перчатки:

– Полагаю, что со вчерашнего дня я кое-что сделал для Седрика. Я долгие месяцы носил это в сердце. Седрик умер в больничной палате, а я сидел рядом и все гладил его по лицу. В то время ничего нельзя было сделать. Ему было восемь лет. – Мишель взглянул на меня. – Синдром выжившего проявляется только в горах, поверь мне... У тебя на глазах погиб друг, но у меня-то умер сын. С этой драмой смириться невозможно. А как ты думаешь, что хуже? Потерять лучшего друга или сына?

Я отодвинулся от Фариды и положил руки под голову, глядя в пустоту. Мишель погасил горелку, и мы оказались в полной темноте.

– Хуже всего собственное бессилие, – ответил я.

– Ну, ты еще мог предотвратить трагедию. Не знаю, были ли вы в связке, к примеру. Но в моем случае это была болезнь. И с этой ужасной болезнью ничего нельзя было сделать.

Меня начала бить дрожь.

– С Максом что случилось, то случилось. Мы не связались, и он сорвался. Таков закон гор.

– Закон гор... Закон болезни...

Я вздохнул:

– А вот я ейчас должен находиться рядом с моей Франсуазой в больнице. Она ждала меня для очень важного дела. Скажи, Мишель, ты веришь в шанс?

– Мне что, правда надо тебе отвечать?

Я глубоко вздохнул. С того дня, когда я убил Пока, мне все время хотелось плакать. Отвратительное ощущение.

– А я вот верю. Больше чем когда-либо.

Я прикрыл глаза. Франсуаза... Губы у меня задрожали.

– И я должен был проводить ее в операционную и крепко держать за руку. Врачи сказали, что жить ей осталось не больше месяца. Если не появится шанс, болезнь вступит в завершающую фазу. У Франсуазы лейкемия. Мы два года искали донора костного мозга, вероятность его найти была один на миллион, понимаете вы это или нет? Я исколесил всю Францию, все центры трансплантации, написал сотни и сотни писем, сделал тысячи телефонных звонков, и все без толку. А потом... потом несколько недель назад чудо случилось само собой, в национальной картотеке появился подходящий донор. Франсуаза должна была... поехать для трансплантации в Гренобль, и это... так неожиданно.

Я сжал кулаки:

– Когда я отсюда выберусь, я снова увижу жену такой, какой она была раньше. Свою красавицу Франсуазу. Мы поедем путешествовать, она окрепнет. Мы наверстаем потерянное время вместе с дочерью. Все...

Закончить фразу я не успел.

Что-то холодное сдавило мне горло и перекрыло дыхание.

Мишель склонился надо мной и душил меня моей собственной цепью.

Я думаю, что в критической ситуации сначала срабатывает инстинкт, потом возникают чувства и только потом включается разум. Этим и опасны экстремальные ситуации: инстинкт может подтолкнуть нас к поступкам, противоречащим здравому смыслу. В такой момент невозможно понять, что правильно, а что нет...

Личные записки Жонатана Тувье, 1983

Отплевываясь, я повернулся на бок. В глазах было темно, голова кружилась. Я уже совсем задыхался в слизи, как вдруг в легкие ударила сильная струя воздуха. Я рывком сел, оглушенный, ничего не соображая, не в состоянии вспомнить, что произошло. Кто-то снова зажег свет. Мишель сидел, расставив ноги и обхватив руками голову, и плакал. Фарид стоял рядом, тяжело дыша и глядя на меня. Щека у него была в крови, из разбитой губы тоже сочилась кровь. Наверное, когда я отключился и умирал, он, несмотря на высокую температуру, бросился на Мишеля и попытался, как мог, меня защитить.

Дрожа всем телом, я дополз до кастрюли и налил себе стакан воды. Пока пил, половину пролил на куртку. Я все еще кашлял и задыхался. Мишель ткнул в меня пальцем:

– Дерьмо, вот ты кто! Надо было тебя убить! Идти до конца и давить, давить...

Фарид присел на корточки и смочил водой щеку.

– Что тут происходит? Да ты совсем пьян!

– Что происходит?

Мишель, всхлипывая, принялся бить кулаками по земле:

– Оказалось, что тем самым донором костного мозга должен был стать я.

Я поднял к нему помертвевшее лицо, стакан выпал у меня из руки и покатился по земле. Первой мыслью, пронизавшей сознание, было «я хочу умереть».

Я хотел умереть.

Ничего не соображая, я вскочил и с криком бросился прочь из палатки. Сразу стало темно. Я добежал до крепления цепи и выдерживал ее, пока в

кровь не расцарапал пальцы. Затылок обожгло ледяным холодом, и я услышал щелчок револьверного барабана. Рука сжала револьвер, дуло оказалось у виска, и я все нажимал и нажимал на курок. Ничего. Я снова закричал. Какое право они имели отнять у меня эту пулю? Она предназначалась мне!

– Так вот оно что! Вот что было предначертано!

Я орал в пропасть, мне хотелось голосом разорвать в клочья нутро «Истины», изранить ее и плюнуть ей в морду. Теперь ничто не имело значения, ничего больше не существовало. Я упал на колени. Я тут прикован, а Франсуаза умирает, одна, в безликой стерильности больничной палаты.

Кто-то погладил меня по голове.

– Франсуаза?

Я поднял глаза. Лицо моей жены постепенно растянулось и изменилось, волосы закурчавились. Это Фарид прижался ко мне. Я обнял его за шею и заплакал у него на плече. Ногти мои впились ему в спину.

– Франсуаза... Франсуаза...

А сзади гулко разносился жесткий, непримиримый голос Мишеля:

– И меня заставили пройти весь этот ад только за то, что я захотел спасти чью-то жизнь? Да что же ты сделал такого ужасного? Ладно, я оказался в дураках. Но ты-то? Ты?

В слезах, я покачал головой и вернулся в палатку:

– Я ничего не понимаю, Мишель. Клянусь, я ничего не понимаю.

Он бросился на меня, швырнул на землю и схватил за шею:

– А должен понимать! Должен сказать!

Я не сопротивлялся, у меня уже ни на что не осталось сил. Единственное существо, способное спасти любовь всей моей жизни, оказалось таким же узником, как я. Что может быть в мире хуже?

Мишель оттолкнул меня и с издевкой сказал:

– Ну и хорошо, если она уже померла.

Я его просверлил взглядом. Все вокруг вдруг стало красным. Красным... Красным... Мне непреодолимо захотелось его прикончить. Придушить этого треклятого чужака и заставить заплатить за все его преступления, каковы бы они ни были. Я больше не отвечал за свои слова:

– Ты что, всякий раз так думаешь, когда кто-нибудь умирает от лейкемии? «Ну и хорошо...» Потому что ты не смог спасти от этой самой лейкемии своего сына?

Его ответом было молчание. Так, значит, у его сына тоже была лейкемия. Я протер мокрые глаза, отцепил от «приманки снов»

фотографию, предназначенную Мишелю, и ткнул пальцем в глянцевую бумагу:

– Буква «С» на серьге к теперешнему дню рождения... «С» на татуировке, сделанной в прошлом году... Это «С» и тебе, и жене без конца напоминало о боли от потери сына.

Мишель, словно защищаясь, отступил к дальней стенке палатки. А я, почувствовав себя на верном пути, продолжал развивать свою мысль. Голова трещала от боли.

– Когда вы с женой узнали, что у сына лейкемия, вы разозлились на всю систему, правда? Я тоже через это прошел с Франсуазой. Ощущение невероятной несправедливости. Я злился на администрацию, на врачей, на всех, кто попадался мне на улице. Я себя спрашивал, почему они не бегут сдавать костный мозг, почему они ничего не делают, чтобы спасти мою жену? Почему они смеются, когда мне не до смеха? Я их ненавидел за безразличие. И ты, и твоя жена Эмили их тоже ненавидели. И эта ненависть никуда не делась, потому что ваш мальчик умер. Но он жил в вас самих. На твоём теле, в ваших душах и в моменты интимной близости. Когда вы ложились в постель, он был между вами. Вы каждую ночь слышали его дыхание.

– Заткнись! Заткнись или убью! Убью обоих!

– Нет, не заткнусь! На этот раз – нет! Через три года после его смерти ты решил предложить себя в доноры. Три года... Это долго... Почему? Может, ты решил поставить на этом крест? Спасти жизнь другому, чтобы самому спастись? А если твоя жена не хотела, чтобы ты спасал кому-то жизнь? Она подарила тебе сережку на день рождения, чтобы ты не забывал, что Седрик все еще с вами, что он жив, и не позволил другому выжить там, где умер твой сын. Эта сережка как напоминание, как способ сказать тебе: «Будь внимателен к тому, что делаешь. Седрик умер по вине других, и ты не должен их спасать». Она была против того, чтобы ты стал донором, ты настаивал. Несомненно, вы ссорились. И у нее в голове что-то сдвинулось... В общем, это она заточила тебя сюда. Она наказала тебя, она наказала меня и мою жену.

Я пристально на него посмотрел:

– Скажи, что я ошибаюсь...

Мишель встал, отбросил меня в сторону и выбежал в темноту. Я услышал, как он стонал и молотил кулаками по льду, конечно раненой рукой тоже. Фарид спокойно вертел на коленях перчатки.

– Не знаю, что и думать о вас обоих. С одной стороны, ты вроде бы прав, а с другой – говоришь совсем не то. Потому что если ты прав, то при

чем тут я? И почему его жена должна причинять зло твоей дочке?

«А я думаю, что все ты знаешь. Просто говорить не хочешь»

Фарид нырнул в свой спальник, а я оказался лицом к лицу с новой реальностью, и она была гораздо хуже, чем наше заточение: Франсуаза обречена умереть в одиночестве.

34

Меня так тянет взойти на Эверест, потому что он существует.

Джордж Мэллори (1886–1924)

Загадки альпинизма существуют и для тех, кто им занимается, и для тех, кто никогда не был в горах.

Жан Кристоф Лафай (1965–2006)

Альпинист – это человек, устремляющий свое тело туда, куда некогда посмотрели его глаза.

Гастон Ребюффа (1921–1985)

Гора не может быть правильной или неправильной. Гора опасна.

Рейнгольд Месснер (1944–)

Кто не рискует, тот ничего не имеет.

Сэр Эдмунд Хиллари (1919–2008)

В самом начале подумайте о том, что оно может стать концом.

Эдвард Вимпер (1840–1911)

Я не самоубийца. Я боюсь смерти, а главное – меня пугает то, как именно я умру. Этот страх – мое страхование жизни. Я не стремлюсь узнать, каков мой лимит прочности, ибо в тот день, когда я его узнаю, я уже не вернусь, чтобы об этом поговорить.

Эрхарт Лоретан (1959–)

Жонатан Тувье. Семь альпинистов, семь судеб. «Внешний мир», № 67, февраль 1987

Я пытался подобрать сочетание цифр на замке от ящика, используя важные даты. Например, даты рождения и смерти Макса Бека, 12.05.91. Никаких результатов. Макс умер, и я не знаю, что побудило меня на какую-то секунду подумать, что он причастен к тому, что с нами произошло.

Однако я об этом думал.

Дата смерти сына Мишеля, 04.02.07, тоже привела к неудаче. Дата его рождения была последним, что произнес Мишель. После этого он забился в угол палатки, сдавив кулаками свою железную башку, и сидел молча, даже не шевелясь. Я подумал, что он заснул сидя. Но он вдруг нахлобучил каску и ушел в галерею, где с остервенением принялся за работу. Оттуда

донесся его рык. Дело было совсем дрянь. Если физически мы себя чувствовали гораздо лучше, то наше моральное состояние с головокружительной скоростью катилось вниз.

Оборвался контакт с Фаридом. Он уже не смотрел на меня с прежним выражением, в его взгляде угадывался тяжкий упрек, словно во всем, что с нами случилось, виноват я. Я попросил его пойти вместе со мной колотить лед, но он мне не ответил и продолжал заниматься подбором цифр в замке, дойдя в этом занятии до десяти тысяч четырехсот двух комбинаций.

Десять тысяч четыреста три, десять тысяч четыреста четыре, десять тысяч четыреста пять...

Я изрядно приложился к водке, перечитал свое письмо к жене и отправился к леднику скрести его своей цепью. Смехотворная работа. Позади меня Мишель вдруг затеял какую-то несуразную суету. Он принялся таскать из галереи крупные камни и складывать их возле стены. Под тяжестью некоторых он просто сгибался: они весили не меньше тридцати-сорока килограммов. Я молча за ним наблюдал. Теперь он начал класть камни по отдельности. Пыхтя и взрыкивая, он их то катил, то тащил. На камни текла кровь из пораненной руки. Иногда он смотрел вверх, на сталактиты на потолке: то ли что-то искал, то ли от чего-то уворачивался.

Наконец он вроде бы закончил. Из этих треклятых каменюк он сложил две дуги, направив их в сторону стенки. Как будто... два гроба без крышек. И тут он вдруг резко ко мне обернулся, уткнув руки в боки. При виде его покрасневшей от крови каски я остолбенел. А он быстро вошел в палатку.

– Что это ты соорудил из камней? – спросил я, войдя за ним следом.

Не отвечая, он вонзил иглу с ниткой в руку, потом еще раз и еще... Поверх швов, наложенных Фаридом, легли еще два стежка. Потом он выпил все, что оставалось в кастрюле, и, не раздеваясь, залез в спальник, проворчав:

– Завтра... завтра будет нам чем поразвлечься...

Спустя две минуты он уже храпел, положив подбородок на сложенные кулаки.

Мы были единственными живыми существами в подземном мире. Порою ветер стихал, и глубокая тишина пустыни воцарялась и на море, и на бесплодных скалах. Я старался проникнуть взглядом сквозь туманную даль и разорвать завесу, прикрывшую таинственную линию горизонта. Тысячи вопросов готовы были слететь с моих губ! Где кончается море? Куда оно ведет?^[22]

Жюль Верн. Путешествие к центру Земли. Жонатан Тувье читал эту книгу перед пятым классом школы, она была рекомендована по теме «Расскажите о путешествии, которое вы хотели бы совершить»

Крик в ночи. Ужасающий крик.

Я резко сел, выдернутый из сна. У Фариды был тот же рефлекс, что и у меня, он тоже сразу поднялся. За палаткой часто мигал огонек. Я повернулся налево и потрогал спальник Мишеля. Он был пуст.

– Жонатан! Жонатан! Иди скорее!

Мишель орал так, словно увидел дьявола. Я в панике выскочил из мешка и оделся вчетверо быстрее, чем обычно. Наскоро натянув куртку, болтавшуюся вместе с цепью у меня на запястье, и кое-как обувшись, я вылетел из палатки в направлении голоса. Полуодетый Фарид, кашляя, в одних носках, несся за мной следом.

Мишель стоял на краю расщелины. К груди он прижимал огромный камень, и под тяжестью его тело выгнулось дугой. У его ног стояла наша кастрюля, завернутая в два грязных полотенца, фонарь и баллончик с ацетиленом. На мгновение он повернул к нам искаженное гримасой лицо:

– Там... я там видел... Надо его раздавить... Убить...

Голос его дрожал, тяжелый камень на груди не давал говорить. Я подбежал, запыхавшись. Сонное оцепенение меня еще не отпустило, и мозг силился понять, что к чему. На ум сразу пришел образ чудища из ночного кошмара. Позади меня дрожащий от холода Фарид натягивал брюки.

Я подбежал к Мишелю и встал у самого края пропасти. Ледяной ветер трепал мои волосы и проникал под свитер.

– Что? Что такое ты там увидел?

– Как ты падаешь...

Резкий толчок в спину бросил меня вперед. Сердце подпрыгнуло, пальцы пытались уцепиться за противоположный край расселины, которая меня буквально всасывала. От шока мне показалось, что у меня оторвалась рука. Тело мое сильно ударилось о стенку, в левом виске как-то странно шумело. Оглушенный, я застонал и открыл глаза. Цепь удержала меня, и я болтался в воздухе в двух метрах от края расселины. Сквозь завывание ветра сверху явственно доносился шум борьбы, глухие удары, потом хрип и звук падающего тела.

Потом все стихло.

Я висел в пустоте. Ветер свистел в ушах, добираясь до самых внутренностей. Здесь, внизу, было так темно, что я не различал даже собственных ботинок.

Я стиснул зубы. Железный браслет цепи нестерпимо больно впивался в руку. Мне удалось ухватиться за цепь, подняв левую руку. Но подтянуться вверх было невозможно. Для этого надо было перехватить правой рукой повыше, но мне не хватало слабины веревки: цепь слишком натянулась. Морщась от боли, я силился нащупать хоть одну зацепку на скале. Но скала была гладкая и скользкая, и мои ноги впустую месили воздух.

Я, не переставая, твердил себе, что могу упасть. Умереть. Я орал от страха и злости и, наверное, впервые умолял вбитый в скалу кол не выскочить.

Вдруг резкий рывок отбросил меня еще на метр вниз. Снова полоснула сильная боль в плече. Я барахтался в воздухе, попав в западню собственного веса. Теперь цепь опускалась чуть плавнее, брюки мои терлись о скалу, и мне приходилось отталкиваться ногами, чтобы не ободраться о стену. Смотреть вниз я не мог. Там была полная чернота, пропасть. И казалось, что бесконечно падаешь куда-то в темноту.

– Мишель! Прекрати!

Я вздрогнул: мои ботинки коснулись твердой поверхности. Измученное тело медленно опустилось на крошечный карниз, и сжимавшая руку цепь наконец ослабла. Весь превратившись в боль, я массировал плечо. У меня было такое ощущение, что мне в дельтовидную мышцу воткнули раскаленный добела меч и вытянули все сухожилия. Сверху, метрах в семи-восьми от меня, пробивался луч желтоватого света. Отсюда казалось, что он находится на другом конце вселенной.

– А теперь ты посмотришь, что в мешке!

Голос Мишеля гулко раскатился по подземелью. Я еле различал его поганую маску, свесившуюся с края расщелины.

– Что ты сделал с Фаридом?

– О нем не беспокойся. Мешок, я сказал.

Вжавшись в скалу, я посмотрел вниз. Сверток, узлами завязанный по краям, лежал в двух шагах от меня, у самого края дыры, уходящей вниз. У меня задрожали ноги, и захотелось опуститься на колени, но цепь не давала.

– Ослабь цепь!

Мишель исчез, и цепь ослабла. Тогда я понял, что тяжелый валун был ему нужен, чтобы контролировать мое падение в расселину. Несомненно, он прокатывал его по звеньям цепи, и, таким образом, я не расшибся о карниз. Кончиками пальцев я зацепил мешок и подтянул к себе. Ветер свистел в дыре. В жизни не видел я такого ужасного места.

– Я взял мешок. А теперь подними меня.

– Сначала скажи, что там внутри.

Вдобавок к тому, что я совсем заледенел, мне еще приходилось перекрикивать свист ветра, в то время как Мишель говорил нормальным голосом. Я подышал на застывшие пальцы и развязал двойной узел. Стараясь держать мешок так, чтобы Мишелю не было видно, я чуть раздвинул полиэтилен.

Стиснув зубы, я быстро заглянул внутрь. О господи... Фарид...

Подавленный, я снова завязал узлы.

– Ну и?.. Что там такое?

Я накрепко привязал мешок к правой лодыжке:

– Если хочешь узнать, сначала подними меня.

Ветер обжигал мне уши и пробирал до костей. Я отважился заглянуть вниз. В чрево вселенной. Там ничего не было. И тут я почувствовал за спиной какое-то движение. Быстро обернувшись, я увидел совсем близко от себя беловатое существо без глаз, длиной сантиметров двадцать, с липкими лапками, похожими на носки лыж. Это была саламандра. Она мне напомнила личинку гигантской ящерицы, и она явно меня рассматривала. Вдруг она повернулась и быстро-быстро принялась молотить по воздуху хвостом. В углублении скалы я с трудом различил кучку прозрачных шариков. Яйца. Отважная самка защищала свою кладку и свою территорию.

Так вот что за движения я раньше замечал на скале. Это была она, саламандра.

Получалось, что пропасть жила своей жизнью и нашептывала нам свои секреты. Пауки, саламандры, хрупкие нити плесени, которые возникали и множились на мокрых полотенцах. Сколько же еще невидимых существ

гнездится в этой расселине?

Внезапно моя цепь натянулась, и я быстро перехватил ее свободной рукой. Теперь мне было не до рассуждений, я надеялся только на то, что Мишель найдет способ меня вытащить.

Саламандра осталась в своем ирреальном мире, а я потихоньку начал двигаться вверх, при каждом рывке набирая сантиметров пятьдесят высоты и долго оставаясь на одном уровне между рывками. Думаю, Мишель использовал валун для блокировки цепи, и это давало ему возможность передохнуть. Мышцы у меня одеревенели, кисти рук жгло как огнем. Не знаю, сколько времени я продержался, прежде чем сдаться на волю силы тяжести. Свет стал ярче, сверху послышались звуки. Наконец показался край расселины. Я уцепился за него исцарапанными пальцами, подтянулся и вместе с последним рывком оказался на четвереньках, задыхаясь и упершись ладонями в землю. Слева от меня распростерся бесчувственный Фарид, у него на виске вспухла огромная гематома. Когда я поднял глаза, надо мной стоял Мишель, подняв над головой кастрюлю.

Глухой удар...

И полная пустота.

36

Почему некоторые люди лезут в горы? Да просто потому, что туда не лезут другие.

Надпись на безымянном вымпеле на вершине Эвереста

Это возвращалось циклом, раз за разом. Кошмар, который не может найти дверь, чтобы закрыть за собой.

Чернота. Холод. Головная боль. И потом опять все сначала.

Я то открывал, то закрывал глаза. Результат был одинаковый: кругом царила полная тьма. Я попробовал пошевелиться. Но меня словно сдавил гигантский боа-констриктор: и дышать-то получалось с трудом, каждый вдох через боль. Любое движение грудной клетки сопровождалось клацаньем цепи. Руки плотно примотаны вдоль туловища, ноги крепко сжаты. Расплющены или, точнее, связаны. Правое плечо горело. Я помнил, как падал в пропасть, помнил, как нацелилась мне в голову кастрюля. А потом – полное отключение.

Пошевелиться не получалось. Повернуться на бок тоже. И я внезапно ощутил у себя за плечами какую-то огромную массу, которая не давала двинуться ни вправо, ни влево. В гробу было бы не лучше.

И тут я понял. Мое тело полностью обмотано моей же собственной цепью и обложено каменной стенкой. В мозгу возник образ двух овалов, сложенных Мишелем из камней.

Застенки.

Я вытянул шею: это единственное движение, которое мне удавалось. Голова оторвалась от земли, и сразу острая боль пронзила лопатки. Я ничего не видел.

– Фарид?

– Жонатан? Это ты, Жонатан?

В полной тьме его голос звучал испуганно, и в нем сквозила паника. Я догадался, что Фарид находится совсем близко от меня, не дальше метра. Он простонал:

– Мне кажется, теперь он станет пытаться меня... Теперь он разозлился на меня. Каждый в свою очередь мы будем наказаны...

Вокруг нас все так же продолжали свою водную симфонию капли,

срываясь с потолка и разбиваясь о землю. Холод все так же трудился над моим застывшим лицом, по-прежнему завывала пропасть.

– Ты давно очнулся?

– Не знаю! Может, полчаса назад, может, час... Жо... Жо, мне кажется, что под цепью я совсем голый. Он меня полностью раздел. Я ничего не чувствую. Ни рук, ни ног. Ничего. Это как если бы... я где-то плыл. Ступни словно висят в пустоте, но пошевелить ими я не могу, клянусь. Я умру от холода, Жо... И быстро умру... Уйти отсюда раз и навсегда. Я больше не могу...

Голый... о господи! Я бы ему не дал и двух часов. Дыхание мое невольно участилось, и мне стало еще больнее. Я увидел себя в агонии, обмотанного цепью. Мы сегодня плотно поели, выпили много воды. Сколько еще времени пройдет до смерти? Сколько часов? Сколько ночей? Я начал быстро прикидывать в уме: а что, если Мишель пробил-таки брешь в завале и смылся? А что, если маска все же взорвалась и теперь он там валяется в темноте?

Я громко позвал его по имени. Потом постарался думать о Франсуазе, о дочери, вспомнить их запах... И снова ничего не получалось. Нет, надо было успокоиться во что бы то ни стало. Я опять повторил весь список высочайших вершин мира, вслушиваясь в шум крови у себя в артериях. Потом сглотнул слюну и сказал:

– В тот раз, когда Мишель тебя застал... Мой пес тогда чуть не съел письмо, которое я написал жене и положил ей под подушку... А теперь этот мусорный мешок, поднятый из пропасти... Это твои дела, а?

– Нет, нет. Я к этому не имею никакого отношения. Зачем? И что там было, в этом мешке?

– Деньги. Много денег. Значит, вор – это ты?

– Деньги, говоришь? Но зачем мне было тащить сюда деньги? Ты что, совсем того или как? Чем меня обвинять, ты бы лучше сообразил, как нам выпутаться из цепей.

– Истина, Фарид. Может, Мишель добивается истины.

– Истина? Да вот она, истина: ты, твоя жена и вся эта ваша история с лейкемией... Из-за вас я вляпался в это дерьмо. Такая вот истина...

Он зашелся кашлем. Болезнь снова одолела его, дойдя до глубины бронхов. Ну, разве что он умрет быстрее, чем я.

Я вздрогнул. Мне в лицо ударил желтый луч фонаря. Между двумя каменными кладками в позе йога сидел Мишель, кулаками подперев подбородок. Похоже, он все время находился здесь и слушал. Должно быть, это мне приснилось, но мои усталые глаза, которые теперь мало что

видели, различили у него на спине остатки собачьего меха. Сплющенная морда Пока свешивалась с маски, заляпанной кровью, а изодранная шкура доходила до колен. Ни дать ни взять зловещий шаман. Перед ним стояла горелка, в которой газ был явно на исходе, лежал острый камень и пластиковые столовые приборы. Я посмотрел на острый камень и прищурился. Нет, не может быть... Хотя я не был полностью уверен... По обе стороны камня виднелись тонкие ломтики мяса, плоские, словно отбивные.

Несомненно, мясо было человечесь.

Мишель холодно уставился на Фарида:

– А я полагаю, что истину ты так и не рассказал.

Я увидел, как застыло лицо у Фарида, который, так же как и я, был зажат в камнях.

– Ты совсем спятил, – выговорил Фарид, стуча зубами. – Прекрати, пока все это плохо не кончилось. Выпусти нас.

Заметив куски мяса, араб весь выгнулся.

– Мишель... это мясо, – он откинул голову, тщетно пытаясь вырваться. – Скажи, что это такое?

Он уперся подбородком в цепь, словно пытаясь разглядеть сквозь металл свое нагое тело. Мишель принялся точить о скалу острый камень.

– У меня для вас хорошая новость. Несомненно, лучшая с тех пор, как мы здесь. Мне удалось пробить брешь в обвале. В общем, теперь есть дыра, через которую вполне реально протиснуться. За ней туннель, ведущий на пологий склон. Словом, можно делать ноги. Одна проблема: я один могу в нее пролезть с этой штуковиной на башке, но я не знаю, взорвется она или нет.

Опершись руками о землю, он наклонился к Фариду:

– Знаешь, я жалею о старых добрых временах, когда еще не все скотобойни были приватизированы. Можно было делать все, что захочешь. А теперь... Все регламентировано, все под наблюдением. Пропало удовольствие. Занятно, но у тебя такие же голубые глаза, как у свиней. Мне всегда было любопытно читать в их глазах проблески ума и любознательности, пока свиней не охватывал страх, когда их загоняли в зал забоя. Ты бы видел их абсолютный ужас! В человеческой жизни все-таки случаются незабываемые вещи.

– Ты пьян. Перестань, пока...

– Пока – что? Ты своих дружков кликнешь? Или полиция придет меня арестовывать?

Он встал, разведя руки в стороны:

– Кто-нибудь видел тут полицию? И кто мне тут может сказать, что хорошо, а что плохо? – Он ткнул пальцем в Фарида. – Мне надо знать, выйду я отсюда один или нет. У тебя есть ответ, Фарид?

Парень промолчал.

– Есть множество методов заставить тебя говорить. Все они более или менее долгие. Времени здесь у нас вроде бы полно, но парадокс заключается в том, что времени-то как раз и не хватает. Следовательно, я вынужден прибегнуть к самому короткому и самому болезненному методу.

Он взял пластмассовую вилку и сунул ее в огонь. Вилка затрещала. Теперь он смотрел на меня:

– Тебя мне тоже надо было обездвигить, Большой Начальник. Иначе ты мне ничего не дашь сделать. Знаешь, я никогда не причиню зла безвинному. Но Фарид не безвиновен. Пусть он скажет, что у него было в багажнике фургона. Твой пес тоже не был безвиновен. Он вовсе не такой уж ангел. Он стащил то, что ему не принадлежало. Я просто восстанавливаю справедливость.

– Сейчас же прекрати и освободи нас. С помощью твоей брешки мы найдем выход. Не переступай нового барьера.

– Барьеры? А ты не заметил, что их уже давно не существует? И хотел бы я знать, какой выход ты найдешь.

Пластик начал плавиться, и Мишель принялся поворачивать вилку, пока она не превратилась в раскаленный шар. Швы у него на ладони странно поблескивали, и это придавало руке какой-то синтетический, чудовищный вид.

У Фарида так сильно дрожал голос, что он еле выдавил из себя:

– Ты что... ты что делаешь?

Мишель вдруг обернулся и вздрогнул. Подняв маску к потолку, он отложил вилку и, поежившись, потер себе плечи:

– Мне надо выйти отсюда... И быстрее. Пока не...

Он застыл на месте, глядя себе под ноги. Этот момент тянулся бесконечно. Вдруг он нагнулся к Фарида и ткнул раскаленным пластиковым шариком между звеньями цепи, прямо ему в грудь. Слух резануло отвратительное шипение паленого мяса. Фарид закричал. Я рванулся из своей цепи, пока меня не сразила боль.

– Перестань! О господи, прекрати!

Мишель стоял, выпрямившись, широко расставив ноги, и громко сопел. Я опустил глаза, вид раскаленной вилки, вонзившейся в тело, был нестерпим. Надо было как-то реагировать, чтобы прекратить эту пытку. Но

я был скован цепью. Мне оставался только голос, и я кричал и спорил. Мишель не слушал. В его безумном мире меня не существовало.

– Ты должен заговорить. Упорствовать бесполезно. Я тебя убью, Фарид. Что бы ни случилось, я тебя все равно убью.

Фарид всхлипывал, кашлял, задыхался. Белки его глаз закатились, он был близок к обмороку. Я извивался как дьявол и орал. Мучась собственным бессилием, я ясно, в деталях вспомнил сцену убийства Пока. Фарид понемногу пришел в себя и, хрипя, еле слышно твердил, что невиновен, а Мишель швырял ему в лицо пачки банкнот:

– А эти деньги, это что такое, а?

Фарид чуть качнулся, раскаленная вилка не отставала – видно, вошла в кожу. Он сплюнул кровь – наверное, прикусил себе язык или щеку. Мне хотелось умереть. Десять раз умереть. А Мишель оставался невозмутимым.

– Прекрасно. Тогда на этот раз я поинтересуюсь твоим горлышком.

Он взял вторую вилку и сунул ее в огонь.

– Я тебя уничтожу. Клянусь, после того как я вобью вот это в твою башку, я тебя порежу на куски, если ты не заговоришь. А из твоей шкуры сделаю себе сапоги.

Глаза у Фариды вылезли из орбит, он снова закричал. Сквозь цепь было видно, как его ногти впились в металл. Мишель опять обернулся, погрозил кому-то в темноте кулаками и, зарывав, принялся неистово скрестить себе шею. Огонь плясал на его заляпанной грязью маске. Пластик второй вилки потек. Мишель покрутил кистью, словно нанизывал мясо на вертел. Я не сомневался, что ему это нравилось. В глубине души ему нравилось причинять страдания.

– Ты предпочитаешь левый глаз или правый? А может, оба?

Я бы отвернулся и не смотрел, но у меня не было такой возможности. В этот момент я бы предпочел вовсе не существовать. Фариду все же удалось выдавить из себя:

– Я... спас тебе жизнь. Помнишь сталактиты? Помнишь?

– Все, что ты тогда сделал, – это продлил мои мучения.

Он встал и поднес раскаленную вилку к лицу Фариды. Парень расплакался. Мишель подносил руку все ближе, она уже была в нескольких сантиметрах от глаза.

– Хорошо! Хорошо, я все расскажу! Только перестань!

Мишель колебался, сопя, как дикий зверь. Если победит инстинкт – парень пропал. Тогда я опять заорал что было мочи, заклиная его выслушать Фариду. Он обернулся, посмотрел на меня долгим взглядом и снова вернулся к своей жертве:

– Мы тебя слушаем. И учти: в твоих же интересах ничего не упустить.

У нас есть два слоя сознания: один может себя обнаружить только выбросом адреналина, другой способен понимать математику, языки, суть возникновения Вселенной. Цивилизация существует для того, чтобы подавлять первый слой и выявлять второй.

Личные заметки Жонатана Тувье (1993)

Фарид дышал часто и шумно. Сил у него уже не было, и он слабо мотнул головой в мою сторону:

– Мне жаль, Жонатан, но тут есть много такого, что... тебе вряд ли понравится.

У меня сжалось горло.

– Говори, – сказал я, – говори всю правду...

Он устало откинул назад голову и уставился в потолок:

– Это началось лет пять назад... В четырнадцать лет я бросил школу и больше туда не ходил. Большую часть времени я проводил в сквернейших кварталах Лилля. Чаще болтался по Южному Лиллю, по Рубе и Туркуэну, по самым грязным местам в самой грязной компании. Там я начал баловаться наркотой, воровать скутеры, авторadio, бумажники...

Его монолог то и дело прерывался кашлем и слезами, зубы у него стучали. Временами я понимал, что он теряет сознание, но, помолчав, он продолжал в полубреду:

– Я впутывался в дурные дела, меня засасывало, как в водоворот, и выплыть я не мог. Вместе с двумя взрослыми приятелями я занялся грабежом домов. Мы крали все, что можно было продать. Телевизоры, микроволновки, холодильники, садовый и домашний инструмент, даже машинки для стрижки. Это оказалось нетрудно, и дело у нас пошло. Однажды один из моих приятелей подключил меня к дьявольской затее. Несколько недель назад он повстречал какого-то типа, и тот за изрядную сумму предложил ему нехитрую сделку в Аннеси...

Он взглянул на меня полными слез глазами, и мне почудилось, что меня сейчас вырвет.

– Ты попал в точку, когда сказал о разбое. И я почувствовал, что пропал. Ты прав, это я тогда явился в твой дом, четыре года назад. Тот тип,

он... он специально велел избить собаку.

Он громко шмыгал носом.

– В этом не было ничего личного. Просто контракт, понимаешь? Твой пес вовсе не был злобным, он даже не лаял. Этот тип нам все объяснил. Ничего не надо было выносить из дома, только сломать. Что-то разбить в доме, что-то раскурочить снаружи – и хватит. Он был... как под наркотой. Но... он сказал, что обязательно надо покалечить пса. И мы на него набросились и избили насмерть. Мы думали, что тебя нет дома: ни света в окнах, ни машины во дворе, ничего. А ты дома был, ведь так? Ты отсиживался наверху, в спальне. Если бы ты спустился, мы бы сразу удрали. А так... Мы разгулялись на полную катушку... – Он посмотрел на Мишеля. – Нас уже ничего не сдерживало...

Я резко перевернулся и чуть не задохнулся от кашля. Выходит, я прижимал к груди мучителя моего Пока. Я полюбил этого парня и поверил ему. Господи, до каких же пределов Ты будешь сокрушать меня? Силы мои кончились, жить больше не хотелось, и я так и остался лежать на боку.

– Три года тому назад меня взяли на краже скутера. Мне тогда только что исполнилось семнадцать. Вдобавок у меня нашли наркоту. К счастью, ни по разбою, ни по грабежам у них на меня ничего не было. Меня уpekли в воспитательный центр, и я там промучился два года, клянусь. Родители мне этого никогда не простили, и я с ними практически больше не виделся. Ты был прав, Жонатан, брата у меня нет. А эта пила, что видна на фото в фургоне, она... она имеет отношение к нашему пребыванию здесь.

– Говори правду!

Он снова закашлялся. Чтоб он сдох. Я его ненавижу. Мишель присел на корточки, собрал купюры в кучу и поджег. Яркое пламя взметнулось вверх и затрещало. Моему лицу стало тепло... Господи, как же тепло стало моему лицу! Фарид закусил губы.

– Здесь я вам все время врал. Я шатался из дома в дом, родители от меня отказались. Единственное, что мне хотелось, – это найти работу. Стать... нормальным человеком и жить как все. А потом, месяца два назад, ко мне заявился какой-то тип. Он ждал возле дома, где я тогда кантовался. Я его никогда раньше не видел. Высокий, лысый, в шикарных ботинках, в кожаных перчатках, в толстой куртке, каскетке и солнцезащитных очках. Он смахивал на американскую кинозвезду.

Мишель подбрасывал купюры в самый дорогой огонь на все времена.

– Не тот ли это был парень, что покончил с собой? Не наш ли труп из пещеры?

– Не знаю. Оба здоровенные, и оба лысые. Возможно... но не знаю.

Лица не было видно. На парне все время были каскетка и темные очки.

Мишель вздохнул. Кулаки его угрожающе сжимались и разжимались.

– Ясное дело, лицо... А ты знаешь, сколько лысых в этих краях?

– Но ведь снимал же он очки хоть раз, – сказал я. – Какого цвета были у него глаза?

– По-моему, карие. Глубоко посаженные, холодные. И этот шикарно одетый тип, ну, кожаные перчатки и все прочее, вдруг ни с того ни с сего предложил мне работу. Простую работу, но он сказал, что она может принести большие доходы. Надо было перевезти кое-какой материал. Он тут же выдал мне пачку денег: тысячу евро. И я его сразу спросил, насколько это... ну, как сказать...

– Законно?

– Да, законно. Он сказал, что нет никакого риска, а под расчет я получу в сто раз больше. В сто раз, соображаешь? Сто тысяч евро. Я ему не поверил, тут явно было что-то не так. Так в реальной жизни не бывает.

Он не сводил глаз с костра, в котором сгорала его многолетняя зарплата.

– Мне во все это ввязываться не хотелось. Я вернул ему бабки и ушел обратно в дом. Но фокус заключался в том, что вместе с тысячей евро он сунул мне в карман номер телефона. Не знаю, как он ухитрился. И на бумаге было еще написано: «Собака в Аннеси...» Значит, четыре года назад это был тоже он. Опять тот же тип. Я позвонил ему через неделю и спросил: «Почему я, а не кто-то другой?» И он ответил: «А почему кто-то другой?» Почему кто-то другой... Вот такой был ответ.

Он замолчал – наверное, потерял сознание. Мишель привел его в чувство, наступив ему на грудь и прижав цепь ботинком. Фарид закричал.

– Продолжай.

Он перестал давить ногой на цепь, только когда парень с трудом снова заговорил. В его мозгу словно открылся краник, через который хлынула правда. Слабым, еле слышным голосом он продолжал:

– Все это меня мучило, я не спал по ночам... Сто тысяч евро для меня, который еле перебивался с хлеба на воду... К тому же я знал, что тот тип – человек надежный. За собаку он тогда хорошо заплатил. В общем, я ему снова позвонил и сказал, что согласен. Он велел приехать в Ниццу пятнадцатого февраля и объяснил, что там придется задержаться дней на десять, потому что с инструментами надо будет нехило идти. И я сказал себе, что, если все это окажется действительно опасным, я всегда смогу смыться. Я сел в скорый поезд, и мы снова увиделись. Но на этот раз на нем был совсем другой прикид, ну, примерно как на нас здесь. Так

одеваются альпинисты. Теплые брюки, какая-то странная куртка, теплые перчатки. Чертовски подозрительный прикид. А уж драндулет... ну, точно не классный. Задрипанный пикап восьмидесятых годов, ну, вы его видели на фото. Но мне уже не хотелось идти на попятную... И вот он завез меня черт-те куда, в какой-то лес у подножия горы. Я в географии никогда не был силен.

Мне хотелось собрать максимум информации.

– А примерно сколько километров от Ниццы?

Он медлил с ответом, словно не понимая, о чем его спрашивают.

– Не знаю. Мы ехали около часа.

Час езды... Пригороды Ниццы, а может, и граница между Францией и Италией.

– Этот тип был не особенно болтлив. Он вообще мало говорил. Так, всего несколько слов. Мы остановились в каком-то старом шале, стоявшем в лесу, на отшибе. Мобильник не ловил сеть, не было ни дороги, ни соседей. Нищенская избушка не то охотника, не то дровосека. Никакого отопления, очень холодно. Он мне тут же сунул в лапу десять тысяч евро. Наличкой. Я был ошарашен. В шале он мне показал, что надо перевезти. Все было свалено в углу. Какое-то оборудование: старые кемпинговые корематы, баллоны с газом, этот... этот фонарь с газовым баллоном... Короче, все, что тут у нас...

Он перевел дыхание.

– Я едва успел что-то сообразить, как мы сразу принялись за работу. Он мне сунул в руки пневматический перфоратор, а сам закинул на спину уже собранный рюкзак, и мы отправились в путь. Весь груз запихали в багажник, часть дороги проделали на пикапе, а потом шли пешком. Вышли из леса, долго поднимались вверх и оказались в месте, похожем на лунный пейзаж. Стоял жуткий холод, ветер дул не переставая. Вокруг не было ничего, кроме скал, а вдали виднелись покрытые снегом горы. По дороге нам никто не встретился. Место было какое-то мертвое, нездоровое... Край света...

Он закашлялся и чихнул.

– Минут через двадцать ходьбы от пикапа начался спуск сюда. Это было жутко. Неприметная трещина в земле под большим камнем, который он сдвинул в сторону. Только-только протиснуться... Часть ската в эту дыру была пологой, а иногда шла круто вниз, и мы спускались почти вертикально. Все это походило на санную трассу...

– Как за оползем в пещере?

– Примерно.

Он посмотрел на меня:

– Мы по камину не спускались... Я помню галерею. Ну, там, где копал Мишель... Я ему хотел задать кучу вопросов, но он меня остановил: «Никаких вопросов, если хочешь получить деньги». Я не соображал, что делаю. Сколько же мы спускались – может, полчаса? И тут он велел все сложить, и мы пошли наверх. Я не понимал, зачем вообще ему нужен. Все это барахло он смог бы перетащить и сам. Может, ему не хотелось десятки раз ходить туда-сюда? Четыре руки все же лучше, чем две... Когда мы вернулись в шале, был уже вечер. Я измотался и смертельно устал. Он положил меня спать в одной из комнат хижины и сам улегся рядом. Мы спали не раздеваясь, даже перчаток не снимали, настолько было холодно. И ни о чем не говорили. Утром, очень рано, мы снова вышли. На этот раз я должен был нести ящик с пилой... Он тоже тащил какой-то мешок, но я не знал, что там. Да и не хотел знать, плевал я на все это. Сделать работу, забрать деньги и уйти... Хотя, если подумать, там вполне могли быть цепи и железная маска...

Он покачал головой и сплюнул кровь пополам с желчью.

– На следующий день я отдыхал. Он оставил меня одного и сказал, что у него еще есть кое-какая работа и он вернется через пару дней. У меня была постель, обогреватель и консервы, чтобы пожрать. Даже маленький радиоприемник. Я не могу читать, но для денег это не важно. И оба дня я потратил на то, чтобы считать и пересчитывать свои десять тысяч евро. Я замерзал, но мне было хорошо. Понимаете? Что плохого я сделал? Я помог какому-то чокнутому типу перетащить вещи под землю, правда неизвестно куда. В этом не было ничего странного.

Мишель уже едва сдерживался. Он схватил острый камень и замахнулся, словно хотел ударить Фариду по лицу:

– Ничего странного?

Фарид отвернулся и зажмурился. Но удара не последовало.

– И ты смог разглядеть железную маску? – спросил Мишель. – А взрывчатки или еще чего-нибудь такого в шале не заметил?

– Нет, нет... А маска и цепи... я не был в курсе, не знаю... Я начал задавать себе вопросы только на четвертый день, когда он открыл багажник пикапа. Там лежал какой-то большой тюк, что-то завернутое в тряпку и замотанное скотчем. Вы его видели на фото. Этот тюк мы несли вдвоем и...

Он замолчал и снова застонал.

– В тюке было тело, да?

– Думаю, нет. По форме тюк напоминал тело, но уж больно легкое и в

какой-то странной позе, словно скрюченное. Нет, точно не тело, но что-то в нем было нехорошее. Да я и не пытался дознаться, что там такое. К моей жизни это отношения не имело. Я ходил по горам с незнакомым человеком, мы лазили в какую-то дыру, сгружали там всякое барахло, и я оказался при деньгах. Это все.

– А какое было число?

– Девятнадцатое февраля.

Я задумался. Что-то тут не вязалось.

– Девятнадцатое... А меня похитили двадцать пятого. А тебя, Мишель?

– Примерно тогда же.

– И это...

– Нет, нет, – отозвался Фарид. – Я знаю, о чем вы подумали. О трупе в галерее? Я не его спускал девятнадцатого. С одной стороны, он должен был быть гораздо тяжелее, а с другой – он был совсем еще свежим, когда Мишель его нашел. Его убили не раньше утра того дня. Нет, штука, завернутая в тряпку и замотанная скотчем, – это было что-то другое.

Он дрожал от холода.

– Дайте договорить, надо же все-таки договорить... Мы спустили вниз этот тюк, и тут меня охватила паника, сам не знаю почему... И он мне показал мусорный мешок, набитый бабками. Моими бабками. Девяносто тысяч евро. Вы знаете, что такое держать в руках девяносто тысяч евро?

– Сгорают за пять минут. Продолжай.

– Он оставил мешок там и сказал, что через несколько дней он будет моим. Тюк мы спустили как есть, не распаковывая, и поднялись наверх. Я оглянулся на мешок с деньгами и размечтался... Сто тысяч евро...

Он пристально посмотрел на кучку красного пепла.

– Меня снова оставили одного в шале, на этот раз на пять дней. Я колебался: удрать или нет? Сбежать в лес со своими десятью тысячами евро и исчезнуть в неизвестном направлении.

– Но ты же не сбежал.

Фарид заплакал. Мишель наклонился и схватил его за волосы:

– Да плевать мне на все твои сожаления и слезы. Слишком поздно. Давай дальше.

– Все произошло... в тот самый день, двадцать пятого февраля. Он сказал, что это последний день и что к вечеру я получу деньги. Часов в пять утра мы сели в пикап и снова поехали к лесу. Остановились, как обычно, и он открыл багажник. На этот раз там лежали три больших, как огромные сосиски, тюка, завернутые в одеяла... Погода была мерзкая, дул ледяной ветер, темень непроглядная... Я думал, превращусь в ледышку

прямо на месте. Он сказал, последний день... Последнее задание... Я схватил первый тюк и вытащил его из багажника. Он глядел на меня и улыбался. «Скорей, – сказал я ему, – надо поскорее закончить». Я догадался, что в тюках. Тела... Тела, от которых он хотел избавиться, я был уверен. Наверняка это были трупы... и по каким-то причинам он хотел их спрятать в той дыре, куда мы спускались, где никто не станет их искать. Мы снова туда полезли, как и раньше. Он осторожно нес свою ношу на плече, да еще и мне помогал тащить. Только... только тебя, Мишель, нам пришлось нести вдвоем. Одному человеку не осилить. Он наверняка потому и позвал меня, чтобы спустить в дыру тебя. И тут я задел за скалу тем, что могло бы быть головой, и он крикнул, чтобы я был поосторожнее. Я подумал, что он хочет меня убить. Чего осторожничать с трупами? Я старался делать все быстро, но ему, видно, хотелось донести их нетронутыми. У этого типа явно не все дома, так что чем скорее я свалю, тем будет лучше.

Теперь Фарид дышал с долгим свистом, а зубы стучали уже не переставая.

– В одном из тюков был твой пес, Жонатан. Тюк был легче остальных и по форме напоминал собаку. Я его нес один.

Обмотанный цепью, я не мог даже кулаков сжать. Ногти скребли по ткани брюк. Я взглянул на Мишеля. Он расхаживал с угрожающим видом, держа в руке острый камень. Мне стало страшно за Фариду.

– Это было ужасно, я думал, что умру от усталости, я больше не мог. Когда мы спустились в пропасть, этот человек зажег лампу, и тут я увидел палатку. Настоящую палатку, поставленную на землю. И вдруг в какую-то долю секунды меня осенило: в тюках живые люди, а этот тип – сумасшедший, больной на голову. В худшем смысле этого слова. Он мне улыбнулся в последний раз и развернул одеяла. Вы оба были живы. А на тебе, Мишель, уже была железная маска. Тогда он бросил мешок с деньгами мне в лицо, навел на меня револьвер и сказал: «Вот твои бабки. Сказано – сделано. Но я сильно сомневаюсь, что они тебе здесь понадобятся. Не думаешь же ты, что я позволю тебе выйти отсюда?» И он все выбросил в пропасть: инструменты, какую-то часть барахла. Остальное вы знаете. Он мне что-то вколол, как и вам. Как и вы, я очнулся не сразу там, на верхотуре, на карнизе, и рядом лежал мешок с деньгами и твое письмо, Жонатан. Прочсть это письмо я не мог, я вообще не знаю, зачем мне его подсунули, но это то самое, которое нашел твой пес. Когда... когда я понял, что вы рано или поздно доберетесь до моего карниза, я решил выбросить все в пропасть, сказав себе, что, на худой конец, смогу потом

достать. Ну и бросил за скалу.

Губы его дрожали, они были не то фиолетовые, не то темно-темно-розовые.

– Ну вот я вам все рассказал. Я так и не узнал, что это был за тип и зачем он все это сделал. Зато я точно знаю, что не должен был вам ничего говорить. Ведь это я приволок вас сюда. И теперь вы меня убьете.

– Ага! – рявкнул Мишель.

Фарид мотнул головой в мою сторону:

– Пока мы тут сидели, я понял, что все это имеет отношение к тебе, Жонатан. Маловероятно, что он из-за меня все затеял. Он знал о грабеже, знал, что мы с тобой в каком-то смысле связаны. Точно так же, как ты связан с Мишелем через лейкемию. Это тебя он хотел уничтожить, а нас только использовал, меня и Мишеля. Мы всего лишь... орудия мести.

У меня перехватило дыхание. Горло и язык обожгло чем-то кислым. Значит, я и есть цель такой мести... Все усилия, многолетняя подготовка, поиски материала... И все подгадано как раз к моменту пересадки костного мозга у Франсуазы, с расчетом, чтобы мы страдали еще сильнее.

Я, Франсуаза, Клэр... И, кроме нас троих, еще один человек, умерший девятнадцать лет назад...

У меня в голове без конца вертелось одно ужасное имя. Потому что в этом была логика.

Макс Бек.

Но как... как, черт возьми, это было возможно? Как он смог выжить после падения? А потом спуститься с горы и при этом не умереть от голода и жажды? Я же сам видел, как он улетел в пятикилометровую расщелину, черт возьми!

Хотя... Мы же живы, а просидели в подземелье не меньше недели... Воля границ не имеет.

Я был далек от того, чтобы впасть в панику, но попытался вспомнить черты найденного в галерее трупа. Лысый череп... У Макса была шикарная шевелюра... Карие глаза, как сказал Фарид... У Макса глаза были голубые. Может, линзы? Все было как-то мутно и неясно. И так давно. Прошло девятнадцать лет. И все девятнадцать лет я пытался забыть.

И Макс все эти девятнадцать лет готовил долгую, бесконечную месть...

– Фарид, когда ты притащил нас сюда, Мишеля, Пока и меня, ты говорил о каком-то первом тюке. Ты его спустил еще девятнадцатого, и он был легкий. А это могла быть девушка весом в пятьдесят килограммов?

– Нет-нет, не думаю. Но среди инструментов была пила, которую он выбросил в пропасть двадцать пятого, держа меня под прицелом. В те дни,

когда я оставался в шале, он спускался сюда работать. А пила... мне кажется, она нужна была, чтобы пилить лед. Вы не замечали, а во льду что-то виднеется, если хорошо взглядеться. Среди трещин есть такие, что явно сделаны каким-то инструментом.

Он перевел дух и выдохнул:

– И они расположены как раз вокруг непонятного темного пятна.

Я мечтаю о пених птиц, о запахе земли, размятой в пальцах, о зеленой сияющей листве растений, которые я заботливо поливаю. Мне хотелось бы купить клочок земли, где водились бы олени, кабаны и птицы, росли бы тополя и клены. Там я выкопаю пруд, где поселятся утки, а по вечерам рыбы станут выпрыгивать из воды, ловя насекомых. А в лесу будет полно тропинок, и мы с тобой забредем в самые укромные уголки... Выйдем на берег, к воде, и растянемся на траве. И обнаружим маленькую дощечку с надписью: «Вот он, реальный мир»...

Чарльз Боуден. Кровавая орхидея. Отрывок, который Жонатан Тувьё велел выгравировать на пластинке розового гранита и поставил на тумбочку возле больничной койки Франсуазы

Мы погрузились в молчание. Мишель уселся между нашими закованными в цепи телами и затих. Он не двигался. Я пробовал кричать, спрашивал, что же теперь с нами будет, но не добился никакого ответа. Видимо, ему надо было обдумать дальнейшие действия. Убивать или не убивать? И как убить? Напрямую, с помощью оружия, или косвенно, уморив голодом, холодом и ранами?

Фарид стонал то громко, то еле слышно. Смерть подкрадывалась к нему медленно, исподтишка. Прошло долгое-долгое время, и Мишель ожил. С мрачным и загробным, как его маска, видом он разобрал наконец камни вокруг меня и ушел, не сказав ни слова и забрав с собой фонарь.

Я, насколько мог быстро, покатился по земле, чтобы размотать цепь, и пополз к стонущему Фариду. Теперь я мог двигаться свободно, мне не мешали ни цепь, ни каменная загородка. Все мышцы и кости отчаянно болели, локти и колени хрустели. Сгорбившись, я все ближе подползал к парню. Насколько же я постарел в этом подземелье, наверное, превратился совсем в старика...

Мишель ушел к леднику и теперь нещадно молотил камнем по льду. Осколки разлетались во все стороны. Я снял перчатки и оглядел свои руки. Они совсем одеревенели, сухожилия отзывались резкой болью. Я был одет, и то промерз, а что же говорить о Фариде, который лежал совершенно голый, да еще обездвиженный цепью?

Я принялся разбирать камни вокруг него, но у меня получалось слишком медленно. На его лице уже не отражалось ни страха, ни боли.

– Давай... Еще немножко, последнее усилие... Повернись на бок...

Он не шевелился и никак не реагировал на мои слова. Сжав зубы, я отодрал расплавленную вилку, прилипшую к коже, и толкнул его, чтобы он покатился по земле. Цепь размоталась и освободила заледеневшее тело. Я взвалил его на плечи, побрел к палатке и поспешно, со слезами на глазах, уложил его в спальник. Мишель искромсал ему подошвы, и это была действительно пытка. Больше он никогда не сможет ходить, ни в этом подземелье, ни вообще где-нибудь. Я начал лихорадочно искать его одежду, перерыл все спальники, заглянул под корематы. Нигде ничего. Тогда я выбежал из палатки и бросился к Мишелю. Я колошматил его кулаками по спине, а он все долбил и долбил лед, сдирая с рук кожу.

– Его одежда! Где его одежда?

Он даже не посмотрел на меня. Изодранная шкура моего пса раскачивалась у него на спине в такт каждому движению.

– В пропасти.

Я близок к панике.

– Дай тогда горелку, и немедленно!

– Если хочешь, возьми, она там, за красной линией.

Я вцепился в шкуру Пока и повернул Мишеля к себе:

– Я тебя прошу. Он умрет, если его сейчас же не согреть.

– Мы растратим весь газ. Это наш последний баллон.

Я стоял перед ним и силился отыскать за этой жуткой маской хоть каплю человечности. Отбежав к скале, я схватил камень покрупнее и поднял его над головой.

– Валяй, – ухмыльнулся Мишель. – Размозжи мне черепушку. Только смотри не промажь. Давай, я перед тобой на колени встану.

Он встал на колени и опустил голову. Чтобы убрать его из этого мира и, может быть, остаться в живых, мне надо было сделать всего одно движение.

Но руки мои вдруг ослабли, и я в ярости швырнул камень об лед.

– Ну как ты мог с ним такое сделать?

Мишель поднялся с колен:

– Правильный вопрос звучит не так: как *ты* мог сделать такую жуть, что мы все оказались здесь. По-моему, ответ прячется там, в толще льда.

Он подошел к прозрачной стене и указал на еле заметную линию среза внутри льда, которая ясно просматривалась, потому что он направил свет в нужную сторону.

– Она была здесь с самого начала. Правда, тут повсюду трещины, и она прячется среди них. И тот подонок прекрасно это знал.

Он сунул кусок льда себе в рот, с ужасающим хрустом его разжевал и холодно сказал:

– Если бы я замахнулся на тебя камнем, я бы пошел до конца. Ты хоть это понимаешь?

– Прекрасно понимаю.

Он снова принялся за работу. Во льду темнела какая-то фигура, из-за преломления света она казалась разъятой на фрагменты. Мне тоже хотелось сколоть лед и посмотреть, что там внутри. Но надо было выбирать: открыть истину или сохранить жизнь Фариду.

Я выбрал: помчался к палатке, на ходу стягивая с себя куртку, которая повисла на браслете от цепи. Я дернул изо всех сил, пока не затрещала ткань. То же самое проделав с пуловером, я бросился к Фариду и принялся растирать ему все тело ладонями. Он дрожал. Я обернул ему ноги свитером и курткой. Он даже не застонал, он больше вообще ничего не чувствовал. Я быстро разделся догола, всунул его спальник в свой и прижался к нему всем телом. У меня было такое впечатление, что рядом со мной глыба льда. Свернувшись у меня в руках, как ребенок, он что-то шептал, но понять его было невозможно. Он говорил по-арабски – наверное, молился, прижав колени к подбородку. На губах выступила пена, лоб пылал от жара. Его организм угасал. Я еще и еще растирал его, отдавая тепло моего тела, моего сердца. Он как-то сразу расслабился и впал в забытье. Дыхание его становилось все медленнее, и я похлопал его по щекам, чтобы он пришел в себя. Он очнулся, задыхаясь и что-то бормоча в темноте. Дышал он с трудом, сердце еле билось, ребра чуть вздрагивали. Жизнь еще боролась за себя.

– Ты крепкий. Надо держаться.

Он вцепился пальцами мне в спину:

– Когда я умру, ты... меня обмой, заверни в ткань... и помолись за меня...

– Даже и не думай умирать, понял?

– Ты... сможешь это сделать, Жо? Ты мне... как родной... Я тебя очень люблю... дедушка...

– Я тоже тебя люблю. А прежде... вообще мог бы влюбиться.

– А... это не надо... Есть еще одна вещь... последняя... Меня зовут не... Умад... Я и тут соврал... Моя фамилия...

Он дернулся и затих. А мое тело словно разрядилось: холод того, кого я пытался согреть, перешел в меня, и сразу накатила слабость. Тьма была

почти полная, только со стороны ледника мерцал слабый огонек. Фарид умирал, и меня охватило отвратительное чувство бессилия: он сдался, прекратил бороться за жизнь. И теперь мне оставалось только согреть его и ждать.

Макс, Макс, Макс... Это имя без конца вертелось у меня в мозгу. Я думал о Клэр, о Франсуазе, о горах и о том, что произошло там, наверху, на Сиула-Гранде... Я закрыл глаза, и целый вихрь беспорядочных воспоминаний на несколько минут унес меня в прошлое...

39

На самом деле убеждения гораздо опаснее лжи. [\[23\]](#)

Фридрих Ницше. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов (1878)

Октябрь 1991 года.

Спустя пять месяцев после смерти Макса.

Часть какого-то дома. В центре кухни мы с Франсуазой, ни печальные, ни веселые... Картина встречи двух влюбленных, которая вполне могла быть и первой встречей. Встреча окрашена страстью, которую пытаются унять, словами, которые силятся не произносить, жестами, которые прячут украдкой. Цвета вокруг приглушенные, ни мрачные, ни яркие. Небо низкое, серое, солнца нет. Несколько незаживающих ран от обморожения еще остались у меня на руке, которая нежно берет Франсуазу за подбородок и приближает ее губы к моим губам. Мы целуемся. За нами виднеется детская коляска, из которой высовываются две пухлые ножки.

Конец мая 1991 года.

Пятнадцать дней после смерти Макса.

Зал аэропорта. Чемоданы, едущие по ленте багажного транспортера. Я среди безмянной гудящей толпы. Накануне я специально побрился, чтобы выглядеть человеком, но отросшие волосы, растрескавшиеся от холода губы и впалые щеки сразу меня выдают, и ошибиться невозможно: я живой мертвец. Люди вокруг смеются, ликуют от радости, потому что скоро будут опять в кругу семьи. На заднем плане электронное табло с информацией о прибытии. Мой самолет тоже обозначен. Лима – Париж. Я печально смотрю налево, туда, где за плексигласовой стенкой могут появиться встречающие. Оттуда на меня смотрит женщина в черном кожаном пальто, ее темные волосы стянуты в такой тугий узел, что черты лица расплываются. Похоже, она плачет. Руки ее прижаты к плексигласу. Франсуаза меня ждет.

12 мая 1991 года.

День смерти Макса. На склоне Сиула-Гранде.

Наше иглу неожиданно осветила вспышка молнии. Мы провели ужасную ночь, пришлось выкопать пещеру в снегу, иначе мы умерли бы от холода. Вокруг нас, на тесных сводчатых стенках, поблескивают кристаллики льда. Мы с Максом вгрызаемся в снежное логовище айсбайлями.^[24] И наконец пещеру прорезает конус света. Луч вполне живой, золотистый. Из наших ртов валит густой пар. В углу на плотно утрамбованном снегу лежат наши рюкзаки, на нагревателе стоит мятый металлический стаканчик.

Макс высовывает голову наружу:

– Погода хорошая. Гора наша!

И вот мы вылезаем на карниз. Сияет солнце, резко очерчивая гребни гор, окаймляя каждую выемку голубоватой тенью. Природа открывает дивный вид, и это придает нам мужества. А мужество понадобится: высота пять тысяч метров, да еще солидный перепад. Водрузив на нос солнечные очки, я переодеваюсь у входа в пещерку. Голый торс с двумя старыми шрамами обвязан понизу свитером. Три пальца у меня в плачевном состоянии, кончики почернели, и я не знаю, насколько глубоко проникло обморожение. Макс, как обычно, смотрит вверх. Он внимательно изучает вершину на фоне неба. Громадина в форме акульего зуба высится перед нами. До нее осталось метров сто.

Мой компаньон по восхождению, подбоченившись, стоит метрах в двух или трех от пропасти. Мы как тряпичные куклы, подвешенные между двух миров. Макс потягивается и улыбается мне:

– Ну что в мире может быть лучше? Ночью чуть не погибнуть, а наутро снова возродиться из пепла, как феникс...

Я улыбаюсь в ответ, съедаю черносливину и ставлю чай на горелку, которую мне с трудом удастся зажечь обмороженными пальцами. Обернувшись, я вижу, что Макс стоит у меня за спиной. Его слова больно отдаются в ушах:

– Это будет наше последнее восхождение вдвоем. Когда я вернусь домой, мы с Франсуазой уедем.

Я не понимаю, и мои губы бормочут:

– У... уедете? А куда?

– Туда, куда ты не сможешь добраться. И ты ее больше не увидишь.

Он поднимает карабин и пристегивает к поясу. Потом, связавшись со мной крепким беседочным узлом, одаривает меня улыбкой:

– Я никогда не видел, чтобы ты отступал, Жо. Ты не сдашь ни метра гранитной стенки. Ты и в жизни такой, хуже лишая. Если уж ты что начал, то доведешь до конца. Это-то меня и пугает. Кончится тем, что

ты ее у меня уведешь...

Он тычет пальцем вверх. Там, совсем близко, вершина.

– Погляди на вершину. Хорошенько погляди, как смотришь мне в глаза. Если ты считаешь, что, уехав с Франсуазой, я совершу паскудство, то давай вернемся. Я спущусь вниз вместе с тобой и отдам тебе свою женщину. Ну, как поступим?

Я не шевелюсь, закусив губы. Сердце у меня вот-вот разорвется. Макс ухмыляется:

– Я так и думал. Ты никогда не отцепишься от карабина, даже ради женщины. Потому что ни один альпинист в мире не повернет назад, находясь так близко от вершины. Эта вершина нужна, чтобы дальше планировать другой проект, еще более амбициозный и опасный. Вернуться назад – все равно что вскрыть себе вены и позволить времени вытечь сквозь них. Все равно что предать гору. Ты же альпинист, Жо, самый что ни на есть. Мы с тобой выкованы из одной стали.

Я трясую головой, на моей физиономии написан гнев.

– Я не такой, как ты. За пределами горы ты никого не уважаешь. Даже Франсуазу. Ты ее не заслуживаешь.

Он приподнимает веревку, которой мы крепко связаны:

– Может быть, Жо. Валяй, даю тебе последний шанс: вниз или вверх? Франсуаза или вершина?

Я смотрю наверх, а Макс, подняв руки, отходит к краю карниза. И вдруг связующая нас веревка натягивается: это обрушился карниз.

Макс исчезает из виду.

Он повисает в пустоте, и его удерживает только наша веревка...

На восхождении жизнь зачастую висит на ниточке.

Жонатан Тувье. Журнал «Внешний мир» (1990)

У меня в ушах раздался хрип. Со слезами на глазах я вскочил, задыхаясь, перевернул мальчика-араба и принялся нажимать руками ему на грудь:

– Фарид! Фарид!

Я припал ртом к его безвольным губам, дышу изо всех сил, его грудь вяло приподнимается и снова опадает.

– Дыши! Пожалуйста, дыши! Борись! Борись! Борись!

Сил нет никаких, но я не привык отступать. Лоб у меня взмок, капли пота покатались на побелевшую грудь мальчика. Я жму и жму, нажимаю кулаками так же яростно, как Мишель вгрызается в лед. Я стучу ему по груди и кричу. Безжизненное тело подскакивает, как тряпичная кукла.

Все, сил больше не было. Я прекратил качать.

Фарид был мертв. Я долго плакал у него на груди, потом положил пальцы на веки и осторожно закрыл ему глаза.

Его история закончилась у меня на руках, как и жизнь Пока.

«Истина» забрала его.

41

Когда мне придет время умирать, я умру вдали от гор, в красивом месте, под пение птиц...

Личные заметки Жонатана Тувье (март 2007)

Я оставался в палатке, пока грудь Фариды, прижатая к моей груди, не остыла. Не помню, сколько еще времени это хрупкое тело хранило тепло, но понемногу все, что можно назвать жизнью, уходило из него, растворяясь в проклятой пропасти. Я не верил в Бога и в загробную жизнь, а он верил, вот что было важно. И я всем сердцем надеялся, что он вырвется отсюда и поднимется в небо, которое так любил. Молча расстегнув молнию на спальнике, я раскрыл его и набросил на Фариду. Завитки черных волос выбились из-под покрывала, и я наклонился и поправил их, чтобы тело скрылось полностью. Потом прошептал ему то, что, наверное, отец должен был бы сказать сыну: пожелал удачи и простил. Без сомнения, это была молитва.

Выйдя из палатки, я подошел к Мишелю, который молотил и молотил по льду.

– Фарид умер.

Он, пыхтя, обернулся ко мне:

– Видел, сколько я уже сделал? Хороша работенка, а?

И он отпихнул ногой горки ледяной крупы.

– Если сможешь, мы выберемся отсюда часов за пять-шесть.

Сейчас он был мне противен до глубины души.

– Ты должен дать мне горелку. Я хочу натопить воды, чтобы обмыть тело. А потом скажу слова молитвы. Что-нибудь такое... более торжественное.

– Молитву, говоришь? Ты что, издеваешься? Горелка останется где стоит.

– Ты убил мальчишку. Если мы когда-нибудь отсюда выберемся, я постараюсь, чтобы ты окончил свои дни в тюрьме.

– В тюрьме? Это было бы шикарно.

Он смерил меня косым взглядом:

– Ты что, думаешь, сыщики поверят первому же слову психа?

Я потерял над собой контроль и вцепился ему в горло. Мне хотелось, чтобы его башка отлетела прочь, как пробка от шампанского, и чтобы он знал, кто его убивает.

– И в тебе нет ни капли сострадания?

Мы сцепились и покатались по земле. Своей железной маской он крепко заехал мне по носу. В ушах у меня раздался треск, по губам потекла кровь. Барахтаясь, мы выпихнули из крепления баллон с ацетиленом.

Пламя горелки погасло.

Наступила полная тьма.

Мы тут же прекратили схватку.

И тут прозвучал сигнал тревоги: зашипел газ.

Утечка.

В темноте Мишель выпустил меня, и я услышал, как он ползает по ледяной крошке. Оглушенный, я сел, весь дрожа. Ледяной туман застилал глаза. Паника охватила меня, и я лихорадочно ощупывал землю.

– Скорее! Газ уходит!

– Баллон у меня!

Я подполз на ощупь и нашарил руку Мишеля с газовым баллончиком, который поддерживал нашу жизнь с той минуты, как мы очнулись в подземелье. Баллон шипел все сильнее, вокруг распространялся резкий запах. Я нащупал рукой наконечник и отключил подачу газа, но шипение продолжалось. Наверное, на баллоне трещина... Может, соскочила гайка, которую я уже однажды закручивал, может, какая другая мелкая деталь на выходе газа.

Мишель заорал мне прямо в ухо:

– Весь газ уйдет! Сделай что-нибудь!

Я ничего не видел. Из носа на пальцы лилась кровь, и я мог дышать только ртом. Каждая потерянная секунда стоила минут и часов жизни. Время бежало все быстрее. Мы топтались вокруг баллона, пытаюсь найти выход. Мишель снял куртку и попытался заткнуть дыру в баллоне, но газ проходил сквозь любую преграду, сквозь ткань, сквозь малейший зазор. Сделать ничего было нельзя. Ничего.

– У меня есть зажигалка, – прохрипел Мишель, – можно осветить, чтобы починить баллон.

– Нет! Сгорим заживо!

Он замолчал. Я еще попробовал поправить регулировочный винт, шланг. Ничего не выходило.

– Пошарь вокруг, может, что-то отскочило: винтик, кран, гайка!

В темноте я рылся заледеневшими руками в кучках льда. Газ шипел

вовсю, наши глотки тоже свистели и шипели. Никогда еще в этой пещере не было так темно и холодно.

Наконец последняя струйка газа улетучилась с усталым чмокающим звуком. И надолго настала тишина.

– Эта идиотская драка дорого нам обошлась. Может, надо было чиркнуть зажигалкой и спалить обоих, к чертовой матери. Все бы быстро кончилось. А теперь что делать?

Мы словно плыли ни в чем и нигде. Не было видно ни рук, ни ног.

– В палатке есть еще горелка. Чуть-чуть света даст. Сколько, Мишель? Сколько там осталось газа, по-твоему?

– С полбаллона осталось.

Полбаллона... Я поднялся.

– Четыре часа! Это много, четыре часа! А если экономить, то и дольше хватит!

Я потянул его за рукав:

– Давай! Давай отыщи горелку!

Мишель встал, и я услышал, как он топает к палатке. Он долго чиркал зажигалкой Фарида, пока наконец слабый огонек не осветил наше самое ценное имущество. Тридцать сантиметров пластика на две человеческие жизни.

Я обхватил голову руками. Четыре часа... О господи... Последние четыре часа, которые я проживу. Но что такое четыре часа? За четыре часа Франсуаза родила Клэр.

Четыре часа. Но это конец. Смертная казнь. Я-то думал, что мы продержимся еще дня три-четыре, а то и пять! А может, и неделю... А тут – четыре часа...

– Эй, Мишель! Давай иди сюда с газом!

Искорка тепла отдалилась, и *Тьма* поглотила ее почти сразу. Я уселся в позу эмбриона, обхватив руками плечи, как в детстве, когда слышал шаги отца на лестнице.

Я ждал. Ждал возвращения Мишеля, хватался за него, как утопающий за плот. Он вел себя непростительно, как варвар, но мне не хотелось, чтобы он меня бросил. Не хотелось умирать. Тем более так, одному, в кромешной тьме пропасти.

Вокруг все было каким-то ненастоящим и зловещим.

Наконец появился Мишель с горелкой в руке. Она была поставлена на самый малый огонь.

– Мне уже можно подойти? – спросил он.

Ацетилен уже должен был рассеяться.

– Давай.

Он осторожно приблизился и поставил горелку рядом с баллоном с ремешками. Все озарилось живым светом. Я наклонился и поднял треснувший болт и круглую гайку, которые лежали на льду совсем рядом. Мишель уселся напротив, сунув зажигалку в карман брюк.

– Ты сказал, примерно четыре часа. Четыре часа, а я даже уже не понимаю, что это значит.

Он несколько секунд помолчал.

– Слушай меня, Жонатан, слушай внимательно. Это худшее из решений за всю мою жизнь... Надо дать газу выгореть еще наполовину. И вот как раз тогда...

Он сел совсем рядом со мной, всего в нескольких сантиметрах. Его дыхание утратило запах. Теперь от него несло пустотой, полным отсутствием жизни.

– Я попытаюсь использовать свой шанс, забрав горелку. Я попытаюсь пробиться сквозь завал, мне... Он поднес руки к голове. – Ну, в общем, ты меня понял? Что толку израсходовать газ до конца, а потом сдохнуть вдвоем на корематах? Надо все испробовать. Даже если я взорвусь.

Я не мог препятствовать ему в желании жить. И я согласился, пытаюсь сохранить мину гордой и сильной личности. Но вот чего я страшился... Умереть в одиночестве, в полной темноте. Мишель уже уходил, когда я схватил его сзади за штаны:

– Если уж так должно случиться...

Я указал на острый камень:

– Ты мне его оставишь?

Он раскрыл ладонь и посмотрел на обломок скалы, который позволил нам делать уйму вещей: есть, пить, резать мясо... А теперь вот... и умереть...

– Можешь на меня рассчитывать.

Он крепко, до крови, сжал камень в кулаке.

– Мы оба, и ты и я, натворили дел. Но нельзя мешать человеку умереть, как он хочет. Достоинно, не обоссавшись...

– Спасибо...

Он застыл, уставившись в землю:

– Фарид умер, потому что сделал нам зло. Он сделал зло нам обоим, Жонатан.

Он схватил меня и поставил на ноги:

– Давай за работу. Надо действовать как можно быстрее и постараться добраться до темного пятна. Становись напротив ледника, а я погашу свет.

Будем его зажигать каждые полчаса, чтобы посмотреть, насколько мы продвинулись.

Он поставил горелку рядом с прозрачной стеной. Я подошел, держась рукой за нос и утирая кровь рукавом куртки. Правая ноздря распухла, – видимо, удар сместил перегородку. Стиснув зубы от боли, я ощупал нос. Так и есть, хрящ ушел направо, это всегда бывало, стоило мне удариться носом. Я хорошо знал, какую боль мне сейчас предстоит вытерпеть. А может, не надо вправлять перегородку? Чего ради? И однако, я плотно сжал нос пальцами, как тисками, и рванул налево. Раздался хруст, и я повалился на землю, громко вскрикнув. Снова, но уже в последний раз, хлынула кровь.

Я потянул воздух носом, теперь ничто не мешало дышать.

Мишель загасил горелку.

Он остервенело колошматил по льду острым камнем, а я поднял цепь и вслепую принялся долбить ею. Нос на каждое движение отзывался болью, меня сгибало пополам, но чем больнее было, тем быстрее я колотил. Мелкие ледышки отлетали мне в рот, и я их разжевывал. Было больно, отовсюду наступал холод. Я уже не видел ни Мишеля, ни Фариду, ни Клэр, ни Франсуазы. Только себя и свое отражение в зеркале льда и страдания. Одни и те же движения, одно и то же мигание света: зажегся, погас, опять зажегся, опять погас. Проходили часы. И тут Мишель схватил меня поперек живота и оттащил в сторону:

– Погоди пару минут. По-моему, уже можно что-то различить. Надо только чуть отполировать лед. Делай, как я.

Он снял рукавицы и, как тряпкой, стал мелкими кружками натирать ими лед. Уперев локти в колени, я снова задышал ртом. Мы изрядно вгрызлись в лед и прорубили нишу сантиметров сорок глубиной, в метр шириной и в метр высотой. Теперь я понимал, как действовал наш мучитель. Он пилой распилил ледяную стену на десятки блоков, засунул в нишу «объект», а потом опять заложил кусками льда. При сильной влажности блоки быстро смерзлись, а стыки производили впечатление природных трещин.

Поверхность, в которую мы врубались, была мутным нагромождением ледяных кусков, но постепенно становилась все прозрачнее. Мишель как можно ближе поднес к ней горелку. То, что казалось нам черным пятном, в ходе работы все больше проступало сквозь лед и прояснялось. Уже обозначились выпуклости и линии формы... И тут сердце мое отчаянно забилося.

Меня охватил панический ужас.

Я выхватил горелку из рук Мишеля и поднес ее к самой ледяной стенке:

– Ты видишь то же, что и я?

– Похоже на тело. На скрюченное тело. Но Фарид говорил...

Меня затошнило. Мишель встряхнул баллон с пропаном:

– Газ действительно на исходе. Надо заканчивать работу, а потом... а потом, Жо, я...

Я отступил на два шага, размахнулся цепью и ударил изо всех сил. Цепь как молния пронеслась, едва не задев Мишеля, и врезалась в лед. Человек в железной маске вскрикнул и отскочил. А я все молотил и молотил. Меня захлестывало волнами какого-то нехорошего возбуждения, и это придавало силы усталым мускулам, заставляло работать за пределами возможного. Я чувствовал, что за время нашего подземного заточения прошел все ступени лестницы, ведущей к ужасу всех ужасов. И каждая ступень приближала меня к вершине черной башни, где вечно кружатся вихри и где кричат в этих вихрях души, не находя покоя. И эта проклятая башня гораздо опаснее Эвереста, наверху меня ждет место, где невозможно умереть спокойно.

Сантиметр сдавался за сантиметром. Пять, десять... Мишель куда-то ушел и вернулся с едой. Мы зажгли горелку, согрели воду и еду и принялись есть руками здесь же, рядом с ледником. Я одолевал свою тарелку в несколько приемов, то и дело останавливаясь, когда к этому вынуждал выброс молочной кислоты. Потом снова принимался за еду, и минут через пять все начиналось сначала. Мы не разговаривали, только кричали от усилия, стиснутые пропотевшей одеждой. Меня несколько раз вырвало. Организм уже ничего не принимал, – видно, всему пришел конец. Мы были почти у цели, осталось сантиметров тридцать. Мне очень хотелось посмотреть, что же там, – ждатель стало невоготу. Мы снова зажгли свет и терли рукавицами стенку. Растрескавшийся слой отвалился, и под ним оказался зеркально-гладкий лед. За ним виднелась босая нога. Виднелась совершенно четко, на этот раз преломление света не мешало и не искажало форму. Я оттолкнул Мишеля. Сжав перчатку, как губку, я тер и тер, постепенно продвигаясь направо. Ноги... икры прижаты к тонким белым бедрам, слишком тонким, чтобы принадлежать мужчине. Мой желудок снова скрутило узлом. Больше не могу, больше не выдержу... А сам все тер и тер ледяную стену. Мишель отступил в сторону. Я понял, что он знает. Знает, как и я...

Я же отказывался верить, не желал, и все тут. Слезы жгли мне веки, а я смотрел на белокурые волосы на голых плечах и выглаживал лед выше,

ближе к мраморному лицу, ожидавшему только меня, и больше никого.

Вдруг в луче света сверкнули две аметистовые искры. Лицо было повернуто ко мне побелевшими губами. Ноги у меня подкосились, ногти впились в лед и скрежетали, процарапываясь к ней.

Широко открытыми глазами, во всей белизне своего прекрасного тела, на меня смотрела моя дочь Клэр.

Она мне улыбалась.

Острый приступ бреда: внезапное и мощное проявление бредового состояния. Различают краткие психотические приступы, возникающие без видимых причин, и приступы, обусловленные какими-либо внешними факторами. Интенсивность симптомов, их большая или меньшая внезапность при отсутствии предвестников именуется в классической медицинской литературе термином «гром среди ясного неба». Такое состояние называют приступом, поскольку, как правило, оно длится несколько недель, а затем, уже в ослабленном виде, может проявляться в течение полугода.

Доктор Патрик Пармантье, психиатр. Выступление перед экспертной комиссией в ходе судебного процесса над обвиняемым в убийстве

Я подполз к Мишелю и схватил его за щиколотки:

– Убей меня, прошу тебя. Стукни меня камнем. Сжался!

Я просил его, умолял. Он даже не пошевелился, только хрипло дышал, как зверь, уставившись тяжелым взглядом на тело Клэр. Все вокруг словно застыло. Я расстегнул рубашку и подставил холоду вспотевшую грудь. *Тьма* и *Истина* уже вылизывали ее своими большими языками. Пусть они меня проглотят, настало мое время уйти. Мне на этой земле больше делать нечего.

Мишель наклонился, застегнул на мне рубашку и накрыл своей курткой. У меня уже не было сил оттолкнуть его руку.

– Тебе еще рано уходить. Надо дело доделать, расчистить до конца.

Единственной нитью, соединявшей меня с жизнью, было желание знать. Мне надо было знать, страдала ли она, измывался ли он над ее телом, как сейчас глумится над моей душой. Мишель уже снова принялся долбить лед. А я не мог встать: все кружилось перед глазами. Мой палач очистил наши жизни от шелухи. Он сумел разыскать грабителя, он все знал про Клэр, про Франсуазу, про Мишеля. Он проник в компьютер моей дочери, знал ее манеру строить фразы, изучил все ее характерные словечки. «Il mio eroe». Мой герой...

Я лежал, зажав кулаками рот, смотрел, как Мишель медленно

подбирается к телу моей девочки, и плакал, не сдерживая себя. Я был готов биться до конца, не сгинуть в утробе «Истины», чтобы быть с Франсуазой до последнего вдоха. Но она тоже не вынесет всех этих ударов. Отчаяние довершит то, чего не сделала болезнь.

Мишель сколол весь лед, и тело моего ребенка теперь хорошо было видно. Оно покоилось в ледяной нише. Моя Клэр лежала, как Спящая красавица. Мишель отдышал, согнувшись пополам. Я медленно поднялся, но сам идти не мог, и он меня поднял и потащил. Я вцепился ему в плечо, и мы медленно пошли по ледяной крошке. Лед хрустел у нас под ногами, а мои глаза не отрывались от губ моей девочки. Я пристально следил за ними, я знал, что они вот-вот зашевелиятся. Но ничего не произошло. Осторожно, дрожащими пальцами я прикоснулся к ее лицу, погладил холодные щеки. Теперь, когда она была так близко от меня, я вдруг почувствовал, что что-то тут не так. Глаза мне застилала слезы, и все же... Во взгляде слишком голубых для трупа глаз было что-то синтетическое, неестественное. Наклонившись над нишей, я пытался найти татуировку, которую она сделала на левом плече с месяц назад. Колибри: скорость, красота и свобода.

И я ее не нашел. Может, не с той стороны смотрел? Да нет, на другом плече тоже никакой татуировки. Я отпрянул, поскользнулся на льду и упал.

– Но это... это не моя дочь, это...

Сердце выпрыгивало из груди, когда я поднялся, поднес палец к ее глазу и слегка надавил. Послышался чмокающий звук, я нахмурился и надавил сильнее. Глазное яблоко выскочило, перевернулось в воздухе и стукнулось о землю возле моих ног. На пустую глазницу мягко опустилось веко. Ни крови, ни зрительных нервов, ни мускулов...

Губы мои сами собой забормотали:

– Да это же... Господи, это же...

Я ощупал щеки, лоб – пальцы потонули как в масле. Приподнял руку – дряблую и слишком легкую. Сжал кисть – она оказалась без костей. Из горла у меня вырвался хриплый крик, я упал на колени, протянув руки к ледяной витрине, и расхохотался, не в состоянии остановиться. От смеха у меня разболелся живот, свело все внутренности... Я с трудом выговорил:

– Это... это не моя... не моя дочь... это же... муляж!

Подошедшего Мишеля я схватил за штаны:

– Но значит... значит, она жива! Жива, слышишь?

Он отпихнул меня и принялся изо всех сил мять манекен:

– Невероятно, у нее есть волосы, брови... Похоже, это латекс.

– Латекс, латекс... Клэр занималась в школе макияжа... Должно быть,

там убийца и спер этот...

Мой вконец расстроенный организм теперь пребывал в эйфории, и я наблюдал, как Мишель вытащил муляж из ниши и, сделав пару шагов назад, выпустил его из рук. Удар получился глухим и вялым. Второй глаз тоже выскочил и теперь лежал в кучке ледяных осколков. Мишель наклонился и взгляделся:

– А он здорово сделан, этот стеклянный глазик.

Я все смеялся и смеялся, живот свело от боли, но остановиться я не мог.

– Кончай ржать, как животное, кретин!

Но я уже ничего не мог поделать и только громче расхохотался. Тогда Мишель засунул мне прямо в рот пригоршню льда. Я задохнулся и повалился набок, отплевываясь. Но смех сидел во мне и рвался наружу. Пришлось задержать дыхание и прикусить язык. Из носа снова закапала кровь, но мне было все равно. Мишель нагнулся над скрюченной на земле куклой и принялся выдирать волосы, пока она совсем не облысела.

– Ничего. Но должно же быть хоть что-нибудь. Хоть какой-нибудь знак. Иначе зачем он приволок ее сюда?

Он раздвинул и выдернул челюсти, резиновые зубы разлетелись во все стороны. Он принялся исследовать тело манекена сверху донизу, развел ноги и безжалостно их вертел туда-сюда, оседлав безжизненную массу латекса. Не знаю, что на меня нашло, но мои сведенные судорогой пальцы буквально вонзились в отверстия железной маски, словно хотели выцарапать ему глаза.

– Не трогай мою девочку!

Мишель взвыл от удивления и боли, а мои ногти впились ему в кожу, я повалил его и укусил за спину. Он дернулся, откинул голову назад, и железный затылок пришелся мне прямо в лоб. Я почти вырубился, но его не выпустил. Он встал, и я повис у него на спине, обхватив ногами за икры. Тогда он повернулся спиной к леднику и ударил меня об стену. Я сразу его выпустил и упал, а он принялся молотить меня по груди кулаками. Волна воздуха ринулась в мои легкие, я жадно вдыхал кислород, а кто-то тем временем тянул меня за волосы назад. Мишель ткнул меня носом между ногами муляжа, а потом обвил свою цепь мне вокруг шеи.

– А теперь ты мне объяснишь, что это такое.

Он потянул назад, и мне показалось, что у меня тоже сейчас выскочат глаза.

Как раз над лобком куклы были написаны три слова и короткая фраза:

«Вор.

Лжец.

Убийца.
Буквы, цифры. И замок откроется...»

43

...Твой последний взгляд остался со мной, и тяжелее всего было вынести его.

Всем великим людям, кто ушел в горы

И не вернулся.

Личные заметки Жонатана Тувье (12 июля 1991)

Мои губы произнесли имя, которое давно уже кануло в лету:

– Это он. Это Макс Бек.

Мишель выпустил меня и откатился в сторону. Горелку он погасил и, скорее всего, теперь лежал, как и я, на спине, раскинув в стороны руки и ноги.

– Ладно, допустим, Макс Бек. Тот, что погиб, сорвавшись в горах... Макс Бек или не Макс Бек – меня сейчас не это интересует. Я хочу знать одно: как отсюда выбраться. Черт, где же разгадка? «Буквы, цифры. И замок откроется». Как он откроется?

Я все еще не мог поверить. Деятнадцать лет молчания... Все эти статьи о его смерти... Похороны... Кто мог бы выжить на такой высоте, в одиночку, со сломанной ногой? Спустившись с горы, я потом еще пять дней сидел в базовом лагере, чтобы окончательно убедиться, что он погиб. Выходит, он выжил? Высоко в горах, с их ледяными ночами, без воды и пищи? Как же ему удалось?

Среди альпинистов гуляет множество небылиц. Да и мы сами разве не оказались внутри такой небылицы? Так или иначе, а Макс выжил и теперь явился, чтобы отомстить. Деятнадцать лет расчетливой подготовки. И все эти девятнадцать лет он знал, что я у него отнял все.

Я начал улавливать смысл своего заточения. Уже восемь дней я нахожусь в ловушке, в чудовищных условиях, цепляясь за последний лучик света, и я все еще жив. Потому что во всей этой истории есть что-то глубоко алогичное, какая-то тайна, которая заставляет нас выживать за пределами физических и умственных возможностей. Макс выжил в горах, а теперь заставляет меня выживать здесь. И заставляет пережить все, что пережил он.

Я с силой сжал руками лицо:

– Одному Богу известно как, но он снова объявился среди живых.

– И все ради того, чтобы пустить себе пулю в лоб в галерее? И не увидеть, как ты мучаешься?

– С него станется. Ради жеста, по причине, известной только ему. Он вполне был способен все это организовать. У него не осталось другого смысла жизни, только месть.

Мишель шумно вздохнул, и в этом вздохе я почувствовал покорность судьбе.

– Однако мне придется забрать у тебя горелку и, возможно, пойти на то, чтобы взорвать свою башку. Ведь это я должен был спасти твою жену. И я считаю, что имею право знать... Знать правду.

И я начал рассказывать:

– «Вор, лжец, убийца». Эти слова обрели смысл только теперь. И относятся они ко мне, и ни к кому больше. «Вор», первое слово... Это было в мае девяносто первого. Я возвращался из Лимы один, десять дней спустя после трагедии. В скверном физическом состоянии. В аэропорту, по ту сторону стеклянной стены, меня ждала Франсуаза. Она плакала, а мне стало холодно, как никогда... Я любил эту женщину, Мишель. Она потеряла мужа, а я никогда ее так не любил, как в тот миг. Я не могу тебе объяснить это ужасное чувство. На моих глазах погиб человек, а я испытал...

– ...облегчение?

Мне было трудно ответить. Когда истину долго прячешь, она превращается в некую окаменелость, вещь в себе.

– Да, может быть. Облегчение. Я больше года был в нее влюблен и задыхался всякий раз, как видел ее. Как будто... как будто Макс, как могущественная гора, отбирал у меня весь кислород. Это жуткое ощущение невозможно было пережить. И не было в том никакого счастья, только мука одна, потому что я любил жену другого и знал, что это ничем не кончится. Горы никогда не заставляли меня испытывать сердечную муку. Наверху я ее просто не знал.

Капля воды упала сверху мне на шею, скатилась к затылку, и меня обдало холодом. Словно смерть приласкала.

– В холле аэропорта Франсуаза бросилась ко мне с проклятиями. Она кричала: «Почему? Почему он ушел вот так, не попрощавшись? Почему ты не спас его?» Я был раздавлен, потерян и не знал, что отвечать. Не мастак я в деликатных объяснениях. А она подняла на меня глаза и объявила, что беременна на втором месяце. И мир рухнул для меня во второй раз.

У меня снова свело все внутри, и каждое слово я выплевывал вместе со

рвотой. Мишель скреб руками вокруг себя, и ледышки скрипели под его рукавицами.

– И ты всех убедил, что это твой ребенок? Что Клэр – твоя дочь?

– Этот ребенок вполне мог быть моим. Однажды на нас с Франсуазой нашло... В общем, это случилось незадолго до отъезда в Сиула-Гранде. Но сомнения все же оставались, понимаешь?

– Ну, думаю, они быстро рассеялись.

– За все время беременности мы не пытались узнать больше, чем знали. Я был с ней, и нам было хорошо. Франсуаза нескоро вышла из траура, и этот ребенок стал нашим. Но... К двум годам Клэр стала сильно походить на Макса, прежде всего глазами. Я не был ее отцом, но должен был им стать.

Я ждал, что Мишель что-нибудь скажет, но он молчал.

– Я бросил все. «Внешний мир», скитальческую жизнь путешественника. Мы переехали из Амбрёна в Аннеси и строго соблюдали тайну, ничего не говоря Клэр. Пусть растет, не зная, что отец умер, что он водился с проститутками и бил свою жену. Макс был прекрасным скалолазом и замечательным другом на восхождениях, но скверным человеком. Он не заслуживал такой семьи. Он заслуживал...

Еще одна капля упала с потолка мне прямо в глаз, как слеза.

– Я любил Клэр и воспитал ее, как свою дочь. Она моя девочка! Я присутствовал при ее появлении на свет, кормил ее из бутылочки и повел в школу. Я рассказывал ей сказки, провожал в спортивный клуб и на вечеринки к друзьям. Но всякий раз, глядя на нее, я видел перед собой Макса. Я больше не мог... Даже сейчас, в пятьдесят лет, эта история не дает мне покоя. Мы с Франсуазой должны были сказать Клэр правду, когда ей исполнится двадцать лет. Выложить все сразу и больше к этому не возвращаться.

Наступила тишина, а потом между нами вспыхнуло пламя горелки. На маске Мишеля плясали причудливые тени, а глаза под ней казались черными и блестящими. Он, насколько мог, приблизил ко мне лицо и сказал:

– Он написал «Лжец». Это второе слово. Думаю, оно относится к чему-то другому, не к твоему ребенку. Еще одна тайна, связанная с Максом Беком?

Я снял перчатку и вытер щеки, по которым на этот раз бежали слезы.

– Ты единственный человек в мире, Мишель, кто об этом узнает. Я никому и никогда об этом не говорил. Ни матери, ни жене.

– Я что, должен считать это особой честью?

Я мог бы промолчать и умереть вместе со своей тайной. Все унести с собой. Но я обещал ему правду.

– Макс не сорвался в пропасть, как я всем рассказывал. Мы были в связке.

Тот беседочный узел, который Макс затянул в то утро у себя на поясе, мучил меня все эти девятнадцать лет. Я закрыл глаза.

– Я врал журналистам, полиции, страховщикам – всем. Там, где находились мы с Максом, на том карнизе, повисшем над пустотой, не было ни свидетелей, ни дознавателей. Соврать было проще простого.

– Но зачем? Врать-то зачем? Это как-то связано с третьим словом? «Убийца»? Ты его убил, чтобы завладеть его женщиной?

Слова дрожали у меня на губах. Я не знал, смогу ли договорить до конца.

– Мы только что связались веревкой. Я стоял перед пещеркой, которую мы вырыли из-за непогоды, и вдруг почувствовал, что веревка натянулась. Макс вскрикнул и исчез вместе с частью карниза. Меня протащило метра два, и я застрял, зацепившись за скальную гряду. Меня спасло только то, что я ехал по снегу ногами вперед. Они уперлись в небольшой уступ и меня удержали, поэтому я не улетел вслед за Максом. Я оказался в некоем подобии снежного сиденья, которое оползло вниз. Но по счастью, у меня была хорошая опора, и я держался. Было слышно, как Макс кричал: «Я сломал ногу! Я сломал себе ногу о скалу! Надо, чтобы ты меня вытащил, Жо! Ты ведь можешь меня поднять!» Голос его шел откуда-то далеко снизу. Я знал, что его ждет, если он отвяжется. Тридцать метров свободного падения, а потом трещина такой глубины, что оттуда его уже никто не спасет. Он болтался над пустотой, как отвес, и у него не было возможности подняться. Надежда была только на силу наших рук.

Память часто подводила меня, но этот миг я никогда не забывал. Каждый звук, каждую деталь, каждый скрип сине-красной веревки по снегу.

– Чтобы выбираться в подобных ситуациях, есть специальная техника. Это делается с помощью двух прусиков, то есть двух петель из репшура. Обычно достаточно продеть запястье в петлю, обернуть репшнур вокруг веревки, завязав схватывающий узел, переместить узел вверх по веревке, а потом подтянуться. Затем то же самое проделать со второй петлей. Можно даже подняться на одной руке. Но это теоретически. А в нашей ситуации возникла проблема. Двадцатиметровая веревка висела в пустоте. Руки у нас были в ужасном состоянии, в гораздо худшем, чем сейчас. Мы почти не спали, изрядно вымотались, да к тому же Макс страдал от боли. Даже если

бы ему удалось подняться, а у меня хватило сил его вытянуть наверх, что было бы дальше? Как бы он спускался со сломанной ногой?

Эта боль, так глубоко запрятанная и такая до странности реальная, жгла мне губы.

– Время тянулось бесконечно, прежде чем Макс сделал первое движение. Ему надо было вытащить репшнур из сумки со снаряжением и навязать узлы обмороженными руками. Поверь мне, в такой ситуации время тянется бесконечно. А я сидел на краю пропасти, и мне не было особенно больно, разве что рукам и ляжкам. Но пошевелиться я не мог. Я и сам был пойман в ловушку висевшим на мне телом Макса. Оставалось только ждать, что как-нибудь само все уладится. За эти минуты и часы в моем мозгу пронесся рой самых странных мыслей. И самая первая из них была: я жив и умирать не собираюсь. Макс может умереть, но не я. На худой конец...

Я безотчетно поднес руку к куртке:

– Есть один предмет, который любой альпинист в мире имеет при себе и днем и ночью.

– Нож...

– У меня был складной нож, маленький, но резал он великолепно. Я вынул его из кармана, зубами раскрыл лезвие и положил рядом. Он, как добрый приятель, придавал мне уверенности. В ушах у меня все время звучал смех Франсуазы, и мне становилось страшно. Перед глазами вертелось ее лицо... То она смеялась, то вдруг в следующую секунду я замечал, что она вся покрыта синяками и кровоподтеками... Странные были синяки... А еще в какие-то моменты нож вдруг принимался со мной разговаривать. Клянусь, он в самом деле разговаривал. Я не сошел с ума... *Он со мной говорил...* Такие галлюцинации бывают на большой высоте. Или в подземелье.

Я выдохся и больше не мог говорить. Все эти картины жгли мне мозг. Мишель буквально прилип ко мне.

– «Убийца». Этот ножик тебе поведал, что как раз самое время пустить его в ход? И расквитаться за удары ледорубом? А заодно и получить женщину, которую иначе ты никогда не получишь. Идеальное убийство...

Я не мог идти дальше, не мог вытащить наружу воспоминания, которые уже вызвал.

– Клянусь тебе, Мишель, я не убийца.

– Ты мне клянешься? Это не ты, а ножик? Да ты хоть знаешь, чего здесь стоит каждое твое слово? Мы с тобой на волосок от смерти, а ты не хочешь сказать правду?

– Это правда. Я не убийца.

Мишель медленно поднялся и протяжно вздохнул:

– Правда или нет, это дела не меняет. Я не вижу, каким образом то, что ты рассказал, может открыть замок.

Он поднял горелку и встряхнул баллон:

– Газа почти не осталось. От силы на час.

Я сел. Мишель стиснул мне руку и вложил в нее острый камешек. Я отказывался верить, что приключение закончится вот так. Что через минуту я останусь в подземелье один. Я уцепился за ногу Мишеля и стал молить, чтобы он взял меня с собой. Он нагнулся и разжал мои пальцы, но я снова его схватил:

– Не бросай меня.

– Давай короче. Я боюсь долгих прощаний. Не усложняй мне задачу, не думай, мне тоже страшно. Кто знает, что нас ждет... И он снова меня отпихнул.

Я покорился и так и остался на четвереньках, как собака... Потом подполз к безжизненной кукле, изображавшей мою дочь, прижал ее к себе и погладил по голове. Мишель стоял рядом, держа перед собой горелку и баллон.

– Ладно... Я с тобой все-таки попрощаюсь. Прощай, Жо. При других обстоятельствах мы, может, и подружились бы.

Я ничего не ответил, слова не шли с языка. Я гладил дочь по голове. Мишель остановившимся взглядом смотрел перед собой куда-то в галерею. И вдруг толкнул меня назад:

– «Буквы, цифры. И замок откроется». Кажется, я понял! Может, цифры скрываются в этих трех словах!

Я молчал, безучастный ко всему. Его палец ткнул в слово «Вор». И добрых две минуты он считал, соотнося каждую букву с цифрой:

– 36, нет, 37, получается 37. Ну да, похоже, так. Если считать по номеру каждой буквы в алфавите. Соображаешь? Выходит 37, но это две цифры!

Меня захлестнул прилив энергии.

– Здесь три слова, – сказал я. – И мы получаем шесть цифр на замке. Черт возьми! Похоже, ты прав.

Он энергично кивнул:

– Считай со мной вместе! Давай!

Мы затихли, складывая и подсчитывая. Мне было плохо, и я несколько раз начинал сначала.

– У меня вышло 51 в «Лжеце».

– И у меня тоже.

Во мне вся кровь закипела, до последнего миллилитра. Никогда мой организм не испытывал столько разных эмоций за такое короткое время.

– 67 в «Убийце»!

– А у меня 69. Давай сначала!

На этот раз у меня тоже вышло 69. Я встал, дыхание перехватило. Мы оба ринулись к палатке и влетели внутрь. В слабом свете горелки я увидел смертное покрывало Фариды, и у меня снова свело желудок. В палатке пахло смертью, свежим покойником. С перехваченным горлом я подошел к сейфу, придвинул его и опустился на колени перед замком. Руки у меня так дрожали, что пришлось поддерживать правую левой. Мишель оттолкнул меня и занял мое место:

– Дай я, ты в таком состоянии ни одного колесика не повернешь. Ты на грани нервного срыва. Числа помнишь?

– Да... да... 37? Потом...

А дальше я не помнил. По всему телу пошли судороги.

– «Лжец» – 51, – уточнил Мишель. – И «Убийца» – 69

Когда он повернул последнее колесико, раздался щелчок. Мы молча смотрели друг на друга. Образ свободы давно уже не являлся мне. Я даже на секунду не решался вообразить, что смогу выйти отсюда на солнечный свет.

– Скорее, скорее!

Я думал, там ключ. Ключ, который освободит меня от цепи и я смогу вместе с Мишелю уйти за красную линию. Уйти отсюда в мир живых. И увидеть Клэр, а может быть, и Франсуазу... Ведь Мишель теперь сможет дать ей костный мозг! О господи! Неужели это будет возможно? Каких-нибудь две минуты назад мы были в агонии, а теперь...

Мишель осторожно снял замок.

Потом опасливо поднял защелку, наклонился вперед и приоткрыл тяжелую крышку ящика. Я задохнулся и чуть не потерял сознание от волнения. Ящик открылся, но крышка мешала видеть, что там внутри. Мишель осветил внутрь горелкой. Я хотел подойти с другой стороны, но он резко захлопнул крышку и уперся мне в грудь ладонью:

– Не надо. Не смотри.

Голос у него был страшный. Я так сжал острый камень, что порезал себе ладонь.

– Но я хочу посмотреть! Что там такое?

Я представил себе самое худшее: отрезанную голову, еще одно фото моей жены и дочери, кем-то замученных.

Железное лицо застыло передо мной на несколько долгих секунд.

Наступило бесконечное молчание.

Наконец Мишель медленно открыл крышку ящика и сдвинул мягкую прокладку, которая не давала тому, что там лежало, стучаться о стенки. Ящик стоял таким образом и свет падал так, что сначала я увидел, как от стенки палатки отделилась и выросла огромная тень.

Это был не ключ. Не отрезанная голова или фотография. Гораздо хуже.
Это был топор.

Я не испытал никаких особенных эмоций. Я ничего не мог для него сделать и отстраненно наблюдал, как он скользит вниз по склону, где, судя по всему, погибнет. В каком-то смысле я надеялся на то, что он упадет. Я никогда не бросил бы его, пока он мог бороться, однако прийти ему на помощь я не мог. С другой стороны, я понимал, что в одиночку я имел все шансы выбраться. Если же я попытаюсь его вытащить, то мы рискуем остаться там оба.

*Джо Симпсон. Касаясь пустоты (2001). Это свидетельство
Жонатан Тувье всегда отказывался читать*

У меня получилось только еле слышно прошептать:

– Может, есть еще какое-нибудь решение. Может...

Я уже добрых десять минут дубасил топором по цепи, не добившись ничего, кроме нескольких искр. Топор весил не меньше трех кило, у него была красная головка, простое стальное лезвие и лакированное топорщице, распиленное пополам, чтобы поместилось в сейф.

– Нет другого решения, и ты это знаешь. Кончай колотить, только лезвие затупишь. Надо, чтобы оно было как можно острее. Тебе же будет легче. Отдай топор и отойди, если не хочешь на это смотреть.

Лоб у меня покрылся крупными каплями пота. Мишель выхватил топор у меня из рук и кивнул в сторону тела под покрывалом:

– Выбора нет. У вас у обоих цепи, а в них может быть спрятан передатчик сигнала для взрывателя. Начнем с него.

«Начнем с него». Мишель поднес топор к самой маске и повертел лезвие.

– Скажи, а ты знаешь настоящую фамилию Фариды? Ну, чтобы, если выберемся, можно было бы... Улавливаешь, что я хочу сказать?

Я подумал о топоре, о своей руке и теле. И о Фариде. Я любил этого парня, хотя и ничего о нем не знал, даже как его на самом деле зовут. Мишель взял топор обеими руками:

– Отойди!

Не вставая на ноги, я выполз в темноту. Когда же кончится это мучение? Мне было страшно. Я прижался к скале, не сводя глаз с нашего

жилища. На ткани палатки плясала бесформенная тень Мишеля, а топор в его руках походил на открытую змеиную пасть, готовую ужалить. Он наклонился, наверное, чтобы откинуть покрывало. Я представил себе голое белое тело мальчика, а над ним железную маску палача. Господи, Фарид ведь хотел, чтобы его обмыли и похоронили, как положено, и помолились за него... Но даже после смерти его оскверняют... Мне захотелось встать и прекратить все это, но я не смог.

Тень поднялась во весь рост и с силой опустила топор.

Звук дробящего кости металла пронизал меня даже сквозь заткнутые уши. Этот хруст мне никогда не забыть. Я хрипло закричал, а тень выпрямилась, и над тяжелой железной башкой, как клыки, протянулись полоски крови. Раздался еще один короткий удар, потом крик Мишеля, который я буду помнить до последнего вздоха.

Кто-то тронул меня за плечо. Я заорал и отшатнулся.

– Да я это, я...

Рядом стоял Мишель. Должно быть, я на какое-то время потерял сознание. Он схватил меня за руку и потащил к палатке. Я не хотел входить внутрь, но он сказал, что Фарид там нет.

– А где он?

– Где-то там, в пещере. Пошли.

Внутри стенки палатки были забрызганы кровью, кровь капала с маски Мишеля. На коремате виднелись глубокие борозды. Большим и указательным пальцем Мишель держал маленький зеленоватый прямоугольник, похожий на печатную плату с дыркой посредине.

– Чтобы до него добраться, пришлось отрубить ногу. Слава богу, Фарид был мертв, хоть не мучился.

Я не отреагировал ни на то, что увидел, ни на то, что услышал. Он взял мою руку и указал на браслет цепи:

– А тут должен быть второй. Указания в письме не ввали. Если бы я тогда ушел, моя голова...

Он постучал пальцами по маске:

– Это что-то вроде электронного чипа, он был прикручен маленьким болтом, который проходил в дырку на карточке и крепился в стальном браслете цепи. Твоя рука не дает его вытащить, но, освободив браслет, я его легко достану.

Я вцепился ногтями в коремат. Десять ногтей, десять пальцев... Передо мной на полном огне стояла кастрюля. Донышко у нее уже светилось красноватым светом, пламя гудело. Кухонная утварь, в которой мы сварили мою собаку и согрели столько воды, теперь послужит

прижигателем. Конечно, если мне не прижечь артерии и вены и не запечь мясо, я изйду кровью, как прирезанная свинья. Мишель крепко взял меня за руку:

– Думаю, Жо, я над тобой хорошо поработаю. Все будет чисто.

Он так себя подбадривал, словно руку собираются отрубить ему. Он разложил вокруг себя иглу и много нейлоновых ниток, стояли два стакана с водой. Лезвие топора было в крови. У меня в голове все еще звучал треск перерубаемых костей.

– Пить, дай мне попить.

Он протянул мне стакан с теплой водой. Половину я разлил на себя. Я уже ничего не мог удержать в руках. Он взял кастрюлю за ручку рукавом куртки и слегка взболтал ее содержимое.

– Эх, было бы хоть чуток водки, ты бы принял на грудь... Да и я тоже. С алкоголем все намного легче.

Он опустил в кастрюлю кусочек нейлона, и тот сразу растаял.

– Хорошо нагрелась. Пора начинать. Чем ближе к делу, тем больше я боюсь причинить тебе боль. Проклятье! Что на меня нашло?

Теперь я лежал на земле, а Мишель осторожно обматывал мне руку рубашкой Фариды, в которую насыпал кусочков льда.

– Холод столько времени портил нам жизнь, пусть теперь послужит на пользу. Надо замедлить циркуляцию крови, и ты перестанешь чувствовать руку, как под анестезией. Сделаем тебе анестезию.

Я посмотрел на смертоносный силуэт топора и выдохнул:

– А если у тебя не получится вытащить меня на поверхность? Если я буду без сознания и...

– Получится. Помнишь, что говорил Фарид? Наш палач в одиночку спустил сюда всех, кроме меня, но тогда я был гораздо тяжелее. А у тебя вес пера. Я подниму тебя с легкостью.

– Ты не можешь быть уверен до конца.

– В худшем случае я тебя оставлю, а потом приду за тобой. Сейчас самое главное – добраться до датчика.

Из последних сил я вцепился ему в воротник:

– А если ты за мной не придешь? Возьмешь и исчезнешь, не вызвав помощь?

– Зачем это мне? Ты – муж женщины, которую я хотел спасти. Я должен дать ей костный мозг, не забывай об этом.

Мы долго друг на друга глядели, словно оценивая.

– У нас нет другого выбора, Жонатан. Сейчас настал момент, когда ты мне должен полностью довериться.

Довериться ему... У меня в сознании все связалось. Я представил себя одноруким, изуродованным ампутацией. Себя, альпиниста, который взошел на Эверест.

– Но без руки я не смогу написать ни строчки, я и десяти метров не поднимусь по скале, чтобы показать молодым... Для меня все кончится. Вся жизнь... Я не хочу уродовать свое тело. Оно священо, понимаешь?

Он глубоко вздохнул:

– Ты волен по-прежнему разлучать меня с Эмили. И волен подписать приговор своей жене. Оставить ее умирать в одиночестве и неведении. А о дочери ты подумал? Ведь только ты можешь вернуть нам свободу, нам всем. Что ты выбираешь?

Я с трудом, словно издалека, ощущал свою руку, шевелил пальцами, которые уже заледенели. Но эти пальцы принадлежали мне, они боролись за существование, втаскивали меня так далеко, так высоко по вертикали этого мира... Я не хотел их потерять, я отказывался уродовать свое тело, которое столько мне дало...

Но я прошептал:

– Давай... давай, Мишель. Руби, но перед тем...

С острым камнем в руке я подошел к своему календарю и с трудом провел на коремате последнюю полосу:

– Восемь дней. Мы продержались в этом аду восемь дней. Я хочу, чтобы этот коремат остался здесь как свидетель наших мучений.

Я в последний раз посмотрел наверх, на снимок, где мы все трое, отцепил его и положил на коремат рядом с зарубками. Потом снова улегся. Мишель принялся раздирать на полосы куртку Фарида:

– Это пойдет на перевязку. И еще...

Он топором отрубил подметки от ботинок Фарида, стоявших в углу, и протянул мне кусок каучука:

– Это тебе. В нужный момент прикуси ее зубами изо всех сил.

– Ага... Прикусить зубами. Так ведь делали в Средние века, Мишель?... И выживали. Нет причины.

Он покачал головой:

– Теперь надо подождать. Когда ты не сможешь больше шевелить пальцами, тогда приступим.

Он уселся передо мной по-турецки, опустив топор между ногами. Перчатки он снял, и пальцы у него дрожали. В свете горелки маска отсвечивала то оранжевым, то красным – ну дьявол, ни дать ни взять. Я так стиснул зубы, что свело челюсти. Ногти впились в каучуковые удила, и я закрыл глаза. Руку, всего лишь руку... Жалкий кусок тела за жизнь моей

жены. Кое-то пожертвовал бы почкой или роговицей за пачку денег...

Как я ни старался, большой палец сгибаться перестал. Мишель опустил на колени и подержал топор над огнем. Я дрожал всем телом.

– Пора...

Плечи дернулись, когда Мишель уложил мою руку на плоский камень, который он откуда-то притащил.

– Руби здесь, ладно? Точно между браслетом и кистью. Но не дальше, не дальше, прошу тебя.

Я сел и изо всех сил потянул за браслет.

– Можно выиграть еще два-три сантиметра, я знаю. Да... да... Полсантиметра, несколько миллиметров...

– Перестань, это ничего не даст. Надо действовать как можно скорее.

Я вцепился ему в воротник и заплакал:

– Одним ударом, бей одним ударом, умоляю...

Я поудобнее уложил руку на камень. Мишель нервно вертел топор в руках, потом вдруг рывком поднял его над головой. Я зажмурился и отвернулся. Сердце выпрыгивало из груди.

Удар раздался ужасающий, мне по щекам хлестнуло ледяными осколками.

Я ничего не почувствовал.

Не понимая, что произошло, я открыл глаза. Рука была на месте. Мишель вертел перед собой и внимательно разглядывал свою собственную руку.

– Однажды мои пальцы попали под пилу. И я видел, как они упали в желоб вместе с поросычьей кровью. Как маленькие деревца. И я... я их больше ни разу не видел. Я часто об этом думаю, я...

– Что? Да плевать мне! Давай! Руби!

– Нет, нет... Не сейчас, Жо... Я... – Долгое молчание. – Можно ведь немножко подождать, правда? Это больно, когда отрезают пальцы. Словно раскаленные добела иголки впиваются одна за другой. А руку, наверное, еще больнее... Можно...

Газ начал выдыхаться. Я изо всех сил несколько раз ударил его по железной башке:

– Давай! Руби руку!

Я терял с ним связь, он застыл, разглядывая свою изуродованную руку.

– Ты его убил, Жонатан? Скажи, что ты его убил, скажи правду. Я не смогу причинить зла невинному. Ты ведь знаешь...

Газ снова угрожающе зашипел. Некстати на Мишеля накатило... И я заорал:

– Третье слово тоже правда! Я убийца!

В моих глазах уже ничего не отражалось, кроме ненависти. Мишель, не двигаясь, смотрел на меня.

– Да, я перерезал веревку, проклиная Макса Бека!

Меня душил смех. Тот сумасшедший хохот, который не поддавался контролю и проникал в самую печенку.

– Он уже почти выбрался с помощью прусика и был в метре от меня. А я перерезал. Я его убил, чтобы получить его женщину. Макс улетел, глядя на меня, а я свесился над ним. Ты здесь из-за меня. Потому что я – убийца. Я плачу за свое преступление. Это я – вор, лжец и убийца.

Я все хохотал и хохотал. Мишель резко запрокинул мою голову и шумно задышал. Ну вот он вернулся в реальность, он сейчас сделает свое дело. Мой смех сразу стих. Отвернувшись, я крепко прикусил свое удило и закрыл глаза от страха. Лоб вспотел, и мне стало очень жарко.

Я думал о семье. Перед закрытыми веками поплыли цветные пятна, какие-то звезды и бабочки. Сердце отчаянно колотилось повсюду: в висках, в горле. Это скверно. Значит, поднялось давление и кровь хлынет струей, запачкает коремат и спальные. И тут я услышал голос Мишеля:

– Вот теперь ад только начинается.

Рычание рассекающего воздух топора.

Полная отключка.

Люди играют в трагедию, потому что не верят в реальность событий, которые разворачиваются в цивилизованном мире.

Хосе Ортега-и-Гассет. Эту фразу Жонатан Тувье любил цитировать в статьях для журнала «Внешний мир»

У меня дергалось веко, так бьется легкая ткань на ветру. Я чувствовал каждый удар учащенного пульса, разгоняющий кровь по артериям.

А потом снова ничего.

Позже появились звуки. Какие-то голоса, скрип подошв по полу, одуряюще мерное падение водяных капель.

Я пытался открыть глаза, но веки не слушались. На шее напрягались все нервы, дыхание участилось. Невыносимое ощущение вернувшегося кошмара.

Палатка, рукавицы, спальник, пропасть...

У меня перехватывало дыхание.

– Нет! Нет!

– Тише. Не двигайтесь.

Голос. Но он не принадлежал ни Фариду, ни Мишелю.

Фарид умер. А Мишель стащил у него одежду и отрезал ногу.

Кто-то давил мне на плечи и руки, а ноги были будто склеенные, и никак не удавалось ими пошевелить. Из глотки вырвался какой-то неслышимый звук, и я надолго закашлялся. Низкий голос с немецким акцентом произнес:

– Я сейчас сниму пластырь с ваших глаз, и вы сможете их открыть. Только очень-очень медленно, договорились? Свет может вас обжечь, а потому все делаем очень спокойно. Если почувствуете хоть малейшую боль, сразу закрывайте глаза.

Кто-то коснулся моего лба, потом надавил на веки, и послышался треск отлепляемого пластыря.

– Отлично. Попытайтесь открыть глаза.

Стараясь как можно лучше контролировать глазные мышцы, я чуть приоткрыл глаза и со стоном снова закрыл. Потом передо мной поплыли какие-то бесформенные пятна, которые, однако, достаточно быстро

материализовались в человеческие фигуры. Меня окружала явно не проклятая пропасть. Здесь была жизнь, были движение и тепло. Я окончательно открыл глаза, но перед ними все расплывалось. На роговицу капнуло что-то холодное. Меня попросили поморгать.

Ко мне подошел незнакомый человек. Это он говорил со мной с тех пор, как я очнулся.

– Зрение должно к вам вернуться через несколько минут. Надо, чтобы мышцы снова обрели эластичность. Из-за темноты и долгого заточения у вас развилось легкое косоглазие.

Долгого заточения... да... да. Восемь дней, восемь долгих дней в подземелье. Значит, все? Все кончилось? Я оттуда выбрался?

– Где?..

– Вы находитесь в медицинском центре. Я доктор Югман. Вы помните свое имя?

Я ответил не сразу. Образы всплывали в мозгу фрагментами, как в калейдоскопе.

– Жо... Жонатан Тувье.

– Отлично, месье Тувье. И вы живете недалеко от озера в Аннеси, так?

Я попытался приподняться и повернуть голову. Но что-то в самом организме мне мешало. Все путалось... Больница... Доктор... Настоящая постель... У меня был миллиард вопросов, но я не мог их задать. Губы только невнятно пробормотали:

– Да... Аннеси. Я...

Образы на сетчатке начали постепенно совмещаться. Лица вокруг дрожали, растягивались, а потом обретали резкость. Я различил еще одного врача и смуглого человека в темной униформе.

– Фарид? Это ты, Фарид?

Ко мне наклонились.

– Кто такой Фарид?

Изрядным усилием я оторвал голову от подушки. До самой груди тело мое было накрыто белым одеялом.

– Фарид умер.

Я попытался пошевелить руками, но у меня ничего не вышло.

– Поднимите одеяло... пожалуйста... – попросил я.

– Зачем?

– Я... очень вас прошу. Я имею право увидеть. Это... мое тело.

Он откинул одеяло. Я сощурился: свет все еще меня беспокоил.

Я лежал на матрасе абсолютно голый. Тело мое было в плачевном состоянии: все в синяках, порезах и каких-то больших темных пятнах.

Кожа обтягивала ребра, все кости выпирали. Я быстро скользнул глазами к правой руке, лежавшей вдоль туловища.

И увидел невозможное. Я заморгал. Нет, наверное, я бредил. Рука была цела. Стиснув зубы, мне удалось даже пошевелить пальцами. Потом, сам не знаю как, моя левая рука, в которой торчал катетер для капельниц, сама собой поднялась и поднесла правую кисть к глазам. Пальцы на ней растрескались, почти почернели, но они были целы, все пять.

– Но этого... этого не может быть. Рука... кисть... Почему она здесь? Ведь он... он же ее отрубил...

Я двигал пальцами и улыбался, хотя губам было больно. Врач поскреб себе подбородок. Теперь я его видел ясно. Он был довольно молод, над черными глазами взлетали тонкие брови. Я повернул голову. Слева какое-то зеленое растение, в окне – уголок голубого неба. Цвета, звуки... По моей щеке стекла слеза, и я принялся хохотать.

– Так я живой? Я и вправду живой?

Второй врач, стоявший в сторонке, подошел ко мне вплотную и положил на кровать пластиковую папку-уголок. Первый врач, наоборот, отошел в сторону.

– Могу вас заверить, – сказал второй. – Месье Тувье, я доктор Патрик Пармантье, психиатр.

Мой смех сразу оборвался, а радость испарилась. Я с трудом сглотнул слюну:

– Психиатр?

– Согласитесь, что после того, что с вами произошло, присутствие психиатра вполне оправданно?

Он улыбался. На вид ему было около сорока, темные волосы уже начали редеть. Я повернул голову в другую сторону. Желтые стены, серо-голубой плиточный пол, снующие в коридоре тени и все эти чудесные звуки. Откуда-то доносился даже детский плач. Я вздохнул полной грудью. Как здорово пахнут лекарства... Впервые в жизни я был счастлив оказаться в больнице.

Я снова повернулся к нему:

– Число... Скажите, какое сейчас число. Пятое или шестое марта? Я пропал двадцать пятого февраля. Думаю, прошло дней восемь.

– Восемь дней? Почти вдвое больше. Сейчас четырнадцатое марта.

– Четырнадцатое? Но...

Я сел, морщась от боли. Голова кружилась. Врач надавил мне на плечи, принуждая снова лечь.

– Франсуаза? Клэр? Где Клэр?

– Все мое время. Похоже, вся эта история до крайности сложная, и мы будем в ней разбираться не спеша.

Я снова вскочил, несмотря на все его усилия помешать мне.

– Прежде всего скажите, где мои жена и дочь!

Он откашлялся.

– Еще слишком рано...

– Да скажите же, черт возьми!

Он вернулся к коллеге, потом снова подошел ко мне. А мне казалось, будто каждая потерянная секунда отрезает кусок тела. Каждый миг мог стать худшим мигом в жизни, и все могло вернуться...

– Ваша дочь ждет вас в коридоре. Как только она узнала, сразу же приехала на машине вместе с вашими коллегами по работе.

Я откинулся на подушку и раскинул руки.

– Господи, она жива... Спасибо тебе, Господи... А Франсуаза? Что с Франсуазой? Пересадка будет?

Он набрал воздуха и выпалил:

– Ваша жена скончалась неделю назад. Ей стало хуже. Медики утверждают, что она умерла во сне и не страдала. Сожалею и сочувствую.

Ногти мои впились в простыню, из глаз хлынули слезы. В ушах звенело. Я съежился и протяжно застонал.

Тут раздался голос психиатра:

– Мы вас оставим и скоро вернемся. Вы хотите сразу увидеть дочь?

Я кивнул, подтянув колени к подбородку. Губы у меня дрожали.

– А мама... Вы...

Он ответил очень мягко, и от одного его голоса мне стало легче.

– Она в курсе всего. Она знает, что вы здесь. В безопасности. Ей трудно передвигаться и...

– Я бы еще хотел увидеть Мишеля.

Подошла сестра и сделала мне какой-то укол. Врач не ушел и сказал негромко:

– До свидания. Отдыхайте, сейчас вам захочется спать. И воспользуйтесь случаем повидать дочь: она вам принесла целый чемодан одежды. Если бы все зависело только от меня, я бы не позволил вам вставать еще с неделю. Но полиция торопит. А потому завтра или послезавтра, если все пойдет хорошо, мы вас на «скорой помощи» отвезем на то место, где вас нашли. Мы все нуждаемся в объяснениях, понимаете?

Я его не слушал. Игла больно вошла в руку, и я снова поплыл. Тут скрипнула дверь, и я обернулся.

Моя дочь, моя девочка, моя малышка.

Я протянул к ней дрожащую руку, а она бросилась ко мне, прижалась изо всех сил и заплакала. Я вдыхал запах ее волос, ее кожи, ее плеч. Я ощущал ее тепло.

Она оторвалась от меня, дрожа всем телом. Я улыбнулся ей:

– Клэр... Это ты? Это действительно ты, моя девочка?

Она кивнула и постаралась сдержать рыдания. Моя щека ощутила ее ладошку.

– Я думал, ты умерла...

Она улыбнулась через силу:

– Папа, я тебя люблю.

Я еще крепче ее обнял. Ее теплое дыхание ласково щекотало мне затылок. Мне хотелось, чтобы этот миг никогда не кончился. Потом я принялся расспрашивать ее о Франсуазе, я хотел знать о каждом часе, каждой минуте, прошедшей с моего исчезновения. Клэр было трудно отвечать, она ходила по палате, садилась, опять вскакивала. Из ее отрывочных слов я понял, что Франсуаза до конца верила, что я вернусь. Она и заснула с этой мыслью, без страданий.

– Они хотят всерьез заняться тобой здесь, папа. А потом, когда все будет в порядке, ты поедешь домой.

Я чуть отстранился от нее, упиваясь каждой черточкой ее лица. Мне хотелось любоваться этим лицом всю жизнь.

– Тебе кто-нибудь причинил зло? Что с тобой случилось в Турции?

– Никто мне не делал никакого зла, папа. В Турции все прошло замечательно, я набралась отличного опыта.

– А этот мейл из Трои... Это ты его послала?

Она нахмурилась:

– Ну конечно. Кто же еще?

Я протер глаза. Слезы так и лились.

– Клэр, ты должна мне сказать... Ты видела одного человека несколько недель назад? Человека, с которым ты незнакома, но который тебя разыскивал? Он приблизительно моего возраста, высокий, наверняка блондин. Его зовут Макс. Макс Бек.

– Нет, нет. Я не знаю никакого Макса Бека.

Я гладил ее по волосам и внимательно всматривался в глаза, которые теперь меня больно ранили. Такой взгляд был у Макса, она, несомненно, его дочь.

Я силился порыться в памяти и понять.

– А твой латексный манекен, голый и весь какой-то скрюченный... это тебе о чем-нибудь говорит?

Она улыбнулась:

– Конечно. Я же тебе рассказывала, папа. Его сделали недель пять-шесть назад в рамках нашего долгосрочного школьного проекта. А потом кто-то устроил пожар в нашей мастерской, и работа всех учеников вылетела в трубу. Но ты же меня не слушал, я словно стенке говорила. С этой маминой болезнью... ты все время был где-то далеко. Ты в последнее время часто бывал где-то далеко.

Я чувствовал, что она вот-вот опять расплачется. Клэр уже давно при мне не плакала. Усталым голосом она спросила:

– А почему ты об этом спрашиваешь?

Я ничего не ответил, повернувшись на бок и покорившись силе, которая неодолимо влекла меня в сон. Одолеть эту силу я был не в состоянии. Клэр прилегла рядом. Я закрыл глаза. Моя девочка гладила меня по спине, и мне было хорошо.

46

Человек самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ее умерщвления достаточно небольшого испарения, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавит его, человек станет еще выше и благороднее своего убийцы, потому что он сознает свою смерть; вселенная же не ведает своего превосходства над человеком. [\[25\]](#)

Блез Паскаль. Мысли (1670). Одно из последних философских чтений Жонатана Тувье, январь 2010

Я довольно долго оставался один. Медсестра принесла мне поесть, и я набросился на еду, руками хватая курицу с картошкой и позабыв о столовых приборах.

Другой доктор поднял меня с постели и заставил пройтись по палате. Возле радиатора я остановился, закрыл глаза и больше не двигался. Меня взвесили. Шестьдесят один килограмм, я похудел на девять. Мне сбрили бороду, подстригли волосы и ногти и натерли какими-то мазями, в особенности руки и ноги. Мне кололи какие-то лекарства, действия которых я не знал. Я жаловался на боли в коленях и почках, задавал кучу вопросов, но мне отвечали: «Потом, позже». Персонал что-то записывал, мне вводили препараты через катетер. Потом снова принесли еду, и на этот раз я воспользовался ножом и вилкой. Они были пластмассовые, как и там, в пропасти. Потом я лежал и смотрел телевизор, рассеянно вертя перед глазами правой рукой. Иногда за дверью скользили какие-то тени, раздавался шепот. Я еще не до конца пришел в себя и был пока не способен ни обдумать, ни проанализировать ситуацию. Я боялся заснуть и проснуться опять в пропасти. Мне все казалось, что за мной охотится чудовище с лапами, похожими на лопаты.

Прошло время, и мне сняли наконец катетер. В общем, организм постепенно набирался сил и мозг начал работать с нормальной скоростью. Тут же возникли миллиарды вопросов. Передо мной качалась маска Мишеля, я чувствовал его дыхание у себя на затылке, слышал, как свистит в воздухе топор. Меня мучил хруст разрубаемой кости, и я со стоном валился на кровать, прижав ладони к вискам.

Потом вскакивал и метался взад и вперед по палате. В окно бились крупные хлопья снега. Возле моей двери дежурил полицейский и не выпускал меня из палаты. Я ворчал, ругался, просил, но он не проронил ни слова. У меня было одно желание: выбраться из этой больницы и вместе с дочерью пойти проведать Франсуазу. Она хотела, чтобы ее кремировали, а пепел рассеяли над глубоким оврагом. Я должен был исполнить ее последнюю волю. И только потом попытаюсь разобраться.

Наконец ко мне явились психиатр и двое полицейских в форме. Лица у обоих мрачные, а у одного губы совсем утонули в огромных черных усах. Он мне напомнил дровосека. Должно быть, это был старший.

– Ну, вы нормально себя чувствуете? – спросил Пармантье.

Я сел на кровати, босые ноги, все в трещинах, свесились до пола.

– Я гнию здесь уже по крайней мере дня два. Мне не дают видаться с дочерью, не отвечают на мои вопросы, колют какую-то гадость. Я не знаю даже, в каком городе нахожусь! Что вообще происходит?

– Вы здесь три дня. Вы очень много спите, больше шестнадцати часов в день, причем без медикаментов. Ведете растительную жизнь...

Шестнадцать часов... А мне казалось, что я сплю урывками. Врач, заложив руки за спину, подошел к окну, потом вернулся.

– Вы прошли через суровое испытание, и мы дали вам прийти в себя. Сегодня вы готовы к тому, чтобы разъяснить нам эту историю. Что же касается города, то вы в Меце.

– В Меце?

– И чтобы быть честными до конца, вы находитесь не в клинике травматологии, а в психиатрическом отделении городской больницы.

– В психиатрическом отделении? Вы хотите сказать... в сумасшедшем доме?

Он улыбнулся. Почему все, кто ко мне подходит, начинают глупо улыбаться?

– Да нет, конечно нет. Мы помещаем сюда тех, кому уже не нужна неотложная помощь травматологов и кто нуждается в помощи скорее психиатрической, чем медицинской. Ну, знаете, жертв похищений, бывших заложников, старых солдат. Не волнуйтесь, на вас никто не вешает ярлыка сумасшедшего.

– Вы меня невероятно успокоили. А теперь объясните, пожалуйста, как я сюда попал.

– Вас рано утром нашли двое туристов. Когда они увидели, что произошло, то немедленно позвонили в полицию и в скорую помощь. Вы были один. Или почти один... Потому что второй был мертв.

– Мертв? Но... Вы о ком? О Мишеле? У него голова... взорвалась?

Психиатр со вздохом поднялся, открыл папку, достал карандаш и начал что-то записывать.

– Месье Тувье, прежде чем рассказывать вам что бы то ни было, мы хотели бы услышать вашу версию событий. Расскажите подробно, что произошло, с самого начала и до конца. Постарайтесь вспомнить все детали, даже те, что кажутся вам неважными. Мы не торопимся, и вы, пожалуйста, тоже не торопитесь.

Пармантье был прагматиком, а потому нажал на кнопку записывающего устройства. Двое полицейских уселись напротив меня. Я охотно начал рассказывать, мне надо было освободиться от всего этого. Рассказал, как очнулся в подземелье, которое назвал «Истиной», с Мишелем, Поком и Фаридом. С точностью описал всю территорию, и падающие сталактиты, и смертоносный обвал в галерее... И то, как шепчут водяные капли и завывает ветер в расселине. Поведал о трупe с простреленной головой. О том, как погиб одичавший Пок, о том, как умер Фарид... О палатке, о детонации, которая нас объединила, всех троих. О маленьких электронных чипах, спрятанных в браслетах цепей. Я описал наши лишения, голод, холод, ежесекундный страх смерти. Мой рассказ дошел до найденного в ящике топора. Я рассказал им про Макса и спросил, удалось ли им идентифицировать труп, но они хотели, чтобы я продолжал. Слова беспорядочно слетали с моих губ, эпизоды путались. Я то плакал, то смеялся и не мог остановиться. Иногда я кричал так громко, что люди открывали дверь и заглядывали в палату. Пропать меня не отпускала, она была внутри меня, сжимала мне грудь.

Не знаю, как долго я говорил, но за это время я выпил стаканов пять-шесть воды, а снег успел полностью покрыть крыши домов. Я выложил им все в деталях. Муляж Клэр, замороженный в лед, сапоги Мишеля из человеческой кожи, мусорный мешок с деньгами на карнизе, историю с моим Желанным Гостем, танцующим пауком. Когда я закончил говорить, я поднял перед собой правую руку:

– Единственное, чего я не понимаю, так это историю с рукой.

– С вашей закованной рукой, которую Мишель собирался отрубить топором?

– Да. Я вижу этому только одно объяснение. Он меня усыпил. А может, не решился отрубить? В общем, попробовал обойтись без этого. И его голова... Голова все-таки взорвалась. Другого объяснения у меня нет.

– Однако у вас на запястье нет никаких следов цепи.

– Правда, там был небольшой зазор, перчатка, и она предохраняла

кожу...

Я нахмурился:

– Послушайте, вы знаете то, чего не знаю я. Перестаньте ходить вокруг да около и скажите наконец, что происходит. Где Мишель?

Усатый полицейский наклонился вперед. Он был высокий, с бритой головой и торчащими ушами. Теперь слово взял он:

– Давайте я попробую сказать вам, что происходит, и разъяснить, какова на самом деле реальность, с которой мы столкнулись. Так сказать, реальность объективная. Хотите?

Я кивнул, закусив губы. А он буквально сверлил меня взглядом.

– Туристы обнаружили вас в Фужероле, в лесу, на пешей тропе. В двух шагах от загородного дома вашего друга Патрика Бюнеля. Вы лежали на мерзлой земле в ужасном состоянии, были абсолютно раздеты и прикрыты разостланной волчьей шкурой. Туристы позвонили нам, то есть в полицию, и в скорую помощь. В нескольких метрах от вас, на территории, принадлежащей вашему другу, стоял ваш пикап. Неподалеку там есть трехуровневый блокгауз. Верхний уровень надземный, средний в пяти метрах под землей, и в него ведет винтовая лестница. Есть еще нижний уровень, в девяти метрах под землей. Средний уровень представляет собой просторное помещение, примерно двадцать метров на десять, из которого наверх, в надземный уровень, ведет вентиляционная шахта, а в нижний – колодец с трапом. Вам этот блокгауз знаком, месье Тувье, потому что вы там провели немало времени со своей собакой. Или я ошибаюсь?

Черт возьми, блокгауз! Зачем он со мной об этом заговорил? Я не понимал, куда он клонит. И что мне делать в Меце?

– Да, это было четыре года назад. Я тогда спасал собаку от смерти. Но я с ней был на верхнем этаже и никогда не спускался ниже.

– Четыре года назад, говорите... И вы, конечно, ни разу туда больше не приезжали?

– Нет.

По тому, как скривились его губы, я понял, что ответ его совсем не удовлетворил.

– А что вы думаете о том, чтобы туда наведаться и взглянуть на это место? Может, этот визит освежит вашу память? И вы сможете в менее ирреалистичной манере объяснить нам, как вы смогли до такой степени искромсать свою собаку и тело человека?

– Ирреалистичной? Вы хотите сказать, что не верите мне?

– Поверить вам? К примеру, в то, что человек, уже девятнадцать лет как погибший, явился с того света, чтобы вам отомстить?

Он бросил быстрый взгляд на другого полицейского.

– Поверить в латексный манекен вашей дочери, замороженный в ледник? Или в сто тысяч евро, сгоревшие на глазах у типа, чьей фамилии вы так и не узнали? Или в фотоаппарат, или в револьвер с двумя сорокапятизарядными барабанами? В электронные чипы, вмонтированные в браслеты от цепей? А может, в тайный код на обратной стороне сережки, который невозможно прочесть из-за... железной маски? Вы начитались приключенческих романов или фантастики. Вы хоть отдаете себе отчет, насколько глупа ваша история?

У меня перехватило дыхание, я шумно сглотнул. Все понятно. Они принимают меня за сумасшедшего.

– Вы должны как можно скорее поговорить с Мишелем, он все объяснит...

Психиатр встал с места и наклонился ко мне:

– Мишель – это тот человек, у которого взорвалась голова? С татуированным орлом на бедре? Это его вы называете Мишелем?

– Нет, нет! Это не Мишель, это тот, кто истязал нас!

– Никакого Мишеля нет, месье Тувье. Он существует только в вашем воображении. Там, где мы вас обнаружили, не было никого, кроме вас, трупа с татуировкой орла и тела вашей собаки. Никаких цепей, никакой железной маски и никакого чипа для электронного замка. Все это из научной фантастики. А на самом деле ничего нет.

– Что вы мне такое рассказываете?

– Правду.

Я отказывался его слушать, он меня намеренно путал. Надо было по возможности сохранять спокойствие и самообладание.

– Мишель Маркиз... Поищите в справочнике. Он живет в Альбервиле, работает на бойне. Не мог же он просто так исчезнуть...

И тут... словно огромная волна хлестнула по молу и рассыпалась тучей брызг.

Конец света...

Я вдруг понял.

Я попытался встать, разинув рот и вытаращив глаза. И вдруг завалился набок и схватился за спинку кровати.

Мне с трудом удалось произнести:

– Макс. Мишель, Макс...

Мне помогли подняться. Тело мое напряглось, внутри все опустилось.

Самая последняя, самая изощренная месть. Быть как можно ближе к западне. Быть в самой западне.

Макс явился в западню, как троянский конь. Он стал Мишелем.

Я невидящим взглядом уставился в линолеум. Так вот оно что... Макс страдал вместе со мной, чтобы отслеживать каждую мою мысль, чтобы разрушить все, что было мне близко, всю мою жизнь. Чтобы вытолкнуть меня за грань выживания, туда, где рушатся все физические и умственные барьеры, ради одной цели: вырвать истину, запрятанную на самом дне подсознания.

Узнать, действительно ли я его убил. И действительно ли тот последний образ, который врезался ему в память во время падения, был объективной истиной. И он меня дожал. Я сознался в том, в чем не сознался бы ни за что на свете.

Я изо всех сил вцепился в одеяло и встал. Глаза застилала слезы.

– Хорошо. Я согласен туда поехать. Прямо сейчас. Только... Я вас прошу...

Я подошел вплотную к усатому полицейскому:

– Макс не умер. Спрячьте мою дочь в безопасное место.

Представь себе, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная – глянь-ка – невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. ^[26]

Платон. Республика. Символ пещеры

По мере того как автомобиль углублялся в лес, я начал понимать, в какую мощную западню угодил. Достаточно рассмотреть мое положение. Я сидел на заднем сиденье полицейской машины в наручниках, для моей безопасности, как мне сообщили. Двое офицеров, с самого начала дежурившие у моей койки, ни на шаг не отходили от меня. Психиатр явился в сопровождении двух господ в штатском и при галстуках. При каждом моем движении, после каждого вопроса или утверждения на меня смотрели как на сумасшедшего, хуже того, как на сумасшедшего убийцу. Я не знал, каким образом переломить ситуацию, но ее надо было переломить. Прекратить весь этот гнусный маскарад. Надо доказать, что Макс Бек существует, что он заточил меня в пропасть и держал там в жутких условиях, что он сделал все, чтобы я потерял рассудок.

Снег все еще падал, когда мы подъехали к загородным владениям Патрика Бюнеля. Я был абсолютно уверен, что ни разу сюда не приезжал в последние четыре года. За это время здесь ничего не изменилось, разве что плющ заполнил всю крышу шале. Шлагбаум был открыт, и машины свободно въехали. Первое, что меня потрясло, был мой пикап, припаркованный между бункером и шале. Номерной знак 74.

– Вы узнаете этот автомобиль, месье Тувье?

Я стиснул зубы:

– Это мой автомобиль. Его сюда пригнал Макс Бек.

Наилучшая защита – оставаться спокойным и говорить правду. Я и не

собираюсь лгать. Если они увидят, что я уравновешен и четко все объясняю, то поймут, что я в своем уме и мне нечего скрывать. На стоянке возле пикапов толпились замерзшие полицейские. Входные двери пакгауза перегородили желтой лентой. У меня в голове сразу нарисовался худший из сценариев. Мишель – Макс меня усыпил или накачал наркотиком, вынес меня через галерею из подземелья и перенес сюда вместе с трупом Пока и того типа с татуировкой орла. Единственная неприятность, которую он себе причинил, – это поездка на пикапе с трупами в багажнике. А сожженные сто тысяч евро? Фальшивые купюры? Или сбережения всей жизни? И его месть не закончилась за пределами подземелья. Наоборот, она только началась. Ему было мало отнять у меня Франсуазу и раздавить меня психологически. Он хотел, чтобы меня упекли. В тюрьму, в психушку... В такое место, где я не смогу больше видеть солнце, почувствовать запах травы. В вечную пропасть.

Но я не дамся. Я собрал всю свою волю, все мужество и вышел из машины. Снег валил сплошной стеной. Дул сильный ветер, и было очень холодно, наверное, один-два градуса ниже нуля.

– Ну, теперь вам это что-нибудь напоминает?

Я решительно и уверенно посмотрел на усатого полицейского:

– Нет. Ничего.

Усатый придвинулся к самому моему уху:

– У тебя не выйдет долго надо мной издеваться, уж поверь мне.

Он включил фонарь, подозвал одного из полицейских и обернулся к остальным:

– Пошли! Только не надо туда тащиться толпе в пятьдесят человек. Со мной пойдет только доктор Пармантье.

Он приподнял ленты ограждения, толкнул тяжелую металлическую дверь и отряхнул пальто. Перед нами открылся бетонный коридор метра три-четыре длиной. Мы вошли. Снова оказавшись здесь, я испытал странное чувство. Я вспоминал звуки, образы... Свое сражение с Поком, чтобы вернуть его к жизни. Незабываемые моменты, проведенные вместе с ним. Мы не повернули налево, в помещение, где четыре года назад я закрылся со своим псом, а направились прямо к винтовой лестнице. Меня вдруг охватил страх, ноги отказывались слушаться. Я затоптался на месте, пытаюсь повернуть назад. Психиатр преградил мне дорогу:

– Надо идти, месье Тувье. Вы ничего не будете бояться, договорились?

Я кивнул, зажав рот руками. Надо себя контролировать. До ушей опять дошел его голос:

– Что вас так напугало? Темнота?

Я задумался. Но думать надо было быстро, чтобы не попасть впросак.

– Нет. Можем спускаться.

Дневной свет постепенно погас. Фонарь полицейского освещал бугорчатые серые стены. Откуда-то тянуло ветром, с потолка просачивалась и тихо капала вода. Чтобы войти в следующую дверь, нам пришлось нагнуться. Дверь открылась со скрипом. За ней оказался длинный коридор с поворотом. Он привел нас в просторный зал с очень высоким потолком. Полицейский нагнулся и нажал какую-то кнопку. Сначала раздалось гудение, потом вспыхнул галогенный свет.

Я застонал, прижав кулаки к лицу.

Посредине зала возвышалась палатка. Моя кроваво-красная пирамида с колышками, вбитыми в пол. Пошатываясь, я подошел ближе. По полу вдоль стен шла красная линия.

– Раньше, во времена Второй мировой войны, здесь был командный пункт, – сказал психиатр. – Офицеры обсуждали конфиденциальные вопросы возле стены. Если кто-то хотел обратиться к ним, он имел право зайти за красную линию только с разрешения старшего по званию.

Когда мы заходили за линию, он поддерживал меня за руки. Вентиляционное отверстие на потолке вело на верхний этаж. Я обошел несколько кучек дерьма, обогнул колодец, зиявший слева. Мне казалось, что меня вот-вот вырвет, или я потеряю сознание, или и то и другое. Те же вбитые в бетон колышки, те же натянутые веревки. Я разглядел даже озерцо воды перед палаткой, которое мы устроили, чтобы выманить Пока.

Макс все воспроизвел один в один.

Сердце у меня выскакивало, когда я вошел в палатку.

Теперь я упал на колени и пополз на четвереньках. Пальцы мои пробежали по восьми вертикальным насечкам на коремате, и я не смог сдержать слез... Внутри лежала моя одежда, как была, нетронутая. Куртка, свитер с разорванным рукавом, рукавицы, подбитые мехом ботинки. Кастрюля, стакан, горелка, каска с баллончиком ацетилена... Я встряхнул баллончик: он был пуст. Ведь весь газ вышел тогда, возле ледника. Потому что все здесь было ненастоящим.

Я обернулся к двоим спутникам. Грудь у меня ходила ходуном, я плакал и смеялся одновременно.

– Это обман! Он нас всех обвел вокруг пальца!

Я указал на стенки палатки:

– Он снял внутреннюю палатку, потому что она была забрызгана кровью! Вы что же, думаете, я стал бы ставить только тент без внутренней палатки? Он притащил сюда только то, что надо было ему, чтобы... чтобы

загнать меня в ловушку! Один спальник, один коремат, одна пара рукавиц! И надпись «Кто лжец?» с моей куртки спорота. А где ящик и топор? А Фарид? Его тело сейчас на дне другой, настоящей пропасти, и цепь там же. Макс снял палатку и перенес сюда и дерьмо тоже перетащил. Уму непостижимо!

Я заметил проигрыватель. Пластинку с птичьим пением.

– Он все предусмотрел с самого начала. Для того и принес сюда этот странный хлам: проигрыватель на сорок пять оборотов. Ему надо было, чтобы меня сочли психом.

Поискав глазами, я не нашел фотоаппарата. И «ловушка для сновидений» тоже исчезла. На ум пришла фотография незнакомых мужчины и женщины перед лавкой бижутерии. Может, Макс щелкнул случайных людей... А татуировка, а серьга с буквой «С»? А может, не Седрик? Может, Клэр?^[27]

Я показал на острый камень:

– И камень не тот.

Поднявшись на ноги, я откинул назад волосы руками в наручниках.

– Вы что, до сих пор не поняли, что все это – гигантский маскарад?

Полицейский взвился от ярости и потащил меня за руку прочь из палатки. Потом вынул из кармана несколько фотографий и швырнул мне в лицо:

– Гляди, что наснимали мои ребята. Гляди хорошенько!

Снимки упали на пол, я их поднял и поднес к свету. На этот раз мой желудок свело спазмом, и, хотя рвоты не было, им пришлось дать мне противорвотное. На первых снимках были крупные планы Пока с полностью содранной шкурой. Он превратился в какую-то кровавую массу, но не это повергло меня в шок. Тут было что-то, чего я не мог понять. Труп собаки был совершенно цел. А где след от выстрела? Или пуля задела только кожу? И самое главное: откуда же отрезали те куски мяса, которые мы ели? Я поискал глазами психиатра. Он оказался у меня за спиной. Стиснув зубы и затаив дыхание, я всмотрелся в остальные снимки. Они выскользнули из рук, и я так и остался стоять, неподвижно уставившись в раскрытые ладони.

– Да, – сказал полицейский, – я вижу, ты кое-что вспомнил. Тебе мало было содрать с него кожу. Ты этого мужика попросту съел. А камнем ты отрезал куски с его бедер, с груди, со спины и потом варил в этой кастрюльке и жрал.

Он отошел в сторону и стал бросать мне валяющиеся на полу канистры. Большинство из них были пусты, но в некоторых еще сохранилась вода.

– Это и есть твой ледник?

Я старался держаться на ногах твердо и прямо. Надо было выстоять, хотя я был на грани помешательства.

– Макс... он кормил нас человечиной... а нам говорил, что это мясо моей собаки. Ведь мы были в цепях и до галереи дойти не могли.

Усатый показал на коридор, по которому мы вошли:

– Вот до этой галереи?

– Нет, не до этой. До той, что была в подземелье, где держали Фариду, Мишеля и меня.

Полицейский заметался взад-вперед, сжав кулаки:

– Завязывай, наконец, с этой игрой. Мы нашли в коридоре револьвер MR-73, которым воспользовались, чтобы разнести голову жертве. И угадай, чьи на нем были отпечатки?

Я лихорадочно соображал, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку: любой промах, ошибку, что-то забытое. Но Макс был не из тех, кто что-то забывает. Я должен настаивать на своем и ни в коем случае не сомневаться.

– Подозреваю, что мои. Но это не я, это Макс стрелял.

– Ну конечно. И полагаю, ты не знаешь, кого тут убили выстрелом в упор?

– Нет.

Мощные челюсти полицейского хрустнули.

– На какую сумму была застрахована жизнь твоей жены?

Я вытаращил глаза. Психиатр держался в сторонке, но я был уверен, что он здесь на всякий случай. Кто его знает, этого мента, что ему придет в голову со мной сделать.

– Что?

– Ты прекрасно знаешь сколько. Четыреста тысяч евро. Ты положишь себе в карман четыреста тысяч евро. Согласись, удачно получилось. Ты ведь перестал прилично зарабатывать, потому что впал в депрессию, когда узнал о болезни жены... Да еще дочка с ее учебой, которая стоила дорого. Несладкая жизнь, а?

– Да как вы смеете!

Полицейский держал перед собой фото мертвеца с татуировкой орла:

– Это он должен был стать донором костного мозга для твоей жены. Он исчез за два дня до тебя. Твоя жена с ним встречалась, ты знал его адрес. Было бы логично нанести ему визит, правда? О да... Ты к нему пошел, привел его сюда и прикончил, чтобы не делать жене пересадку. Только есть тут какая-то загвоздка. Из всей мизансцены не могу взять в толк, что тебя побудило закрываться здесь, уродовать себе ладони, сдирать шкуру со

своей собаки и жрать человечину.

Я начал отключаться. Острая боль пронзила голову, и я упал.

Очнулся я снаружи, сидя на снегу под деревом. Небо прояснилось, свежий воздух приятно оведал лицо. Мне понадобилось время, чтобы сообразить, где я и что со мной происходит. А заодно и вспомнить открытия, которые одно за другим выталкивали меня за грань безумия.

Передо мной возвышались серые стены блокгауза с крошечными окошками-бойницами. Вдруг сверху небо разрезал самолет. Двигатели поглощали воздух и оставляли за собой облачный след. Лес закачался от мощной звуковой волны. Я вздрогнул и сжался в комок. Кулаки в наручниках так и не разжимались. Звон цепи буквально просверлил барабанные перепонки. Опять обвал?

Я повернул голову. Психиатр сидел рядом на корточках и протягивал мне стакан. Полицейские курили в стороне и о чем-то тихо переговаривались. Доктор поднял голову к небу.

– Здесь рядом летная база. Если находишься в блокгаузе, легко может показаться, что при каждом пролете случается обвал.

Я поднес к губам горячий кофе и отпил глоток. Мне сразу стало так хорошо...

– Я не сумасшедший. Вся эта история со страховкой абсолютно лишена смысла. Я не убивал этого человека.

– Но вы его съели. Может, его вы и приняли за Мишеля?

– Никогда в жизни.

– А вы никогда не задавались вопросом, существовали ли в действительности те люди, что были с вами в подземелье?

Я впился ногтями в мерзлую землю.

– Нет. Они были так же реальны, как вы сейчас. Все было реально: и подземелье, и ледник. Вам надо сосредоточиться на поиске Макса Бека и перестать срывать злобу на мне. Единственное, о чем я прошу, – это дать мне вернуться домой. Я хочу попрощаться с женой. Я хочу... увидеть дочь.

– К сожалению, пока это невозможно.

Я протяжно вздохнул:

– Клэр, по крайней мере, в безопасности?

– Да.

Я повернулся к лесу. Деревья уходили куда-то в бесконечность. Я знал, что Макс здесь, на свободе. И он за мной следит. И наверняка окажется там, где я его меньше всего ждал. Психиатр полистал мое досье:

– У вас в юности были проблемы. Безотчетная бисексуальность... Ваш отец не мог с этим смириться и бил вас. Вы убегали из дому. Вас посылали

на исправление. В подростковом возрасте и в юности это выливалось в буйный протест и стремление к телесному страданию.

Он указал на мою ладонь, порезанную на карнизе острым камнем:

– Вплоть до самоистязания.

– Да не истязал я себя никогда! Я...

– А потом начались все эти горы, путешествия. Забираться все выше, уходить все дальше и постоянно страдать, все больше и больше, чтобы изжить свою бисексуальность. И вам это удалось. А потом произошла драма, которая вас потрясла: потеря лучшего друга.

Хрустнув коленями, он привстал и, поморщившись, снова опустился на колени. Похоже, холод его парализовал.

– Вам известно, что последние медицинские исследования доказали, что на высоте повреждаются некоторые участки мозга? И эти повреждения необратимы, как у боксеров.

– Возможно. Но мне это жить никогда не мешало.

– Это могло нарушить вашу психику. Ваша жена была при смерти, вы постоянно принимали антидепрессанты... Все это не способствовало порядку в голове. Все постепенно накапливалось, собиралось, а потом произошел взрыв... Тот мир, который вы воссоздали в блокгаузе, – это смешение разных периодов вашей жизни, собрание предметов, представлявших ценность для вас. К примеру, пластинки, палатка, то есть то, что символизирует пятнадцать лет занятий альпинизмом. В юности вы увлекались спелеологией, и в вашем сознании отпечатались подземные пропасти и гроты, где вы побывали. Ваша психика с легкостью превратила серые бетонные стены в то, что вам хотелось, достаточно было искусного смешения пережитого и воображаемого. А ваш отец, человеконенавистник и расист, разве не запрещал вам водиться с «цветными»? И вы воспроизвели этот запрет в своем бессознательном мире. И появился Фарид, мальчик-араб.

Вздрагивая от холода, он вытащил из кармана ксерокопию. У меня сжалось сердце.

– Узнаете?

– Это текст Чарльза Боудена, который я заказал выгравировать на пластинке розового гранита для Франсуазы.

– *«Я мечтаю о пении птиц, о запахе земли, размятой в пальцах, о зеленой сияющей листве растений, которые я заботливо поливаю. Мне хотелось бы купить клочок земли, где водились бы олени, кабаны и птицы, росли бы тополя и клены. Я выкопаю пруд, где поселятся утки, а по вечерам рыбы станут выпрыгивать из воды, ловя насекомых...»* Этот пруд

вы воспроизвели у входа в палатку. А пение птиц было на пластинке, которую вы принесли. Разве вы не спрашивали себя, когда «очнулись», откуда в таком месте взялся странный предмет: проигрыватель?

– Так в этом и состоит ваша работа? Скрупулезно разбирать все, что я мог сказать или сделать, ради того, чтобы найти связи там, где их нет? А саламандры в блокаuze есть? А сталактиты? Я до сих пор чувствую запах сырого камня, слышу треск льда, музыку капель, падающих на землю. И ветер... Вы все это слышали там, в блокаuze? Вы что, действительно думаете, что я мог сочинить подобную историю?

– Это вы-то сомневаетесь в силе воображения? Мальчик, воспитанный на Жюль Верне и Джеке Лондоне? Подумайте сейчас, сию минуту, о Фариде. О Фариде Бесфамильном. Он являл собой смешение частичек вашего прошлого. Он был и прелестным магрибским мальчишкой, с которым отец запрещал играть, и одновременно тем юношей, которого вы желали любить. Разве вы не прижимались к нему? Разве не ему отдавали свою любовь? Все это не более чем символы, Жонатан. Вглядитесь в Фариду, ведь в нем же вы сами, ваша личность. Ну, разве что глаза у него были странно голубые.

– Фарид действительно существовал.

– Ну, если верить вашему рассказу, то почему этот самый Макс не убил его сразу, используя как носильщика? Почему оставил его в живых?

– Потому что у Фариды была своя роль в мести Макса. Он должен был открыть мне правду про разбойное нападение. И он должен был привести меня к фальшивому трупу мой дочери, украденному в киномастерской.

– В таком случае докажите, что Фарид существовал. Представьте доказательства. Как его фамилия? Где он жил на самом деле? У вас есть его адрес?

– Он говорил, что жил где-то на севере. Скитался из дома в дом. Что он... уже долгое время не виделся с родителями.

Я задумался. Несомненно, было какое-то доказательство его существования, и оно связано с насилием.

– Если он исчез, может, его искали?

– Бродяг и маргиналов редко кто ищет.

Психиатр наклонился ко мне. От него пахло кофе.

– Ищите, ищите, где прокол, Жонатан, все вымышленные персонажи обычно имеют свои «мелкие детали». Такова прокушенная и зашитая рука Мишеля, которая есть не что иное, как оживший эпизод с вашей раненой собакой, которую вы сами и зашивали. Не исключено, что какие-то детали покажутся вам разными, если вспомнить. Места действия будут еле

уловимо отличаться друг от друга, какие-то предметы будут исчезать и появляться, причем непонятно, по какой причине. Думайте, думайте. И вы получите доказательства того, что этих персонажей не было на самом деле.

– Марек Хальтер...

– Ну и?..

– Фарид цитировал Марека Хальтера, когда мечтал об оладушках. Еще... Ему кто-то читал Джека Лондона, когда он был маленький... «Белый Клык»... А сам он читать не мог.

– Очень хорошо.

Я нахмурил брови:

– Он приходил ко мне четыре года назад, чтобы... чтобы избить до смерти мою собаку.

Психиатр убежденно качнул головой:

– Ну да, так оно и есть. Все эти связи... хорошо. Продолжайте.

Подняв глаза к небу, я начал улыбаться.

– Прекрасно сыгранная исповедь... Что-то вроде сына блудницы.

Я снова повернулся к психиатру, и мой взгляд потемнел и наполнился ненавистью.

– Фарид и Макс Бек провели вместе неделю, когда привозили и сгружали в подземелье все необходимое. Бек вполне мог с ним разговаривать о Джеке Лондоне и о Мареке Хальтере. И еще о куче всяких подробностей, которые Макс обо мне знал. Возможно, Фарид хотел показать мне, что он образованный человек, и выложил все, что раньше слышал от Макса... Все было предусмотрено в малейших деталях. В течение долгих лет. Макс создал персонаж по имени Мишель Маркиз, придумал легенду прошлого. Он куда-то дел термометр, но я этот термометр видел и им пользовался! И потом... эта история с серьгой... Чушь, выдумка, чтобы оправдать ношение маски. Чтобы посеять тревогу. Он со мной играл.

Пармантье смиренно покачал головой. Потом украдкой посмотрел в сторону стражей порядка и придвинулся поближе.

– Полиция будет основываться на том, что нашли здесь, в этом месте, Жонатан. На фактах. Обглоданный труп человека, убитого из револьвера с вашими отпечатками. Шкура, снятая с вашей собаки. Вся эта история со страховкой.

Сердце у меня заколотилось.

– Ну и?.. Что все это значит?

Психиатр встал и потер руки, потом кивнул двум полицейским, чтобы подошли. Я с трудом поднялся. Под ногтями застряла кора. Я выпрямился

и встал в точности напротив него. Я запретил себе идти ко дну, как все того ждали. Я покорил Эверест, Килиманджаро и не желал становиться на колени перед кем попало. Я задержал дыхание и резко сказал:

– Итак, вы тоже мне не верите?

– Вопрос не в том, верить вам или нет. Психиатрическая экспертиза, которую я проведу вместе с другими коллегами, призвана решить, какова мера вашей ответственности в разыгравшейся драме.

Он отошел в сторону, и меня крепко схватили за руки. Я не сопротивлялся.

Я поднял голову с достоинством и мужеством.

Как каждый раз, когда шел на штурм вершины.

Человеческие особи имеют отвратительную манеру пренебрежительно описывать все, чего они не знают, или все, что выходит за рамки их привычного видения. Многие считали меня покорителем бесполезных вершин или сумасшедшим. Но я отказываюсь верить, что я сумасшедший.

Личные заметки Жонатана Тувье (1985)

Я потянулся: очень болела спина. Надо мной крошечное окошко, сквозь которое проникает полоска света. Мне страшно, я измотан, я даже спать боюсь. Меня доконали бесконечные допросы, когда мне то орут прямо в уши, то размахивают кулаками перед носом. Наверное, они считают, что силой и запугиванием заставят меня рассказать то, чего не было в действительности. Ошибаются ребята, меня так просто не возьмешь. Они понятия не имеют, сквозь какой ад я прошел. Но им надо, чтобы реальность была такой, как им хочется.

Тут резко распахнулась дверь и раздался звук, похожий на звук падающего льда. У себя в углу я весь подобрался, подтянул колени к груди и наморщил лицо. Замерев, я понял, на кого сейчас похож: такая реакция бывает у зверя, загнанного в угол клетки. Против света я увидел только темный силуэт и красную точку посередине: огонек сигареты. Передо мной стоял усатый полицейский, кошмар моей жизни. Он прислонился к стенке возле двери и с удовольствием затынулся.

– Не думай, что тебе удастся уйти от суда, прикинувшись психом. Со мной эти штучки не пройдут.

– Я не сумасшедший. Я сказал правду.

Полицейский отбросил сигарету и поднял меня с пола за шиворот:

– И я должен такую правду рассказать жене того человека, которого ты сожрал?

Он толкнул меня к выходу. Я нагнулся, поднял брошенный окурочок и со вздохом облегчения отступил к стене.

– Никогда ничего не бросай... Это мне мама советовала в юности. А в блокгаузе вы находили окурочки?

– Не в блокгаузе, а в кармане твоей куртки, вместе с пустой пачкой

«Голуаз».

Я победно стиснул кулаки:

– А вы знаете, что я не курю?

– У тебя в крови обнаружили следы никотина.

– Ну да, верно... Я пробовал курить там, внизу. Но это исключение... Я по телевизору слышал, что по окурку можно определить, кто выкурил сигарету. По ДНК. Это правда?

– Правда.

– Я собрал все окурки от сигарет Фариды. Этого должно быть достаточно, чтобы его найти по картотеке. Он был правонарушителем, и его наверняка знали ваши службы. А если вы докопаетесь до него, он приведет вас к Максиму Беку. Приятель Фариды его видел, этот Бек им заплатил, чтобы они избили мою собаку. И вы убедитесь, что я сказал правду.

Губы полицейского потонули в усах, он задумался. Я явно сбил его с толку.

– Резонно, – сказал он. – В наши дни можно делать удивительные вещи. Проблема только в том, что у тебя во внутреннем кармане куртки нашли всего один окурочек.

– Этого что, недостаточно?

– Конечно достаточно. Мы произвели анализ слюны на ДНК. И эта ДНК твоя.

Эпилог

Этот роман – всего лишь выход их ситуации. И выход ни в коей мере не насильственный, как могло показаться.

Франк Тилье

Семь лет спустя.

Урна с прахом Франсуазы покоится на моих усталых коленях. Утро нынче прохладное, но весна уже озаряет долину своим светом. Мы в последний раз вместе любимся этими местами, исторгнутыми из чрева земли. Внизу, чуть в стороне, как на китайской картинке теней, вырисовываются горы, на которые я уже никогда не взойду. Мои горы... Я их так любил...

Семь долгих лет, проведенные в психиатрической клинике, кончились тем, что я все-таки признал, что все выдумал. И моя невероятная история была просто завихрением сознания по причине груза юношеских проблем и гибели друга на моих глазах на Сиула-Гранде. В 2011 году экспертная комиссия признала меня невменяемым. Процесс закончился закрытием дела за отсутствием состава преступления по причине психического расстройства подсудимого. Короче, специалисты, собранные по моему делу, пришли к заключению: «приступ острого бреда». И они же теперь признали меня «стабильным» и не представляющим опасности для общества.

Теперь, через семь лет, все видится таким далеким, размытым. Словно то подземелье и не существовало никогда, а действительно было чистейшей выдумкой, настолько вся эта история кажется мне нынче нереальной. Я часто перечитываю свой роман «Тьма», написанный в больнице. Он в общих чертах воспроизводит все, что память сочла нужным высветить с непонятной четкостью. Каждый день, каждую ночь, которые дает мне Бог, я цепляюсь за эти детали как за спасительный плот.

Мы с Максом – двое во всем мире, кто знает, что этот ужас действительно существовал. Мы существуем, и мы знаем. И это самое важное.

Ни медики, ни полицейские так и не смогли назвать реальных мотивов, побудивших меня убить, а потом съесть донора костного мозга для моей

жены. Версии со страховкой и с какой-то непонятной мстью отпали сами собой. У них не было никакого логического объяснения, кроме того, что предложил им я, но моему объяснению они не верили. Странно, но именно тот факт, что я сожрал Фреда Фонте, то есть донора, избавил меня от тюрьмы. Человек «нормальный» никогда бы такого не сделал.

Они несколько раз обозвали меня «каннибалом», и это было хуже всего.

Опершись на маленькую урну из орехового дерева, я с трудом выпрямился. Старею, явно старею. Легкий ветерок шевелил мне волосы и напоминал, что пора закончить с этим делом. Сделать последний шаг в надежде на то, что дальше будет лучше. Удостоверившись, что внизу нет туристов, я встал на четвереньки, как старая собака, которая когда-то искала в лесу трюфели, и подполз к обрыву. Лоб покрылся каплями пота, зубы скрипнули, движения замедлились, и я начал дрожать, застыв на месте, не в силах пошевелиться.

Невероятным усилием я добрался до края, два последних метра преодолев на животе. Это я-то, кто бросал вызов самым скверным ситуациям, кто прошел места с ужасающими названиями: «Гнилая расселина», «Ледяная кишка», «Бивак смерти»... И так далее.

Я сел и глубоко вздохнул. Вот я и у цели. Я в последний раз поцеловал урну и осторожно открыл крышку. Пепел рассыпался маленькими темными полосками, они крутились в воздухе и исчезали. Моя звезда вернулась на небо, которое боготворила. Я знал, что там ее ждет место...

– Я любил тебя, Франсуаза. Так любил...

Инстинктивно я потрогал правой рукой палец на левой, где было когда-то обручальное кольцо. Макс действительно разрушил все под корень. И тут громкий и настырный крик хищной птицы заставил меня поднять голову. Прямо надо мной кружил орел, благородная птица в золотом оперении с огненным узором. Орлы здесь большая редкость, мне никогда не доводилось их видеть. Я нахмурил брови, ощутив привкус тревоги на губах. Где-то я уже встречал эту птицу. Я прикрыл глаза и увидел татуировку на бедре тридцатисемилетнего отца семейства, кусочек чьей плоти я когда-то съел. У этого отца семейства Макс – или Мишель – украл обручальное кольцо и надел себе на палец. Я сожрал единственного человека, который мог спасти мою жену. И я все-таки сумел выжить со всеми этими ужасами в голове. Может, в этом и познаются великие альпинисты. Ведь мы из другого теста...

Орел явно волновался, и по тому, как четко он нарезал круги, я понял, что он чего-то ждет. Может, он побуждал меня прыгнуть вниз, как

поступали все супергерои моего детства, кого-нибудь спасая? Я тоже когда-то прыгал с крыши нашего дома.

Я поднялся, губы скривились в гримасу, все мышцы окаменели. Вот сейчас, сию секунду все может кончиться. Надо сделать всего один шаг. Просто шаг – и завершится моя история, и прекратятся все страдания.

Но страдать мне нравилось.

Я поднял глаза: орла на небе не было. Тогда я отступил от края обрыва и двинулся в лес.

Мой старый пикап дожидался меня на пустынной стоянке. Я открыл машину, со вздохом сел за руль и вдруг заметил на пассажирском сиденье книгу, которую написал в психушке. «Тьма» вышла двенадцатитысячным тиражом, под псевдонимом, в очень солидном издательстве. Получился отличный саспенс. Но при чем тут пассажирское кресло моего автомобиля? Я быстро выскочил из машины и исследовал лес вокруг. Сосны подрагивали на ветру, и тишина накрыла все длинным живительным шлейфом.

Он опять объявился, я был уверен. Человек в железной маске. Но как он меня здесь выследил? И каким образом проник в автомобиль? Я что, забыл его закрыть?

Я забрался в машину и заперся в ней. Со спазмом в горле я схватил с сиденья книгу и заметил, что одна из страниц загнута. Кто-то подчеркнул красным одно место: мы все трое делим апельсин в день рождения Мишеля. В этот момент он постучал по своей маске пальцем и раздался странный звук, которого я никогда не забуду. «Безумие не отозвалось бы так гулко. Хорошенько запомните этот металлический звон. Пока он будет звучать у вас в голове, он будет доказывать, что вы не сошли с ума». Когда я листал книгу, из нее вдруг выпал маленький снимок, сделанный поляроидом. Я осторожно его поднял. С краю на снимке была дырочка, и я вспомнил, как мы нанизывали фото на веревочку, чтобы создать себе «ловушку для снов».

Снимок изображал Мишеля, Фариду и меня самого, сидящих в глубине палатки. Фарид протянул руку к объективу, я уписывал свою долю апельсина, а Мишель сидел как раз посередине, между нами.

Теперь у меня было доказательство того, что я не сумасшедший.

Примечания

1

Причиной многих ошибок и искажений являются холод и недостаток кислорода, из-за которых на этой высоте возможности мозга сокращаются на тридцать процентов. *(Примеч. авт.)*

2

Корематом туристы и альпинисты называют коврик из пенополиуретана, который подкладывают под спальный мешок. Есть еще название: пенка или пеночка. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

3

Ушные термометры удобны, чтобы измерять температуру, не расстегивая и не снимая одежды – например, на высоте, на холоде. Они маленькие и умещаются в небольшой карман.

4

Чехословацкий влчак – помесь волка и собаки, порода, выведенная искусственно и вобравшая в себя характерные черты как волка, так и собаки. Влчак – собака одного хозяина, отличается верностью и к чужим относится с недоверием.

5

Камином в альпинизме называется узкий вертикальный лаз в скале. Камин проходится, чаще всего, в распор, и рюкзак приходится спускать или поднимать отдельно.

6

Перевод В. Наумовой.

7

Астромеханический робот-дроид из фантастической киносаги «Звездные войны».

8

Перевод К. Серафимова.

9

Здесь Д. Робертс цитирует высказывание шотландского альпиниста Дугэла Хэстона. Перевод С. Калмыкова.

10

Перевод Н. Волжиной.

11

Перевод В. Чухно.

12

В музейном комплексе Гиссарлык в Турции, близ деревни Чанаккале, стоит модель троянского коня, сделанная в XX в.

13

Перевод К. Чуковского.

14

Перевод Е. Лопыревой.

15

Анри Гийоме – французский летчик, друг Антуана де Сент-Экзюпери. Ему посвящена книга «Земля людей».

16

Перевод Н. Минского.

17

11 ноября во Франции отмечается День перемирия и окончания Первой мировой войны.

18

Счастливчик Люк (англ. Lucky Luke) – герой знаменитого вестерна

(1991), одноименного комикса и телесериала.

19

Аббат Пьер – французский католический священник, основавший международную благотворительную организацию «Эммаус».

20

Перевод Е. Дубянской.

21

Перевод С. Калмыкова.

22

Перевод Н. Егорова.

23

Перевод С. Франка.

24

Айсбайль – ледоруб, где на обратной стороне клюва не лопатка, а молоток. Как правило, современный айсбайль короче ледоруба.

25

Перевод С. Долгова.

26

Перевод А. Егунова.

27

По-французски оба имени, Cedric и Claire, пишутся с буквы «С».